

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

А.В. Любичанковский

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКА

Монография

Рекомендовано к изданию ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Оренбург
2023

УДК 911.3
ББК 26.8в
Л93

Научный редактор: доктор географических наук, профессор А.Г. Дружинин

Рецензенты:

доктор географических наук, профессор В.Н. Калуцков (МГУ им. М.В. Ломоносова);
доктор географических наук, профессор В.Н. Стрелецкий (Институт географии РАН)

Любичанковский, А. В.

Л93 Географические исследования ментальности: теория, методология, методы, практика: монография / А. В. Любичанковский; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2023. – 223 с.
ISBN 987-5-7410-3052-3

В монографии представлены основы географического подхода к исследованию ментальности. Теоретико-методологические основы проведенного исследования отражены в авторской геоэтологической концепции, позволяющей выявить пространственные формы, географическую структуру и иерархию ментальности. В работе также отражен ряд прикладных аспектов географического исследования ментальности, рассмотренных как содержательная иллюстрация к приведенной методологии. Материалы проведенного исследования могут быть использованы в процессе реализации образовательных программ высшего образования по направлению подготовки магистров 05.04.02 География и кадров высшей квалификации 1.6.13 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

УДК 911.3
ББК 26.8в

ISBN 987-5-7410-3052-3

© Любичанковский А.В., 2023
© ОГУ, 2023

Содержание

Введение	5
1 Объектно-предметная область географии ментальности.....	14
1.1 Развитие представлений о ментальности.....	14
1.2 Базовые понятия в контексте общественно-географического осмысления категориальной связки «ментальность-менталитет».....	32
1.3 Ментальность в географическом пространстве: подходы к концептуализации ..	43
1.4 География ментальности как этологическая география: предметно-объектный анализ.....	53
2. Теоретико-методологические основы исследовательского подхода к географии ментальности.....	69
2.1 Моральная география И. Канта как научно-философское основание этологической географии	69
2.2 Развитие идей Л.Н. Гумилева в контексте этологической географии.....	74
2.3 Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности	80
3. Геоэтологическая концепция: методология и методика изучения ментальности в географическом пространстве.....	95
3.1 Этнос в географическом пространстве: иерархия, детерминанты и структура.....	95
3.2 Ментальные факторы культурного регионализма.....	108
3.3 Методика выявления этноса в географическом пространстве: инструментально-методические приемы на локальном, мезо- и макрорегиональном уровнях	114
4. Идентификация географии ментальности в полиэтническом и моноэтническом геопространствах	134
4.1 Идентификация на мезо-географическом уровне (пример Урало-Каспийского полиэтничного региона)	134
4.1.1 География ментальности в контексте историко-географического подхода: структурирование геопространства ментальности	135
4.1.2 География ментальности в контексте литературно-географического подхода: феномен Урало-Каспийского региона.....	144
4.1.3 Определение границ Урало-Каспийского региона	149
4.2 Идентификация на микро-географическом уровне (моноэтнический пример Еревана)	161

Заключение.....	175
Список основных использованных источников.....	187
Приложение А Использование литературно-географического подхода для выявления стереотипа поведения (на примере латиноамериканских литературных ландшафтов Г.Г. Маркеса)	205
Приложение Б Ментально-географическая картина мира в "зеркале" статистического анализа социологического опроса Г. Хофстеде.....	211
Приложение В. Адаптированная для Армении анкета опросов М. П. Крылова для выявления региональной идентичности с переводом на армянский язык.....	220

Введение

Мир красив в своем многообразии. Осмыслить это разнообразие помогает география. Именно научная география выявляет под кажущейся бессистемностью разнообразных фактов глубокие коренные взаимосвязи. Фокусируя исследовательский интерес на пространстве явлений и процессов, необходимо учитывать развитие этих процессов во времени. Соединенность временной динамики с пространственной индивидуальностью составляет подлинную географическую реальность. Географическое наблюдение за этой реальностью не происходит извне. Это не обобщенная реальность общества, а тонкая грань между живой человеческой реальностью и научной абстракцией. В своей монографии мне бы хотелось выйти на эту тонкую грань и творчески реализовать классические исследовательские традиции географической науки в применении к такому сложному синтетическому понятию как ментальность.

В современном мире наблюдается широкое апеллирование понятием ментальность, причем используется оно значительно шире чисто научно-исследовательских рамок, и сопровождается большим количеством вариаций и индивидуальных смысловых насыщений. Ментальность не имеет кой терминологической определенности, однако эвристический потенциал этого понятия огромен для географической науки, так как ментальность обладает особым качеством, отличающим его от других содержаний психологии человека. Это такое содержание сознания, которое не редуцируется ни к какому другому содержанию сознания. Эпистемологически ментальность связана с различными уровнями, в которых можно выделить: ментальность как стиль мышления, связанный с основами психической природы человека; ментальность как индивидуальное свойство личности, выраженное в когнитивных функциях и, наконец, ментальность как стереотип поведения, различающийся в различных культурно-географических средах. Последний пласт ментальности интересен в географическом ракурсе

исследований, так как различие таких ментальных типов связано с пространственными различиями и, на наш взгляд, делает правомочным использование понятия «ментальность» в географическом исследовательском поле.

Одной из особенностей современного этапа в развитии общественной географии является возобновление антропологических исследований. По своей сути исследования Н.Н. Миклухо-Маклая, А.К. Булатовича и др. являются антропогеографическими. В настоящее время их творческое наследие использует такая историческая дисциплина, как этнография. Это научное направление своим количеством активных членов и объемом публикаций совершенно загораживает этногеографическую ветвь общественной географии. Географическая интерпретация творческого наследия антропологов, а также расширение исследовательского поля поведенческой географии могут сыграть значимую роль в актуализации потенциально одного из приоритетных направлений отечественной общественной географии. Эту ветвь в исследованиях в первом приближении можно назвать геоантропологией. С нашей точки зрения, предлагаемое автором исследование вносит свою лепту в продвижение к этой цели.

Актуальность исследования. Общеизвестный процесс гуманизации и гуманитаризации в современной отечественной общественной географии за последние тридцать лет выразился в формировании и утверждении культурно-географической составляющей. Общественно-географическая национальная исследовательская традиция помимо достижений экономико-географической школы, дополняется высокой гуманитарной наукой - культурно-географической составляющей общественной географии. Культурно-географическая реальность включает в себя широкий комплекс поведенческих реалий, не сводимых к пространственному поведению. Бихевиористский подход, возникшей в англо-американской географии, ограничил себя пространственными аспектами в поведении людей. География может выявить и делимитировать в пространстве различные стереотипы поведения. Этот сложный географический объект исследования,

предполагающий теоретико-методологическую разработку, позволит расширить традиционные общественно-географические исследовательские сюжеты.

На пространственную организацию общества огромное влияние оказывают ментальные факторы. Наибольшую проявленность этих факторов можно наблюдать в культурном пространстве, прежде всего, в процессах культурного регионализма и пульсации взаимообусловленного социокультурного процесса индигеннизации – глобализации.

Существуют разные варианты названия географического подхода, исследовательское поле которого мы называем ментальной географией. Это и бихевиористская география, и география восприятия, и перцепционная география, и когнитивная география. В определенном дискурсе можно найти специфику употребления этих названий, однако, в общем, все они фокусируются на изучении пространственных различий в поведении человека и свойств пространственного восприятия в ментальности человека. Сведение географического анализа поведения к пространственному поведению, на наш взгляд, не оправданное сужение темы для географического анализа, так как пространственность самого явления заключается и в различениях типов поведения (то есть проявлении явления) в самом пространстве. Осознавая масштабность реализации такой задачи, на наш взгляд, целесообразно такое направление географического анализа отделить от ментальной географии, отделив тем самым и свое специфическое исследовательское поле в структуре общественно- географических исследований.

Теоретико-методологические основы исследования и степень изученности.

Работа продолжает отечественные исследовательские традиции, используя теоретические и методологические труды российских и советских географов Э.Б. Алаева, А.И. Алексеева, П.Я. Бакланова, Ю.А. Веденина, Т.И. Герасименко, Ю.Н. Гладкого, А.Г. Дружинина, В.Н. Калущкова, М.П. Крылова, С.Б. Лаврова, И.М. Майергойза, А.Г. Манакова, А.Н. Пилясова, П.М. Поляна, М.В. Рагулиной, Б.Б. Родомана, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.А. Слуки, Л.В. Смирнягина, В.Н.

Стрелецкого, А.А. Ткаченко, А.И. Трейвиша, Э.Л. Файбусовича, М.Д. Шарыгина, В.Е. Шувалова и В.А. Шупера.

Автор опирался на работы отечественных и зарубежных специалистов в области поведенческой и этнокультурной географии: Г.Ч. Брукфилда, Дж. Голда, Р. Голледжа, П. Гоулда, Н.Ю. Замятиной, Д. Сти, Т. Хегерстранда и др.; крупнейших антропологов: Р. Бенедикт, Г. Бейтсона, Ф. Боас, А. Кардинер, К. Клакхон, К. Леви-Стросса, С.В. Лурье, Б. Малиновского, М. Мид, Р. Редфилд, В.А. Тишкова и др.

Обосновываемое нами новое научное направление – этологическая география – во многом опирается на подходы, доминировавшие в первой трети прошлого столетия. В истории науки новый виток часто связан с ревизией прошлых подходов, который предшествующий этап не критично отвергает полностью из-за некоторых слабых сторон.

Основополагающее значение для формирования авторской геоэтологической концепции имели труды Л.Н. Гумилева, А.Г. Дружинина, И. Канта, Б. Малиновского и А.М. Пятигорского. В практике ментально-географического исследования на примере конкретных регионов широко использовались результаты исследований зарубежных и отечественных специалистов, прежде всего, В.Н. Калущкова, К. Мацузато, А.В. Ремнева и Г.Г. Саркисяна. Для идентификации ментальности в общественно-географических исследованиях автор опирался на работы М. Блока, Ф. Броделя, П. Клаваля, С.В. Лурье, П.А. Сорокина, В.Н. Стрелецкого, Л. Февра, Д. Харви и др.

Основными методами, применявшимися в исследовании, послужили историко-географический, сравнительно-географический, системно-структурный, описательный, статистический, и картографический.

Объектно-предметную область географии ментальности в проведенном исследовании автор видит в следующем.

Объект исследования - пространственные структуры ментальности.

Предмет исследования - общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации ментальности населения.

В целом, предлагаемая работа ставит своей целью связать теоретические и методологические уровни исследований географии ментальности, давая практическую возможность выявления конкретного эмпирического содержания ментальности в географическом пространстве. Таким образом, **цель исследования** - разработка концептуальных основ изучения географии ментальности и методологии ее выявления в географическом пространстве.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) разработка теоретико-методологического аппарата по изучению географии ментальности;
- 2) формирование методики изучения ментальности в географическом пространстве;
- 3) выявление географических детерминант и пространственных форм организации ментальности;
- 4) определение позиционирования географии ментальности в структуре методологических подходов общественной географии.

Информационная и теоретическая база исследования состоит из источников, отражающих теоретическую, методологическую и прикладную возможность географической интерпретации ментальности.

1. Различная картографическая продукция (прежде всего - этнографические карты хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей, геоисторических регионов, литературно-географические, геолингвистические, топонимические карты и др.).
2. Материалы отечественных и зарубежных социологических опросов, определяющих культурные характеристики различных народов.
3. Отечественные и зарубежные литературные источники, архивные документы и материалы, а также авторские монографические издания.
4. Сводные статистические сборники переписи населения России и Армении, в том числе по этническому составу, владению языками и др.
5. Интернет-ресурсы.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. Сформирована, обоснована и апробирована в конкретном полимасштабном исследовании оригинальная терминологическая структура, позволяющая охарактеризовать ментальность как культурно-географическое явление.

2. Разработана авторская геоэтологическая концепция, позволяющая выявить пространственные формы, географическую структуру и иерархию ментальности.

3. Впервые предложена конкретная методика выявления и характеристики ментальности, апробированная на различных территориальных уровнях.

4. На основе теоретико-методологической проработки установлено позиционирование географии ментальности в структуре методологических подходов общественной географии.

Практическая значимость

Прикладной аспект проделанной работы определяется следующими составляющими.

Во-первых, прогностической компонентой проведенного исследования. Сформулированная в работе методика позволяет оценить характер ментально-географических сопряжений и установить среднесрочные тенденции таких взаимодействий.

Во-вторых, работа предлагает учет ментальных факторов взаимодействия в межкультурной среде, а также учет ментальных факторов при выработке практико-ориентированных рекомендаций для общественных и государственных организаций России, работающих в области национальных отношений и социокультурной адаптации мигрантов.

Результаты научного исследования могут быть использованы в преподавании учебных курсов «География культуры», «История географии», «История, теория и методология географии» направления подготовки бакалавров 05.03.02 География, магистров 05.04.02 География, подготовки кадров высшей квалификации 1.6.13 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Публикации и апробация результатов исследования. Основные положения и результаты проведенного исследования апробировались на Международных конференциях, проводившихся под эгидой Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО): III Ассамблея АРГО 29-30 сентября 2012 г. в Санкт-Петербурге на базе Санкт-Петербургского государственного университета (Международная научная конференция «Эволюция общественно-географической мысли»), IV Ассамблея АРГО 14 сентября 2013 г. в Москве на базе Института географии РАН (научная конференция с международным участием «Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы»), V Ассамблея АРГО 29-30 августа 2014 г. в Санкт-Петербурге на базе факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета (международной научной конференции «Позиционирование России и её регионов в современном мире: общественно-географический анализ и прогноз»), VI Ассамблея АРГО 16-20 сентября 2015 г. в Симферополе на базе Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского (Международная научная конференция «Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований»), VII Ассамблея АРГО 20-25 сентября 2016 г. в Грозном (Чеченская Республика) на базе факультета географии и геоэкологии Чеченского государственного университета (Международную научную конференцию «Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте»), VIII Ассамблея АРГО 26 сентября – 1 октября в г. Пермь на базе географического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (Международная научная конференция «Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дизинтеграционных процессах»), IX Ассамблея АРГО в г. Барнаул (12 - 19 сентября 2018 года) на базе географического факультета Алтайского государственного университета (Международная научная конференция «Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии»), X Ассамблея АРГО 18 - 21 сентября 2019 года в Казани на базе Института управления, экономики

и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета (Международная научная конференция «Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования»), XII Ассамблея АРГО 12 - 19 сентября 2021 г. в г. Ижевск в Удмуртском государственном университете (Международная научная конференция "Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз"), XIII Ассамблея 11 - 18 сентября 2022 г. в г. Тюмень в Тюменском государственном университете (Международная научная конференция «Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования»).

А также 10-14 мая 2018 года в городе Баку на Международной научной конференции географов-обществоведов "Общественная география в Азербайджане и России: приоритеты развития в XXI столетии" и 13-19 мая 2019 года в г. Ташкенте на Международной научно-практической конференции «Географическая наука Узбекистана и России: общие проблемы, потенциал и перспективы сотрудничества».

Структура работы. Структура монографии отражает теоретико-методологическую фокусировку проведенного исследования. Автор не выделяет специальный раздел для анализа прикладных аспектов географического исследования ментальности, рассматривая их как доказательную базу или содержательную иллюстрацию к приведенной методологии.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В первой главе проводится обоснование объектно-предметной области исследования географии ментальности. Предложен подход к концептуализации ментальности в географическом пространстве.

Во второй главе представлены теоретико-методологические основы исследовательского подхода к географии ментальности – от общих предпосылок до ключевых концептуальных подходов географического анализа ментальности. Среди важнейших оснований географии ментальности особо выделена роль моральной географии И. Канта и концепция этногенеза Л.Н. Гумилева.

В третьей главе предлагается авторская геоэтологическая концепция, в которой отражена методология и методика изучения ментальности в географическом пространстве.

В четвертой главе обосновывается идентификация географии ментальности в полиэтническом и моноэтническом геопространствах на мезо-географическом уровне (пример Урало-Каспийского полиэтничного региона) и на микро-географическом уровне (моноэтнический пример Еревана).

Хочу выразить огромную признательность и благодарность преподавателю русской словесности и риторики (свободному исследователю), тончайшему знатоку и ценителю армянской культуры – Ирине Аркадьевне Мамиджаниян (г. Ереван), которая с совершенной открытостью и добросердечием предоставила свою высококвалифицированную помощь при проведении полевых исследований в Армении.

Автор благодарит за существенную помощь в подготовке картографического материала своего аспиранта Александра Олеговича Поздеева, а также выражает благодарность своему магистранту Александру Сергеевичу Михайлову за статистический анализ социологического опроса Г. Хофстеде (приложение Б).

И, конечно, особая благодарность Наталье Любичанковской, моей Дорогой супруге, чья любовь, энергия и поддержка неизменно меня вдохновляют.

1 Объектно-предметная область географии ментальности

1.1 Развитие представлений о ментальности

Ментальность является понятием, которое не имеет точного эквивалента в русском языке. Считается, что различие ментальных типов индивидов связано с различными культурными средами. Следует также отметить, что в русскоязычной традиции значение понятия «ментальность», как правило, синонимично «менталитету» (нем. *mentalität*).

Термин менталитет (от позднелат. *mentalis* - умственный) был введен в научный оборот в начале XX в. Л. Леви-Брюлем и впоследствии распространен на область психологии французскими учеными Ш. Блонделем (1926) и А. Баллоном (1928), но быстро вышел из употребления. В дальнейшем это понятие употреблялось последователями школы "Анналов" (М. Блоком, Л. Февром, Ф. Броделем и др.), наряду с категорией "ментальности" (во мн. числе), обозначающей общие характеристики индивидов, живущих в одной культуре, но имеющих различный менталитет ввиду принадлежности к различным социальным слоям.¹

Эпистемологически менталитет восходит также к английскому понятию "mentality", но не совпадает с ним по содержанию, так как в англоязычных психологических словарях оно определяется как "качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов", "обобщение всех характеристик, отличающих ум", "способность или сила разума", "установки, настроение, содержание ума", "образ мыслей, направление и характер размышлений" и, наконец, "сумма мыслительных способностей, отличающихся от физических". В российской научной литературе содержание предметной области этого понятия включает в себя не только когнитивную сферу сознания (то есть знания, воззрения, верования, "чувствования", которыми обладает данная общность людей), но и иерархию ценностей, доминирующие потребности, архетипы коллективного бессознательного,

¹ Современный философский словарь / [Азаренко С. А. , Андрианов В. М. , Анкин Д. В. и др.] ; под общ.ред. В. Е. Кемерова. М. : Академический проект , 2004 , 861 с., 3-е изд., испр. и доп.

а также стереотипы мышления и поведения людей, детерминирующие специфику реагирования индивидов и общностей определенной эпохи, географической области и социальной среды на окружающий мир. Менталитет представляет собой не только самоидентификацию, то есть отнесение себя к той или иной общности, но и определенные знания о своем народе (группе), его характерных чертах, культуре, языке, территории проживания, истории. Он соединяет рациональную и эмоциональную сферы деятельности в процессе освоения, потребления и воспроизводства культуры. Менталитет характеризуется определенным (часто - эмоционально окрашенным и оценочным) отношением к труду, частной собственности, семье, политике, праву, религии и так далее.

Генезис и специфика менталитета опосредованы влиянием целого комплекса факторов: геоклиматических (рельеф, климат, географическое положение и др.), этноисторических (общность исторических коллизий и изменений), социально-экономических (доминирование в социуме длительное время определенных социальных институтов, например, общины в России), религиозных (формирование иерархии ценностей на базе религиозных догматов и под контролем религиозных институтов), политических (влияние политического режима) и др. Для менталитета характерны:

- 1) неререфлектируемость, стереотипичность проявления (подсознательный характер реагирования);
- 2) высокая устойчивость, неподатливость воздействию со стороны государства или других социальных институтов, при попытках коренного изменения.²

Можно констатировать, что в научном обороте все реже встречаются понятия «национальный характер», «психический склад нации», «базовая и модальная личность». Для обозначения психологических и мыслительных особенностей этнических общностей широко используется более подходящее слово «менталитет».³

² Там же.

³ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в)

При определении этноса как группы, главной характеристикой которой является осознание людьми своей принадлежности к ней, именно менталитет становится основным предметом этнопсихологического исследования.⁴

Менталитет - это интегральная характеристика людей, живущих в определенной культуре, которая позволяет описать их своеобразное видение окружающего мира и объяснить специфику реагирования на него. Он раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях, верованиях, традициях, задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей и характерные для народа убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие один этнос от другого.⁵

Из приведенных выше определений виден большой объем, подпадающих под феномен менталитета особенностей, естественным образом находящейся в сфере исследований целого полидисциплинарного комплекса – истории, психологии, биологии, социологии, культурологии, этнологии, включая многообразные субдисциплины более общих научных направлений. География в этом мультидисциплинарном комплексе должна занимать одно из ведущих мест, так как пространственность этого явления, проявляющаяся как в соотнесенности ментальности населения с определенным пространственно-территориальным уровнем, так и в оценке пространственных компонентов менталитета, является одним из ключевых, базовых свойств этого феномена.

Проанализируем соотношение понятий ментальность и менталитет. Начиная со школы «Анналов» в специальных научных разработках наблюдается попытка дифференцировать понятия ментальность – менталитет. Проанализируем соотношение этих понятий в традициях конкретных предметных отраслей, научных школ и ряда персональных исследователей (см. таблица 1).

⁴ Тамже.

⁵ Тамже.

Таблица 1 - Соотношение понятий ментальность / менталитет

Традиция предметного поля, научной школы или индивидуальный взгляд исследователя	Менталитет	Ментальность	Анализ
Последователи школы «Анналов» (М. Блок, ⁶ Л. Февр, Ф. Бродель и др. ⁷)	Очерчивает принадлежность к различным социальным слоям в рамках одной культуры	Описывает общие характеристики индивидов, живущих в одной культуре	Разводит понятия по персонально-коллективисткой соотнесенности
традиция современной исторической науки. ^{8,9}	Всеобщее, общечеловеческое явление	Относится к различным социальным стратам и историческим временам	Соотносится как универсально-человеческое свойство и продуцирование этого свойства на конкретные эпохи, социальные группы, классы и т.д. В исторической науке закрепились традиция употреблять термин ментальность, а не термин менталитет.
Психология ¹⁰	Универсальная способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социуму и времени.	Свое конкретно-историческое воплощение ментальность находит во множестве менталитетов различных эпох и народов.	Представляет ментальность всеобщим, а менталитет – конкретным воплощением.

Продолжение таблицы 1

⁶ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Таллин: Ээстираамат, 1983. 184 с

⁷ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах (1996) М.: Изд-во РГГУ.

⁸ Гуревич А. Я. Проблемы ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. Вып. 1. М., 1989

⁹ Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.

¹⁰ Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докл. науч. конф. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. – С.3-7.

Традиция предметного поля, научной школы или индивидуальный взгляд исследователя	Менталитет	Ментальность	Анализ
Культурология ^{11, 12}	специфическое явление, характерное для человека вообще	форма конкретного проявления менталитета	Тождественно с исторической отраслью знания
Социология ^{13, 14}	следствие процесса социализации – усвоения норм поведения, традиций и обычаев. В связи с этим концепция менталитета совпадает во многом с основными положениями национальной идеи. Вместе с тем представители разных народов являются носителями своей особенной культурно-исторической традиции, обычаев	у того или иного народа или страны имеется более чем один менталитет и поэтому вводится понятие полиментальности – множественности менталитетов.	Ментальность относится к менталитету как общее к частному
Политология ¹⁵	«обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, означающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений».	Ментальность специально не выделяется	Менталитет привязывается к национальному или региональному уровням.

Продолжение таблицы 1

¹¹ Культурология: курс лекций. Ч. 1 / под ред. Гороховской Л. Г. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. 226 с.

¹² Кравченко А. И. Культурология: Словарь. М., 2000. С. 343.

¹³ Бурдые П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. – С. 18.

¹⁴ Юм Д. О национальных характерах. СПб., 1992.

¹⁵ Ануфриев Е. А., Лесная А. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27; № 4. С. 28–44.

Традиция предметного поля, научной школы или индивидуальный взгляд исследователя	Менталитет	Ментальность	Анализ
Философский уровень ¹⁶	сформированная система элементов духовной жизни и мировосприятие, которое предопределяет соответствующие стереотипы поведения, деятельности, образа жизни разнообразных социальных общностей (групп) индивидов, а также включает совокупность ценностных, символических, сознательных или подсознательных ощущений, представлений, настроений, взглядов, мировоззрений.	полисемантическое понятие для обозначения глубинного уровня человеческого мышления, которое не ограничивается сферой осознанного, а проникает в подсознательное.	Анализирует генезис этого феномена, отражающийся в движении понятий и категорий. Формируется за счет присвоения неотрефлексированных представлений людей. Диалектическая взаимосвязь указанных явлений следует понимать как частичное, аспектное проявление менталитета не столько в умонастроении субъекта, сколько в его деятельности, связанной или вытекающей из менталитета

Продолжение таблицы 1

¹⁶ Шпилькин Ю. И. Евразийский менталитет. М., 2013. 242 с.

Традиция предметного поля, научной школы или индивидуальный взгляд исследователя	Менталитет	Ментальность	Анализ
Когнитивная география ^{17, 18, 19, 20, 21, 22}	изучение особенностей и закономерностей пространственного восприятия	Различения не делает	География ментальности видится автором прежде всего как позиция. Интерпретация ментальности как «пространства содержания», как «суммы» всех ментальностей – делает ментальность ненаблюдаемой по определению (ведь нельзя наблюдать все). Однако ментальность может мыслиться как позиция, с точки зрения которой наблюдатель интерпретирует конкретный наблюдаемый случай.

Анализ соотношения понятий ментальность/менталитет позволяет сделать следующие выводы.

¹⁷ Замятина Н. Ю. Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 339–340.

¹⁸ Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Авт. предисл. С. В. Федулов. М.: Прогресс, 1990.

¹⁹ Mark D. M., Freksa C., Hirtle S. C. Cognitive models of geographical space. *Int. J. Geographical Information Science*. 1999. Vol. 13. No. 8. P. 74.

²⁰ Kitchin R. M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction // *Progress in Human Geography*. 1996. Vol. 20. No. 1. P. 56–84.

²¹ Лавренова О. А. Перцепционная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география. Вып. 5. М.: Институт Наследия, 2008. С. 260–264.

²² Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

Во-первых, сложившаяся практика апеллирования в современной литературе этих понятий значительно шире чисто научно-исследовательских рамок, и сопровождается большим количеством вариаций и индивидуальных смысловых насыщений.

Во-вторых, понятийная связка ментальность-менталитет, связанная с имплицитностью мироощущений, схем мышления, осознанными и неосознанными установками, ценностными ориентациями, верованиями, стабильными общечеловеческими культурными архетипами и символами бессознательного,²³ выступает в диалектической взаимосвязи причинно-следственной обусловленности и потому часто ее невозможно разграничить.

В-третьих, недостаточность философско-методологической проработанности проблемы разграничения понятий ментальность / менталитет препятствует установлению спецификации их содержания.

Таким образом, понятийная связка «ментальность-менталитет» имеет неустойчивый терминологический статус. Для целей нашего исследования целесообразно рассматривать ментальность как проявление менталитета, опираясь на историческую традицию употреблять термин ментальность как более подходящий для понимания явлений продуцирования этого свойства в географическом пространстве.

Обозначим общие предпосылки к изучению ментальности, а затем охарактеризуем представления о ментальности на современном этапе.

Для формирования и утверждения нового научного направления большое значение имеет определение предпосылок. Предпосылки не только определяют направление научного поиска, но и сами являются предметом исследования, постоянно подвергаясь ревизии и пополняясь новыми основаниями. Безусловно, прежде чем формулировать какие бы то ни было научные суждения, необходимо

²³ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

проанализировать предпосылки других научных направлений, работающих в той же области.

Итак, попытаемся сформулировать общие предпосылки к изучению ментальности, выстроенные нами ретроспективно в виде меняющейся эпистемологии научных подходов, которые более всего необходимы географу для выявления психологических черт у населения.

Научные основания изучения феномена ментальности позволяют очертить схему развития содержательного наполнения этого понятия через становления эпистем (исторически обусловленной системы теоретизирования) ментальности, которую мы проводим соотнесенной с традиционной исторической периодизацией (см. таблицу 2).

Таблица 2 - Эпистемы ментальности по историческим периодам

Исторические периоды		Эпистемы ментальности	
		Понятийная канва (трансформация понятий или эволюция понятий)	Детерминанты явлений
XXI в.	Новейшее время	инфляционное содержательное расползание понятия ментальность/менталитет	многообразие детерминант (постмодернистский, капиталистический, антикапиталистический, профессиональный, гендерный и др. типы ментальности)
		ментальность и категория подсознания	психоаналитическая детерминанта
З. Фрейд (бессознательное)		К. Юнг (коллективное бессознательное)	
XX в.		психология народов, "душа народов" (М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт)	психологическая детерминанта
	XIX в.	Новое время	моральная география И. Канта

Продолжение таблицы 2

Исторические периоды		Эпистемы ментальности			
		Понятийная канва (трансформация понятий или эволюция понятий)	Детерминанты явлений		
XVIII в.	Новое время	моральная география И. Канта	в русле физико-географического детерминизма		
XVII в.		ментальность как категория сознания в контексте понимания врожденности идей	Р. Декарт (идеи – врожденные)	Г. В. Лейбниц (промежуточная позиция)	Д. Локк (все идеи приходят из опыта)
			врожденные идеи существуют в разуме человека и передаются следующим поколениям, они не нуждаются в доказательстве как самоочевидные и достоверные	опыт осмысливается абстрактным мышлением, имеющим врожденную природу; врожденные идеи присутствуют в потенциальном, неосознанном виде в форме природной логики, способностей и склонностей (бесконечно малых перцепций)	не существует никакой формы врожденного знания

Продолжение таблицы 2

Исторические периоды	Эпистемы ментальности	
	Понятийная канва (трансформация понятий или эволюция понятий)	Детерминанты явлений
Средние века	Византия (целенаправленное изучение традиций и общественных норм для пограничной и внешней политики)	индифферентность в области выявления детерминант, господствовал функциональный подход
Античность	"образ мыслей" как особый склад мышления и поведения у какой-либо социальной общности	нравственные черты человека взаимообусловлены с нравственностью народа и государства (Платон)
		географический детерминизм (Аристотель)

Таким образом, определенные представления о различном характере, темпераменте и обычаях у населения разных стран прослеживаются в письменных источниках, начиная с Античности. Однако их осознание, описание и понимание существенно разнятся в различных историко-культурных контекстах и не находят общепринятого понимания.

В силу соединенности пространства-времени в реалиях научной географии, пространство проявленной ментальности обязательно должно коррелироваться с его временем, а следовательно, возникает необходимость выявления динамики ментального пространства, которая, в свою очередь, вскрывается через обилие интерпретационных схем: от отнесения ментальности к ядру человеческой психики, не меняющейся во времени, а только по-разному проявляющейся в различных геокультурных, технологических и прочих контекстах, до отнесения ментальности к более подвижному типу сознательной организации личности, различающейся в разных эпохах по различным параметрам. Остановимся на конкретизации уже

имеющихся схем оценки структуры ментальности для их выстраивания в пространстве.

Феноменологически различие между содержанием ментальности и объектом географии ментальности можно объяснить на примере их предикации. Когда мы говорим: «что-то является чьей-либо ментальностью» и «что-то проявляется в ментальном пространстве», то в первом случае под является понимаем содержание (то, что осознается), а во втором случае - проявление (как, когда осуществляется (или не осуществляется) в географическом пространстве). Это «что» находится в пространственной конфигурации, а не во временной последовательности. Занимаясь географией ментальности, мы можем обращаться и к психологическим характеристикам процесса ментальной перцепции, но только в том случае, если это будет входить в задачу наблюдения. Однако в отношении структуры ментальности у нас такой возможности не будет, поскольку ее «психичность» может мыслиться только как одна из вторичных (третичных и так далее) интерпретаций состояний сознания, но не как содержание проявлений этих состояний.

Используя время в отношении пространства ментальности, можно исходить из внутреннего и внешнего времени в менталитете. Ментальность предполагает как внешнее ему время, когда оно происходит, так и «внутреннее», собственное время его протекания. Уникальность в отношении внутреннего времени в ментальности – это то, что трудно или невозможно сообщить. Уникальное – несообщаемо уже в силу того, что сообщение или сигнал о нем придет во время, отделенное от времени, когда оно случилось, другим временем, будь то время сообщения, или время его восприятия, или какое угодно другое время. Однако в практическом наблюдении ментальности нам стоит исходить из общего предположения о том, что, с точки зрения внешнего наблюдателя, содержания пространства ментальности всегда будут «старше» и «долговременнее» тех актов мышления, объектами которых они являются. Тогда в нашем «пространстве ментальности» эти содержания или структуры ментальности никак не будут соотноситься друг с другом во времени – у ментальности нет своего времени (время здесь может оказаться лишь одним из содержаний ментальности).

Охарактеризуем круг ведущих специалистов, разрабатывающих представления о ментальности / менталитете в России и мире.

На современном этапе научная разработка дефиниции ментальность (менталитет) начинается от французской геоисторической школы «Анналов». ²⁴ Анналисты начали рассматривать менталитет как коллективное, а не индивидуальное явление, объединяющее различные социальные слои внутри одной нации. После окончания второй мировой войны, приверженцы школы «Анналов», специально занимавшиеся проблемой менталитета (ментальности), были сосредоточены на реконструкции экономических отношений, главным образом материальной жизни прошлого. Изучение того, что М. Блок называл «способами чувствовать и мыслить», ²⁵ французскими географами почти прекратилось. ²⁶ За возрождение последнего в начале 1960-х гг. выступили А. Бюргер, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Р. Мандру, М. Ферро и др., ²⁷ составившие новое поколение «Анналов». Школа «Анналов» переходит к изучению различных способов мышления у разных этносов. Именно с того времени в широкий научный оборот под несомненным влиянием структурной антропологии К. Леви-Стросса вошли понятия ментальность (менталитет).

В главном фокусе исследований того времени находится мышление в своем пересечении с поведением в различных регионах мира, что делает эти труды чрезвычайно востребованными в географии ментальности.

Л. Леви-Брюль ²⁸ постулировал изменчивость психологической природы человека за историческое время. Тип мышления не следует принимать за константу, это изменчивая характеристика, которая развивается во времени. Исследователь внес большой вклад в изучение менталитета, так называемых, первобытных племен,

²⁴ Pour une histoire à part entière, Paris, SEVPEN, 1962, 860 p.

²⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. — Таллин: Ээстираамат, 1983. — 184 с.

²⁶ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах (1996) М.: Изд-во РГГУ. — С. 7.

²⁷ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах (1996) М.: Изд-во РГГУ. 1996: 7

²⁸ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.В. Петухова. М: Изд-во МГУ, 1980. С. 130-140.

охарактеризовав присущий ему дологический тип мышления, отличающийся мистичностью сознания и нечувствительностью к опытному знанию.

В. Вунд в своем главном труде «Психология народов»,²⁹ рассматривал традиции, мифологемы, язык в культуре как обязательно связанные общностью внутри какой-либо целостности. В целом, он провозглашает примат коллективных представлений о мире по отношению к индивидуальной психике в этническом менталитете.

К. Леви-Стросс, чья научная биография составила целую эпоху научной мысли XX в., внес существенный вклад в представление о понятии «ментальность». Ученый в работе «Первобытное мышление» убедительно показал отсутствие существенной дистанции между архаическим и современным мировоззрением, объясняя их разность не самим мышлением, а его стилем.³⁰

Поведение людей главным образом определяется нормами, образцами и ценностями, которые признаны в данном обществе как сами собой разумеющиеся. Следовательно, коллективная ментальность, подобно социальным структурам, является одним из факторов несвободы человека в его собственном сознании.³¹ Особенности ментальной сферы, которую антропологи называют народной культурой (условия материальной жизни, бытовые особенности, мировидение) не фиксируются в явном виде в письменных источниках, что формирует исследовательскую проблему по их выявлению.

Интересен взгляд Л.Н. Пушкарева³² на промежуточное положение менталитета между сознанием и психикой, понимая его как неясные установки сознания, невербализованные в словах и понятиях его структуры. Все стороны менталитета связаны не столько с сознанием, сколько с чувством, с подсознанием. И в то же время

²⁹ Вундт, В. (2002) Психология народов. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: TerraFantastica.

³⁰ Леви-Стросс, К. (2001) Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. 2001: 5-6.

³¹ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

³² Пушкарев, Л. Н. (2000) Человек о мире и о самом себе: Источники об умонастроениях русского общества рубежа 17–18 вв. М.: Биоинформсервис.

менталитет - это мощное средство регуляции поведения человека. Пушкарев солидарен с Юнгом, когда говорит, что часто мы поступаем «не по уму», а «по сердцу», совершаем нелогические поступки и при этом сами удивляемся непродуманности наших действий и поступков. Мышление - это познание мира, а менталитет - манера мышления, его своеобразие. Менталитет представляет собой эмоциональные и ценностные ориентации, коллективную психологию, образ мышления как отдельного человека, так и любого коллектива - от кружка, общества, слоя, сословия, класса до этноса и расы.³³

Ментальность отчетливо проявляет себя в бихевиористских проявлениях общества, в неких стереотипах поведения населения, тех общих составляющих, которые можно вынести как инвариант различных бихевиористских проявлений на персональном уровне.

Отдельным важным аспектом ментальных проявлений являются социальные представления о прошлом. Социальное поведение, наследуемое из прошлого, складывает традицию. Социальные группы или общности имеют также коллективное представление о прошлом. Этот вопрос выходит за рамки чисто ментальной проблематики, так как включает в орбиту вопросов проблему контроля над информацией и анализирует чисто источниковедческую проблематику. Однако он соприкасается с ментальной тематикой. Например, А. Шюц проанализировал осмысление прошлого как в рамках обыденных представлений, так и с точки зрения исторической науки.³⁴

Социологи уделяют большое внимание роли обыденных представлений о прошлом в социальных взаимодействиях, тому влиянию, которое они оказывают на поведение действующих в обществе субъектов. Особенно важное место темпоральные идеи занимают в теории символического интеракционизма Джорджа Мида. Представления о прошлом, настоящем и будущем играют значимую роль в

³³ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

³⁴ Альфреда Шюца «Смысловое строение социального мира» (1932)

процессе индивидуальных взаимодействий, в ходе которых происходит выработка и изменение социальных значений.³⁵

Ментальность, проецируемая на региональную идентичность, в том числе на макрорегиональную, делает подвижной географию ойкумены. Нельзя считать постоянными в этом контексте, например, Европу и Азию. Как пишет Д. Орешкин, граница между ними за длинную историю Российского государства смещалась в восточном направлении не раз: до Ивана Грозного и Московия относилась к Азии, затем раздел проходил по Волге, во времена Петра I - по Уралу.³⁶ Понятно, что это изменение не физико-географической делимитации пространства, но цивилизационной, показывающее экспансию европейского менталитета в Азию.

Наука, искусство, религия и философия относятся к числу элементов духовной сферы, имеющих ярко выраженную мировоззренческую функцию, для них ментальность является субстратом, «информационным сырьем», из которого они черпают свое содержание. Напротив, мораль, право, политика направлены больше на регулирование общественных отношений, чем на создание «образа мира», поэтому взаимодействие их с ментальностью носит характер «обратной связи»: не ментальность определяет состояние элементов духовной сферы, а наоборот, политика, право и мораль детерминируют содержание ментальности.³⁷

Данный тезис входит в противоречие с диалектической природой ментальности, представляющий собой глубинный уровень психики, который не может быть детерминирован политикой, правом и моралью. Скорее эти сферы человеческой жизни будут иметь свои особенности в разных регионах из-за различий в ментальности людей.

³⁵ Ирина Савельева. Социальные представления о прошлом. Интернет-журнал ПостНаука <http://postnauka.ru/faq/25297>

³⁶ Орешкин, Д. (1991) Между Востоком и Западом. Размышления географа о роли и месте России // Диалог. № 16 (ноябрь). - С. 74.

³⁷ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит. наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

Геолингвистические аспекты ментальности (показывающие взаимоотношения между явлениями действительности и их оценкой), в том числе топологическая метафорика, семантическая дифференциация понятий, археослои лексики, историческая динамика языка являются важной составляющей исследований этнического менталитета.

Большую важность и при этом огромную сложность представляет собой проблема изучения иррациональной составляющей ментальности.

Культуролог П.С. Гуревич,³⁸ рассматривает эту проблему в столкновениях следующих оппозиций: природное и культурное, эмоциональное и рассудочное, иррациональное и рациональное, индивидуальное и общественное. Ментальность - это общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение.

П.С. Гуревич выделял различные типы ментальности – от исторических (античная, средневековая ментальности, ментальность Нового времени, современная ментальность) до современных (тоталитарная, бюрократическая, детская, национальная).

Н. И. Губанов и Н. Н. Губанов предлагают идентификацию менталитета через общефилософскую категорию особенного из единичного, то есть предлагают некую спецификацию, отличающуюся от обобщения - выделения общего из единичного.³⁹ Особенности, составляющие менталитет этноса, по отношению к отдельным членам этноса являются общими, а по отношению к всей совокупности населения страны выступают как единичное.

Менталитет на персональном уровне – это социально-психологические особенности, отличающие один индивид от другого.

В современном гуманитарном знании авторы выделяют следующие позиции в проблематике исследований ментальности: 1) отождествление менталитета с

³⁸ Гуревич, П. С. (2001) Культурология. М.: Гардарики.

³⁹ Там же. – С. 24.

индивидуальным или общественным сознанием или психикой субъекта (Р. В. Манекин, Б. А. Душков); 2) отождествление менталитета с некоторыми элементами, частями, сферами или уровнями сознания и бессознательного (Дж. Бутуль, П. Динцельбахер, А. Я. Гуревич, В. П. Визгин, О. Б. Кошовец); 3) понимание менталитета как особенностей сознания или психики (Г. И. Дубов, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский, М. М. Акулич).⁴⁰

Таким образом, генезис феномена менталитета затрагивает как фундаментальные основы мышления, так и прикладные аспекты, отражающиеся в стиле мышления и поведении людей.

Анализ проблематики менталитета фиксирует нерешенность вопроса сущности этого явления. Менталитет называют «самым загадочным из вновь возникших слов», чей «гносеологический статус остаётся весьма неопределённым». ⁴¹ Ментальность оказывается крайне сложным синтетическим понятием, употребление которого совсем не обязательно в связи с географией ментальности. При этом ментальность обладает особым качеством, отличающим его от других содержаний психологии человека. Это такое содержание сознания, которое не редуцируется ни к какому другому содержанию сознания.

1.2 Базовые понятия в контексте общественно-географического осмысления категориальной связки «ментальность-менталитет»

Для уточнения понятийно-категориального аппарата, используемого нами в географии ментальности представим и обоснуем авторскую позицию в использовании следующих терминов: этнос, народ, нация, культура, культура этноса и этноменталитет. Эти ключевые для любого геокультурного исследования понятия имеют разнообразные смысловые наполнения в различных дисциплинарных и

⁴⁰ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

⁴¹ Губанов, Н. И., Губанов Н. Н. (2013) Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. № 2, с. 23.

субдисциплинарных направлениях, подвержены определенной «полифоничной» контекстной интерпретации и нуждаются в строгой определенности как первичные категории для проведения исследования. По меткому выражению Н.Н. Колосовского: «Во всякой науке самыми сложными являются исходные положения и понятия». ⁴² Указанные понятия безусловно являются первичными для реализации нашего исследования.

В настоящее время среди историков и зарубежных географов (особенно в англо-саксонской социально-культурной антропологии) распространено мнение об ограниченности (по мнению некоторых исследователей, даже ошибочности) примордиалистских (то есть, исходных, первичных) подходов к этничности и наличию альтернативных подходов, таких, как инструментализм и конструктивизм. ⁴³

На наш взгляд, примордиалистский подход к этничности содержит богатый эвристический потенциал, который выявляется, если уточнить понятие этничности как системной целостности и указать на роль исторического фактора в оценке этногенеза.

Инструменталистский подход к этничности детерминирует этничность как ответную реакцию на интеллектуальную (часто политическую) конструкцию, выражающуюся в солидаризирующемся социуме. ⁴⁴ Конструктивизм вообще рассматривает этническую самоидентификацию как результат объективированных представлений. Этническое самосознание - это результат осмысления культурного своеобразия, складывающееся под воздействием контактов с соседями. ⁴⁵

По нашему мнению, отмечаемый рядом авторов кризис в этногеографии связан с некритическим отказом географов от индигенных представлений об этничности.

В данной работе мы исходим из представления об этничности в контексте трактовки концепции этногенеза Л.Н. Гумилева. Этническая система не

⁴² Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М. 1969. – 200 с. – С. 15.

⁴³ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003 544 с.

⁴⁴ Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, etc., 1985

⁴⁵ БартФ. (ред.) Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.[Barth (ed.), 1969].

тождественна иерархическому представлению племя-народ-нация, которое чаще всего смешивается в оценке региональной идентичности и носит исторический характер. До 30-летней войны XVII в. не существовало европейских национальных (от слова нация) идентичностей. Вестфальский мир вывел на арену французов, немцев и других. До этого никакой общефранцузской или какой-то другой страновой идентичности не было. Этничность может и должна рассматриваться как индигенный фактор организации антропросферы. Этноконтактная подвижность по своей сути не нивелирует этот феномен (географическими методами можно вычленить не затрагиваемый этими контактами центр и подверженную модальностям периферию). Этноконтактность – важный внешний фактор любого этногенеза, не снимающий, а дополняющий объективность его содержания.

К базовым понятиям во всем понятийно-терминологическом «ряду» географии ментальности относятся «культура» и «культура этноса». Определим соотношение этих понятий в контексте нашего исследования.

А. Моль ещё в начале 1970-х гг. выделил более 250 определений понятий культура.⁴⁶ В географической науке под культурой принято понимать совокупность результатов человеческой деятельности, охватывающей все созданные цивилизацией материальные и духовные ценности.⁴⁷ Определяя территориально-локализованные следствия и охват в целом всего геокультурного процесса А.Г. Дружинин выводит под объектом культурной географии территориальную организацию культуры (ТОК), а предметом исследования рассматривает пространственные закономерности ТОК.⁴⁸

49

В целом, многогранность понятия «культура» обуславливает в географическом исследовании выход как на отраслевой подход (исследования экономической, политической, профессиональной и т.д. культур), так и на видовой подход

⁴⁶ Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр-го. М.: Прогресс, 1973.

⁴⁷ Манаков А.Г. основы культурно-географической регионалистики: учебное пособие для вузов. – Псков: Изд-во ПГПУ, 2006. – 188 с. – С.13.

⁴⁸ Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1999. - 151 с. – С. 74.

⁴⁹ Сущий С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 1994. – С. 10.

(исследования этнической, сельской, городской культур), предусматривая также анализ различных форм культуры (массовой, элитарной и т.д.).

В компонентной структуре культуры, предложенной П. Хаггетом⁵⁰ и активно развивающейся в отечественной культурологии и географии культуры принято выделять ментифакты (наиболее важные и устойчивые элементы культуры, включающие религию, язык, фольклор, традиции искусства и т.д.), социофакты (культурные связи между людьми, которые охватывают, например, структуру семьи, взаимоотношение полов и принципы воспитания детей, а на уровне общности – политическое устройство и систему образования) и артефакты (опосредуют связь людей с материальной средой обитания и охватывают различные виды производственно-экономической деятельности).

Опираясь на иерархию основных (базовых) геокультурологических понятий, разработанную А.Г. Дружининым⁵¹ культура этноса в системе интегральной категории территориальной организации культуры (ТОК) является одной из разновидностей геокультурной системы со своей характерной организацией культурно-территориальной общности.

Культура этноса выступает как самоорганизующаяся производная этногенеза и этнической системы (включая территорию как арену саморазвития этнической системы). В свою очередь этот процесс приводит к формированию таких общественно-географических структур как геоэтнокультурные системы (ГЭКС). Именно наличие последних - факт сложившейся ТОК. Так как пространственная реальность геоэтнокультурных систем несводима к ареалу расселения конкретного этноса, а рассматривается в сложном географическом рисунке взаимодействий этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования, то география ментальности выступает как идентификация связующих звеньев в этом

⁵⁰ Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., 1979.

⁵¹ Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1999. - 151 с. – С. 75.

сложном географическом рисунке. Под связующими звеньями мы понимаем ряд особенностей культуры, психики, «этникос» в терминологии Ю.В. Бромляя,⁵² который складывает определенную пространственную структуру ментальности.

Приведем краткий обзор авторов, рассматривающих генезис понятия «этноменталитет», примыкающий к исследуемой нами категориальной связки «ментальность-менталитет».

Ретроспективный анализ изучения особенностей менталитета в различных геокультурных пространствах показывает, что его можно проследить практически за всю историю научной мысли.

Один из основоположников страноведческого направления в географии Геродот⁵³ в своих трудах описывал стереотипы поведения разных народов. Этнопсихологические наблюдения есть в трудах Ксенофонта⁵⁴, Тацита⁵⁵, Плиния⁵⁶, Страбона⁵⁷ и других античных ученых.

Национальный характер рассматривался в отечественной исследовательской традиции: В. О. Ключевским, П. Я. Чаадаевым, Н. А. Бердяевым, В. С. Соловьевым, Ф. М. Достоевским, Н. О. Лосским, Г. П. Федотовым и др.

Интересны взгляды В.О. Ключевского в русле географического детерминизма на русский национальный характер. «В условиях суровой и своенравной природы... невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше

⁵² Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.

⁵³ Геродот. История. - М.: Директ-Медиа, 2008 – 1262 с.

⁵⁴ Ксенофонт. Греческая история. 2-е изд. Под ред. Р. В. Светлова. (Серия «Античная библиотека». Раздел Античная литература). СПб.: Алетейя. 1993. - 448 стр.

⁵⁵ Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. (Серия «Литературные памятники»). Л., Наука. 1969. Т. 1. Анналы. Малые произведения. 444 стр. Т. 2. История. 370 стр.

⁵⁶ Плиний Старший о германцах. // Древние германцы: Сборник текстов. М., 1937. С. 47-54.

⁵⁷ Страбон География / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского / Под ред. О. О. Крюгера, общ.ред. С. Л. Утченко. — М.: Ладомир 1994.

осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчет искусства составлять сметы... Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу».⁵⁸

Географический (природный) детерминизм в отношении ментальности был характерной чертой, господствующей в это время и в географической науке. Критически оценивая такую позицию, можно указать на целый конгломерат природно-климатической непредсказуемости во вмещающем ландшафте различных этносов, сопоставимых и превосходящих восточно-европейские и сибирские условия. Например, неопределенность муссона, влияющего на сельское хозяйство тамиллов южной Индии. Можно указать и на похожий природный базис на территории современной Канады и Северной Европы, который не проявил себя схожими ментальными чертами как в миграционно новом, так и автохтонном населении этих регионов. В творческом наследии В.О. Ключевского очень важен сам поставленный вопрос, который в XX веке уже будет иметь некую концептуальную разработку, в том числе и в географической науке.

Резюмируя взгляды В.О. Ключевского на явление, которое современные исследователи обычно подводят под дефиницию менталитет или ментальность, отметим выделенные историком факторы специфической манеры мышления: человеческая личность, людское общество и природа страны.

Отечественная социальная философия активно разрабатывает вопросы по определению сущности и структуры этнического менталитета, начиная с конца 1990-х годов. Первые определения этого понятия принадлежат С. В. Гриневой, А. И. Грищук, А. И. Пальцеву, Н. А. Прокопишиной, В. К. Трофимову и др.

⁵⁸ Ключевский, В. О. (1987) Сочинения: в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль. Лекция XVII «Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса» из курса русской истории, 1987. – С. 312.

В. К. Трофимов определяет национальный менталитет как совокупность иррациональных и рациональных особенностей коллективных представлений о мире, специфический склад мышления, чувств, верований, установок, которые опредмечиваются в материальной и духовной культуре, а также в особенностях функционирования и организации социальных институтов внутри этнической общности.⁵⁹ Внутренние, глубинные, нередко потаенные коллективные представления находят свое проявление в особенностях поведенческих реакций, специфике организации социальной и политической жизни и т. п. В контексте такого понимания этнический менталитет дает духовно-психологическое объяснение социальных процессов. В. К. Трофимов сближает понятие национальный характер и этноменталитет и рассматривает национальный менталитет как ядро национальной психологии.

Н. А. Прокопишина определяет этнический менталитет как систему значимых для самоидентификации общества социально-психологических установок и ориентаций, включающих культурные паттерны когнитивных процессов (восприятия, переработки и передачи информации) и социального поведения индивидов во всех сферах жизнедеятельности социума.⁶⁰ Такое понимание охватывает три важные сферы человеческой деятельности - поведение, коммуникация и познание.

И. Г. Дубов⁶¹ отмечает проблему выделения системообразующего признака национального менталитета. Психологический анализ этого феномена показывает укорененность этого явления в коллективном бессознательном. В когнитивной сфере ментальность выражается в перцептивных и когнитивных эталонах, а также социальных нормах – регуляторах поведения. Менталитет обуславливает модальность смысловой системы отношений к миру.

⁵⁹ Трофимов, В. К. (2001) Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург.

⁶⁰ Прокопишина, Н. А. (2003) Факторы формирования национального менталитета России и США: компаративный анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новочеркасск. – С. 8.

⁶¹ Дубов, И. Г. (1993) Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. № 5. С. 20–29.

Итак, этноменталитет, особая национальная манера мышления, проявляющиеся во всех феноменах культурной жизни народа - и материальных, и духовных.

Важной и глубокой представляется идея О. Шпенглера, что при исследовании культуры народа нельзя ограничиваться изучением каких-либо фактов, необходимо погружение в глубочайшие научные, художественные, философские, религиозные, социальные идеи арабов, греков, римлян, индусов и т. д. Каждая культура имеет свое лицо, за которым скрывается ее сущность.⁶²

Э.В. Никитина на основе проведенного анализа по выявлению генезиса понятий менталитета и этноменталитета в зарубежной и отечественной гуманитарной науке, изучения взглядов некоторых ведущих исследователей в этой области, делает следующее заключение о содержании этноменталитета. Этнический менталитет - это специфическая манера мышления, присущая представителям одного народа, обусловленная социальными факторами, генетическими особенностями, психическим складом нации и материально выраженная в ее языке, словесности, однотипном поведении. На ментальность этнической группы влияют не только материальная сторона быта, эмоциональное и художественное восприятие мира, но и имеющиеся знания, рациональные конструкции, мировоззренческие основы, общественные настроения (политические, религиозные и т. п.). В свою очередь, этноменталитет регулирует поведение и общение людей в рамках этнической общности. Основное в этническом менталитете - это особое отношение к воспринятому, осознанному, придающее смысл существованию народа и отдельным его представителям.⁶³

Каждому самостоятельному этносу соответствует свой тип ментальности. Менталитет представляет собой наиболее устойчивую, атрибутивную характеристику культуры народа. Специфические черты национальных менталитетов складываются и проявляются в соотнесенности трансцендентального и имманентного

⁶² Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

⁶³ Там же.

в истории и культуре каждого конкретного народа. Менталитет как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии. Общественные настроения зыбки, менталитет менее подвержен изменениям. Ценности осознаваемы, менталитет восходит к бессознательным глубинам психики. Этнический менталитет не всегда артикулируется его носителями, поэтому в разрезе разных эпох его реконструируют на основе сравнения ментальностей различных народов.⁶⁴

Отметим также важность в представлении о ментальности этноса, выраженной двумя выдающимися персоналиями отечественной научной мысли – Л.Н. Гумилевым и Ю.В. Бромлеем, оставившим во многом конфронтационное друг другу этнологическое наследие, но в аспекте понимания сущности менталитета, дополняющих друг друга.

Ю. В. Бромлей определял национальный характер как присущие данной этнической общности специфические социально-психологические черты⁶⁵. Его особенности не затрагивают основ психики людей, гносеологического аспекта восприятия внешнего мира, основных форм логического мышления, одаренности. Они определяются не биологически, расово, генетически, а социальными факторами. Психический склад нации проявляет себя в специфических привычках, обычаях, традициях, вкусах. Понятие национального характера намного уже понятия национального менталитета. Со сложившимися чертами этнического характера индивид не рождается, он приобретает их в процессе воспитания, они - продукт внешних условий. Этого нельзя сказать об этническом менталитете: предпосылка определенной манеры мышления, особого склада ума в человеке имеется изначально.⁶⁶

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Цитата по Кочетков, В. В. (2002) Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ.

⁶⁶ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003В).

Л.Н. Гумилев не использовал термин ментальность/менталитет, но активно пользовался представлением о стереотипе поведения, который в контексте концепции этногенеза семантически близок к ментальности.

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего. Структура этнического стереотипа поведения - это строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; б) индивидов между собой; в) внутриэтнических групп между собой; г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, каждый член данного этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачестве другого народа. Собственно говоря, такие рассказы и составляют этнографию, науку столь же древнюю, как и межэтнические связи. Разница между ее первичным состоянием и научным обобщением лишь в широте охвата и систематизации сведений, да еще в том, что этнографы не шокируют обычаи и обряды иного этноса.⁶⁷

Таким образом, для людей разных этнических культур поведение и мышление друг друга может рассматриваться как алогическое или мистическое, при этом другое этническое мышление для человека принадлежащей данной культуре вполне нормально и естественно.

Таким образом, точки зрения Л.Н. Гумилева и Ю.В. Бромлея могут быть разведены следующим образом. Этноменталитет как характер этноса имеет социальную детерминанту и не затрагивает основ психики людей, гносеологического

⁶⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с. – (Антология мысли). – С. 117-118.

аспекта восприятия внешнего мира, основных форм логического мышления, одаренности (Ю.В. Бромлей) и ментальность, имеющая биосоциальный генезис и выражающаяся в стереотипе поведения - это строго определенная норма отношений: внутриэтнических групп между собой; между этносом и внутриэтническими группами; этноса с вмещающим ландшафтом, которые, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития (Л.Н. Гумилев).

В разных этнических культурах можно найти специфические только для этих культур ментальные особенности. В качестве проявления у индивидов эти особенности универсальны в разных этносах, но рефлексия в качестве своей ментальной характеристики, представление как о некой своеобразной черте национального характера, связывается только с конкретным этносом.

Например, великий итальянский тенор Беньямино Джильи писал в своих мемуарах, о присущей итальянцам темпераментности как о «sfogo» (букв.с ит. «взрыв»), итальянцу чрезвычайно важно отвести душу, дать выход накопившемуся чувствам. В Италии не принято растить своих детей скромными и молчаливыми, скрывать свои чувства и сдерживать душевные порывы, детей побуждают свободно и откровенно выражать чувства, раскрывать душу, делиться всем что накопилось, будь то плохое или хорошее.⁶⁸

У японцев есть ментальное представление об «икигай» как понятии, означающим ощущение собственного предназначения в жизни, в частности у окинавцев икигай выражен ощущением долголетия не как старости, а как жизненной трансформации со своим предназначением в жизни.⁶⁹

Порядок является характерной особенностью немецкого менталитета. В любых национальных культурах стараются организовать аккуратность и порядок, однако только мироощущение немцев направлено на то, чтобы образ их жизни был в

⁶⁸ Беньямино Джильи. "Я не хотел жить в тени Карузо". Классика-XXI, 2001 г. – 296 с.

⁶⁹ Правила жизни столетнего человека: Окинава. http://project.moya-planeta.ru/pravila_zhizni_stoletnego_cheloveka_okinava

порядке. Этническое бессознательное по Юнгу «зачаровывает» представителя немецкой культуры, подспудно проявляясь во всем поведенческом многообразии этого этноса, выражаясь и чувствами и мыслями.

Типовое поведение, характерное для представителей конкретной общности, позволяет описать черты национального характера, складывающиеся в национальный тип, который в схематизированном виде предстает как этнический стереотип.⁷⁰

В целом, по итогам представленной выше ретроспективы, можно утверждать многообразие формулировок для обозначения психических феноменов, связанных с этносом: «формы общественного сознания» (Карл Маркс), «психология народов» (Хейман Штейнталь, Мориц Лацарус, Георг Вайц, Вильгельм Вундт, Альфред Фуйе), «психология масс» и «психология толп» (Жан-Габриель де Тард, Сципион Сигеле, Густав Ле Бон), «коллективные представления» (Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Анри Юбер), «общественное мнение» (Уолтер Липпман, Фердинанд Тённис), «коллективное бессознательное» (Карл Юнг) и т. д. Только в первой трети XX века появляется термин «ментальность», введенный Люсьеном Леви-Брюлем. Многие из этих понятий несут отпечаток надындивидуальных психических феноменов, близких по сути к этноменталитету.

1.3 Ментальность в географическом пространстве: подходы к концептуализации

Конкретизируя географический подход к концептуализации ментальности можно обозначить в географии ментальности несколько пространственных ее (ментальности) проявлений.

⁷⁰ Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

1) в геокультурной лимологии (на границе и в переходных зонах регионализированных геокультурных пространств);

2) в центрo-периферийной перевернутости стратификации этноментальных проявлений в пространстве (аутентичные свойства проявляются наибольшим образом в глубинке, и максимально размыты в социально-экономических центрах);

3) в глобализационно переплетающейся и топологически потенциально повсеместной контактности (межэтнической и межцивилизационной);

4) оценивая ментальность, как динамическую систему в геополях: инновации в ментальности проявляются как предтеча этнокультурных трансформаций во взаимонапластованных вытягивающихся и оттягивающихся пространствах тяготения к тому или иному цивилизационному массиву, или участках реализации социального творческого потенциала (равно и регрессии человеческого капитала) и других социально-экономических проявлений не экономически детерминированных форм территориальной организации общества.

Формулировка какого-то содержания ментальности не может быть произведена изнутри этой ментальности – она может прийти только извне. В этом видится эпистемологически эвристическое обоснование географии ментальности. Поэтому важным условием выявления ментальности в пространстве является необходимость манифестации отсутствия привилегированной позиции «исследователя». В географии ментальности исследователь – становится наблюдателем.

В частности, с чисто научной точки зрения, следует быть осторожным в оценке собственной ментальности в ее отношении к текущим этнокультурным трансформациям, сегодняшней политической ситуации и т.д.

Объективность ментальных проявлений может быть выявлена только в инструментальном смысле. Это не объективность в смысле элементарного эпистемологического противопоставления объективности и субъективности, где объективность рассматривается как беспристрастие, чистая наблюдательность, а субъективность – как то, что подвержено модальностям и модификациям психики, эмоциям, желаниям, нежеланиям. Здесь объективный – значит, видящийся с точки зрения географии ментальности, для которой ментальность есть объект.

Проведенное рассуждение можно отнести к метатеории географии, к которой относятся и все наши рассуждения об условиях подхода к рассмотрению географии ментальности, но не рассуждения о самом объекте – ментальности, хотя то, что уже говорилось выше о проявлении ментальности в пространстве, уже как бы «граничит» с еще несформулированным географическим подходом к анализу ментальности.

Пространство ментальности и ментальность в географическом пространстве – это разные феномены. Мы рассмотрим механизм «пространственнизации» ментальности и его следствия в 3 главе нашего исследования, концентрируя исследовательское поле на содержании ментальности как явления в географическом пространстве, связанного с различающимися культурными средами.

Иерархия пространства ментальности. Ментальность социума как присущие данной общности специфические социально-психологические черты, которые не затрагивают основ психики людей, а проявляют себя в специфических привычках, обычаях, традициях, вкусах может быть представлена в следующей иерархической последовательности.

Геоуниверсум может быть выражен комплексным объектом географии – антропосферой.⁷¹ С нашей точки зрения, предельное фрагментирование антропосферы – это выделение цивилизаций как геосоциокультурных систем высшего уровня.

Основателем цивилизационного подхода в науке были Н.Я. Данилевский,⁷² П.А. Сорокин,⁷³ О. Шпенглер⁷⁴ и А. Тойнби.⁷⁵ Л.Н. Гумилев отождествляет высший таксономический уровень этнической системы – суперэтнос – с крупной этнокультурной системой, соответствующей цивилизации. Хотя суперэтнос предстает как идейно-религиозная и культурная целостность с общей ментальностью населения, этносы в нем далеко не всегда объединены политически и даже часто

⁷¹ Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. – Смоленск: Ойкумена. – 2007. – 368 с. – С.51. Глава «Антропосфера и комплексная география».

⁷² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

⁷³ Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998.

⁷⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

⁷⁵ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М. – СПб., 1995.

вступают в острые конфликты, которые обычно носят характер борьбы за преобладание, но не истребление.⁷⁶

Цивилизационный подход в отечественной общественной географии представлен концепцией социо-культурных систем Д.В. Николаенко^{77,78,79,80,81} и историко-культурным районированием мира В.-Р.Л. Крищюнаса.⁸²

Д.В. Николаенко сформулировал концепцию социо-культурных систем, в которой выделил структурные элементы – хоумленд, внутреннюю буферную зону и внешний социо-культурный буфер. Цивилизация рассматривается им как начальная форма социо-культурной системы, первый этап ее эволюции. Всего Д.В. Николаенко выделил 8 социо-культурных систем: варварско-кочевая, мусульманская, китайская, западная, российская, индусская, южноамериканская и черная африканская.⁸³

Геоисторические регионы мира по В.-Р. Л. Крищюнусу определяются на основе синтеза цивилизационного и формационного подходов. Такая соединенность позволяет синтезировать идиографическую и номотетическую составляющие, то есть учитывать как индивидуальные культурные особенности регионов, так и взаимовлияние цивилизационных миров. Исторически аккумулятивная «масса своеобразия» создает устойчивость границ, которые генетически являются физико-географическими. Все выделенные В.-Р. Л. Крищюнусом историко-культурные

⁷⁶ Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.

⁷⁷ Николаенко Д.В., Николаенко Т.В. Эволюция российской социо-культурной системы. Симферополь, 1997.

⁷⁸ Николаенко Д.В. Районирование российской социо-культурной системы. Симферополь, 1998.

⁷⁹ Николаенко Д.В. Социо-культурные миры. Том 1: Пространственно-временная динамика социо-культурных систем // Константы: Альманах социальных исследований, 1998. Специальный выпуск I.

⁸⁰ Николаенко Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Автореф. диссертации на соиск. уч. Степени доктора географ. Наук. СПб., 1999.

⁸¹ Николаенко Д.В. Социо-культурные миры. Том 2: Пространственно-временная динамика буферных зон // Константы: Альманах социальных исследований, 1999. Специальный выпуск II.

⁸² Крищюнас В.-Р.Л. Геоисторическая парадигма и районирование мира // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 13. Проблемы общественной географии. М., 1993. С.95-113.

⁸³ Николаенко Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Автореф. диссертации на соиск. уч. Степени доктора географ. Наук. СПб., 1999.

районы характеризуются с формационной и цивилизационной компонентами. Например, «Средиземноморский Юг, носящий отпечаток античности».⁸⁴

С нашей точки зрения, геоисторические регионы мира по В.-Р. Л. Крищюнусу более корреспондируются с господствующим представлениями о пяти существующих и двух потенциальных цивилизаций в мире. В частности, Латиноамериканский цивилизационный массив не разывается на южноамериканский и западный как у Д.В. Николаенко.

В целом надо признать нерешенность вопроса фрагментирования на цивилизации антропосферы с научно-географической точки зрения. Условиями такого районирования автору представляется установление механизмов эволюционно-структурного генезиса цивилизации и идентификации цивилизации в соотношении с надцивилизационными глобализационными процессами взаимонапластования различных цивилизационных массивов. Цивилизации выступают как индигенный фактор организации антропосферы, вместе с которым сосуществуют различные формы пространственной конвергенции глобалистских процессов (культурогенеза, волн модернизации, различных геоэкономических и геополитических процессов).

Цивилизационная ментальность – это самый обобщенный вариант ментального типа. Многообразие культур, составляющих отдельно взятую цивилизацию, закономерно ставит вопрос о таксономической иерархии ментальности. Мы предлагаем в составе цивилизации выделять субцивилизационные пространства. Можно сформулировать критерий фрагментирования на субцивилизации единого цивилизационного пространства. Этот критерий – разновременное вхождение пространства в цивилизационный массив. Иными словами, разновременность вхождения территорий в культуру цивилизации определяет специфичность ее субцивилизационного пространства. Субцивилизации – это более дробные

⁸⁴ Крищюнас В.-Р.Л. Геоисторическая парадигма и районирование мира // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 13. Проблемы общественной географии. М., 1993. С.95-113.

составляющие ментального типа, регионы специфической ментальности (например, сибирская ментальность, уральская ментальность и др.).

Следующим таксономическим уровнем ментальности в географическом пространстве является этноменталитет. Каждому самостоятельному этносу соответствует свой тип ментальности.

Характеристика ментального типа меньшего таксономического уровня не должна включать характеристики базовых составляющих ментальности, связанных с господством определенной формы освоения человеком действительности, специфическим ощущением времени, а также бессознательного пласта ментальности. Ключевыми параметрами этого уровня ментальности будут составляющие культурного регионализма, которые по-разному и с разной степенью определенности связаны с каким-то пространственно-территориальным уровнем и характеризуются совокупностью культурных отношений, составляющих региональную идентичность – это взаимная контрастность культуры регионов и поселений, сила самосознания (местного патриотизма) в регионах и поселениях и стремление к обособлению регионов и поселений, которые в общем виде не совпадают.⁸⁵

В социологических репрезентациях ментальности в географическом пространстве перед исследователем и респондентом встают следующие вопросы и задачи:

1. Рассматриваются ли уровни таксономической иерархии ментальности в качестве компонентов ментальности личности или это исключают друг друга в значительной степени типы мышления?

2. Очерчивают ли эти уровни, прежде всего, физическую локализацию носителей соответствующей ментальности или это виртуальное пространство типа мышления личности? Иначе говоря, региональная ментальность, это, скорее, ментальность жителя глубинки или это ментальность, приоритеты которой смещены в сторону региональной проблематики, а физическая локализация вторична?

⁸⁵ Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. - 2005г., N 3. – С. 358.

3. Сложность и непривычность терминологии по изучению ментальности должна быть переведена на общедоступный для любого респондента уровень.

В нашем исследовании, выявленные уровни ментальности выражаются именно в таксономической иерархии, поэтому это не взаимоисключающие типы, а иерархическая система выраженности ментальности в географическом пространстве. Уровень меньшего порядка (региональный и этнический) вкладывается в более обобщенный уровень субцивилизационного и цивилизационного порядка. Представленные «вызовы» социологического исследования по выявлению ментальности можно преодолеть, опираясь на предложенную нами концептуализацию ментальности в географическом пространстве.

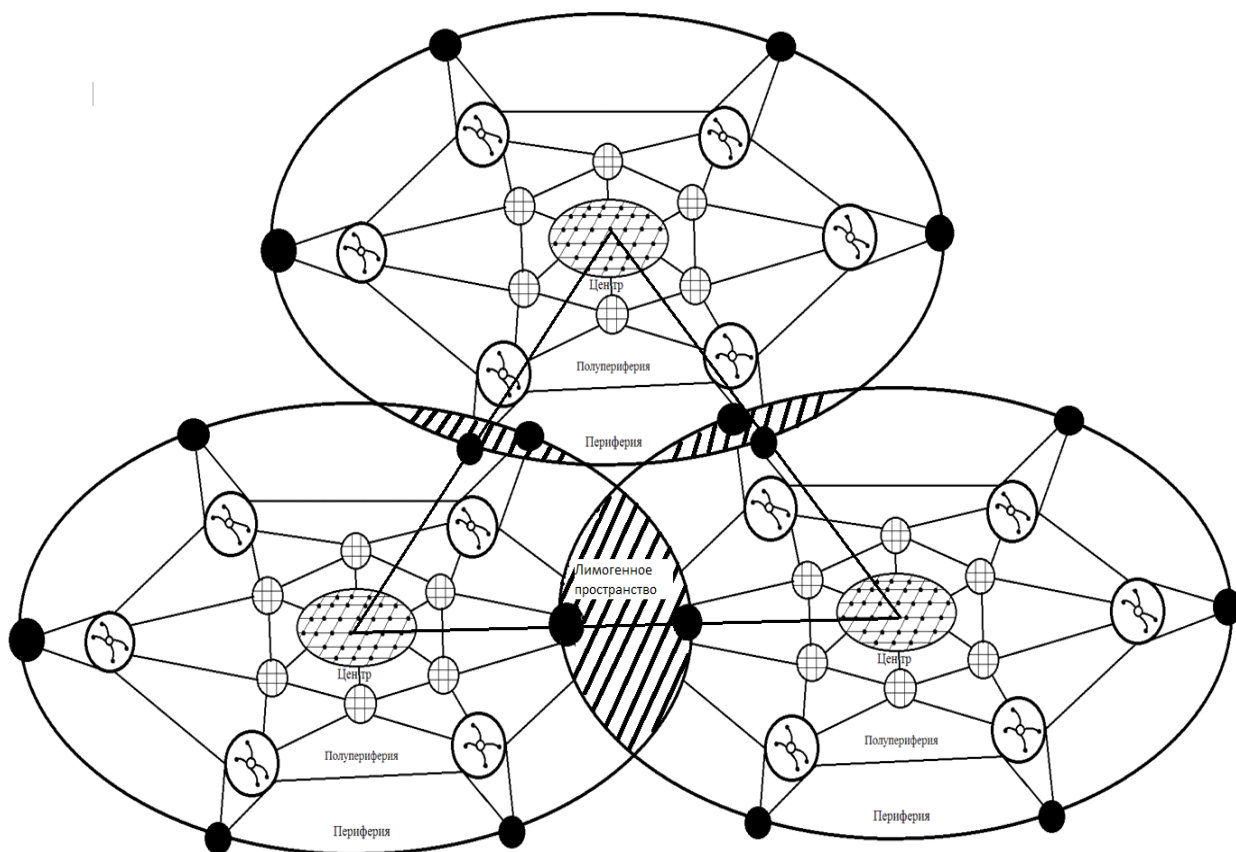
Ментальность населения структурируется на разных уровнях пространственной иерархии – от локального до цивилизационного. Специфика ментальных типов выражается, с одной стороны, в спонтанной, естественноисторической, форме территориальной организации ментальности (развитию по собственной внутренней логике), а с другой стороны, – в способности к конструированию, воздействию на ментальность за счет различных культурных паттернов (в том числе подверженности тем или иным политическим решениям).

Предпримем попытку концептуализации географической структуры ментальности.

В работе были использованы инструментально-методические приемы географии ментальности, разработанные автором и представленные нами в третьей главе.

Источниками для верификации предложенной модели послужили полевые исследования автора в Армении и Урало-Каспийском регионах.

Объективность и достоверность результатов данного исследования обусловлены использованием принципа объективности. Помимо этого, автором были применены историко-географический и сравнительно-географический методы исследования. Комплексное использование представленных методов позволило предложить универсальную схему выявления ментальности населения на разных пространственно-иерархических уровнях (рис. 1).

На схеме обозначено:

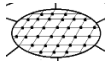
регионализованная ментальность этноментального типа в социально-экономической периферии

линейно-узловая территориальная структура ментальности в социально-экономической полуферии

сетевой характер представленности ментальности в пространстве

дисперсный набор характерных ментальных черт населения с практически полной потерей регионализованности какого-либо типа

лимогенные пространства геокультурных миров

Рисунок 1 - Географическое структурирование ментальности населения на разных пространственно-иерархических уровнях

Социально-экономическая стратификация пространства, определяемая центрo-периферийными отношениями и рассматриваемая А.И. Трейвишем⁸⁶ как социально-экономическая зональность, особым образом связывается с иерархическими уровнями ментальности населения в географическом пространстве. Здесь мы наблюдаем центрo-периферийную перевернутость стратификации ментальных проявлений в пространстве: аутентичные свойства (проявления культуры укорененности) проявляются наибольшим образом в глубинке и максимально размыты в социально-экономических центрах.

Ментальность этноментального типа регионализована в социально-экономической периферии, где этноментальные проявления носят наиболее аутентичный характер и максимально проявляется культура укорененности. Именно на этом пространственном уровне этноментальность представлена сплошным типом.

Ментальность населения в полупериферийных частях социально-экономического пространства выражается, как правило, в линейно-узловой территориальной структуре с увеличением «размывания» характерного типа при приближении к более высокому социально-экономическому рангу территории.

Социально-экономический центр представлен дисперсным набором характерных ментальных черт населения с практически полной потерей регионализованности какого-либо типа. Здесь максимальным образом проявляется сетевой характер в территориальной выраженности ментальности у населения. Причем особой формой следует признать глобальные города, в которых ментальность населения любого типа имеет дисперсно-диффузионную территориальную структуру и носит безусловную внерегионализованную реальность.

Цивилизационная ментальность в географическом пространстве не является замкнутой системой. Она взаимосвязана через каналы культурогенеза с другими цивилизационными массивами как самостоятельными геокультурными пространствами со своими господствующими паттернами. Культурогенез долевым

⁸⁶ Трейвиш А.И. Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геострановедения // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов, № 5, с. 4-16

образом проникает от цивилизации к цивилизации по принципу волнообразного характера диффузии генераций нововведений⁸⁷ – от центра и центров одного таксономического уровня к глубинке.

Отдельно отметим лимогенные пространства геокультурных миров, возникающие на стыке цивилизаций. Эти пространства сопряжения несхожих стереотипов поведения часто подвержены радикальным геополитическим конфронтациям, и при определенном аспекте исследования могут рассматриваться как зоны рождения антисистемы в терминологии концепции этногенеза Л.Н. Гумилева.^{88,89}

Предложенная схема иллюстрирует общую концептуализацию ментальности населения в географическом пространстве как диверсификацию пространственно-иерархических уровней в контексте центрo-периферийных отношений.

Итак, иерархия ментальности в географическом пространстве представлена четырехуровневой таксономией: ментальность населения обобщенного типа цивилизации, ментальность населения субцивилизационного пространства (критерии фрагментирования на субцивилизационные пространства: разновременность вхождения территорий в культуру цивилизации, которая и определяет специфичность ее субцивилизационного пространства), этноменталитет и региональная ментальность, конфигурация территории которой очерчивается определенной региональной идентичностью и не привязывается к излишне определенному пространственно-территориальному уровню. Ментальные типы более низких таксонов характеризуются производными, вытекающими из этой матрицы с рядом ментальных составляющих, определяемых культурным регионализмом.

Географическая структура ментальности населения выражается в регионализованности в социально-экономической периферии, в полупериферии

⁸⁷ Time-Geography: Focus on the corporeality of man, society, and environment, The Science and Praxis of Complexity, The United Nations University. – 1985

⁸⁸ Любичанковский А.В. Этнологическая детерминанта локализации террористической опасности в мире // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. – С. 153-158.

⁸⁹ Lyubichankovskiy A. Mihaylov A. Geography of Terrorism // Monstrous Geographies: Places and Spaces of Monstrosity. 3 rd Global Conference. Lisbon, Portugal. May 2014.

выражается, как правило, в линейно-узловой территориальной структуре, а в социально-экономическом центре ментальность населения любого типа имеет дисперсно-диффузионную территориальную структуру и носит безусловную внерегионализованную реальность.

Для такой многоуровневой структуры ментальности в географическом пространстве выявляется обратная зональность по отношению к социально-экономической центрально-периферийной стратификации пространства.

1.4 География ментальности как этологическая география: предметно-объектный анализ

Сразу отметим, что существуют разные варианты названия направления в географии, исследовательское поле которых мы называем ментальной географией. Это и бихевиористская география, и география восприятия, и перцепционная география, и когнитивная география. В определенном дискурсе можно найти специфику употребления этих терминов в соответствии с определенной спецификацией направления.

Например, когнитивная география (по Н.Ю. Замятиной⁹⁰) - направление географии, ориентированное на изучение пространственных представлений, механизмов их формирования и использования в различных аспектах человеческой деятельности. Когнитивная география использует концептуальную базу когнитивной науки, изучающей познание и разум во всех аспектах их существования.^{91, 92, 93} Когнитивная география расширяет поведенческую (бихевиористскую) географию за

⁹⁰ Замятина Н. Ю. Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. — Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 339—340.

⁹¹ Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Авт. предисл. С. В. Федюлов. — М.: Прогресс, 1990.

⁹² Mark D. M., Freksa C., Hirtle S. C. Cognitive models of geographical space. *Int. J. Geographical Information Science*. 1999. Vol. 13. No. 8. P. 747—774.

⁹³ Kitchin R. M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction // *Progress in Human Geography*. 1996. Vol. 20. No. 1. P. 56—84.

счет включения более широкого концептуального базиса когнитивной науки по сравнению с концептуальным базисом поведенческой психологии. Н.Ю. Замятина выделяет в качестве главного фокуса поведенческой географии - пространственное поведение человека, которое в развивающейся это направление когнитивной географии рассматривается как элемент целостной системы, связанной с пространственными представлениями людей: это собственно механизмы восприятия пространственной информации (психогеографическая зона когнитивной географии), массовые пространственные представления, стереотипы, оценки и поведение людей (социогеографическая зона) и пространственные представления, закрепленные и используемые в культуре и языке (соответственно, культурно-географическая и лингвогеографическая зоны).

Содержательно близкой к когнитивной географии выступает перцепционная география - изучение географической реальности через представления о ней, изучение особенностей и закономерностей пространственного восприятия.⁹⁴ По этому направлению географии существует множество работ, прежде всего американской и британской научных школ (отметим прежде всего Х. Адриана, Ю. Пфанншмидт, Ц. Боарда, Дж. Голда, К. Линча, Д. Покока и И Фу Туана⁹⁵).

⁹⁴ Лавренова О.А. Перцепционная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география. — Вып. 5. — М.: Институт Наследия, 2008. — С. 260—264.

⁹⁵ Adrian H., Pfannschmidt U. Stadtalsschone gestalt wachst die identification der bewohner, wennsiesconist? // Mitt.dtch. Acad. Stadtebau und Landesplan. 1987. Vol. 31. No. 1

Board C. Maps in the mind's eye: maps on paper and maps in the mind // Progress in human geography. 1979. Vol. 3. No.3.

Gould G. On mental maps // Michigan Inter Univ. Community of Mathematical Geography. Discussion paper No. 9. Ann Arbor, 1966.

Gould G. People in information space: the mental maps and information surfaces of Sweden // Lund Studies in Geography. Ser. B. Human Geography. 1975. No. 42.

Lynch K. Growing up in Cities: Studies of the Spatial Environment. P., 1977.

Lynch K. What time is this place? Cambridge, Mass., 1971.

Pocock D. Environmental perception: process and product // Tijdschriftvoor Econ. & Soc. Geogr.1973.No. 64.

Tuan Yi-Fu. Environmental psychology: a review // Geographical Review. 1972. Vol. 62. No. 2.

Tuan Yi-Fu. Landscape of fear. N.Y., 1979.

Tuan Yi-Fu. Man and nature // Association of American Geographers. 1971. Resource paper No. 10.

Tuan Yi-Fu. Space and place. L., 1977.

Tuan Ti-Fu. Space and place: humanistic perspective // Progress in geography. 1974. Vol. 6. P. 211-252.

Трансдисциплинарность анализа взаимосвязи пространства и ментальности возникает с самого начала разработки этой проблематики. Когнитивная география имеет много пересечений с картографией и геоинформатикой, социальной географией и социологией, политологией, культурологией и лингвистикой и др.⁹⁶ Например, известные исследования К. Линча образа города,⁹⁷ В.Н. Топорова⁹⁸ - образа Санкт-Петербурга в русской литературе и др. методологически взаимосвязаны с когнитивной географией.

Н.Ю. Замятина рассматривает когнитивную географию как элемент культурной географии, причем культурно-географическая зона когнитивной географии может рассматриваться как часть гуманитарной географии.⁹⁹

Попутно отметим, что сведение географического анализа поведения к пространственному поведению, на наш взгляд, не оправданное сужение темы, так как пространственность самого явления заключается и в различениях типов поведения (то есть проявление явления) в самом пространстве. Осознавая масштабность реализации такой задачи, на наш взгляд, целесообразно такое направление географического анализа отделить от ментальной географии, отделив тем самым свое специфическое исследовательское поле от других когнитивных задач науки.

Эпистемологически ментальность связана с различными уровнями, в которых можно выделить: ментальность как стиль мышления, связанный с основами психической природы человека; ментальность как индивидуальное свойство

Tuan Yi-Fu. *Tophophilia: A study of environmental perception, attitudes and values* / Morningside ed., with new preface by the author. N.Y.: ColumbiaUn-tyPress, 1990.

⁹⁶ Замятина Н. Ю. Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. — Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 339—340.

⁹⁷ Линч К. Образгорода / Пер. сангл. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

⁹⁸ Топоров В. Н. Петербург и «Петербург и петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Прогресс-Культура, 1995. — 214—273.

⁹⁹ Замятина Н. Ю. Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. — Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 339—340.

личности, выраженное в когнитивных функциях и, наконец, ментальность как стереотип поведения, различающийся в различных культурно-географических средах. Последний пласт ментальности интересен в географическом ракурсе исследований как различение ментальных типов, связанных с пространственными различиями и, на наш взгляд, делает правомочным использование понятия «ментальность» в географическом исследовательском поле. Также в географическое поле попадает пространственный уровень восприятия в самой ментальности.

Однако представляется не самой удачной формулировка названия «география ментальности» в направлении географической науки, которая бы занималась выявлением и отображением спецификации ментальных комплексов социума в географическом пространстве, в силу попадания в этот блок только части компонентов, составляющих содержание понятия «ментальность».

Итак, характеризуя современный этап как инфляционное содержательное расползание понятия ментальность/менталитет при многообразии выявленных детерминант (постмодернистский, капиталистический, антикапиталистический, профессиональный, гендерный и др.), мы подходим к необходимости вычленения специального понятия, в котором обнаруживается географическая реальность, пространственный ракурс исследования.

Разнообразие стереотипов поведения, нравов, темпераментов, обычаев и иерархии ценностей у различных общественных групп в разных регионах мира, как правило, очерченных по этническому или культурно-географическому признакам, связано с термином «этос». Начиная с античности, сложилась исследовательская традиция размежевания в понятиях психических свойств природы человека, представляющих врожденные свойства личности – физис, и подверженную изменениям часть психики людей, выражающуюся в привычках, нравах, характерах, темпераменте и обычаях – этосе человека.^{100, 101, 102}

¹⁰⁰ Анчел Е. Этос и история. М., 1988

¹⁰¹ Ефимов В.Т. Этосоология как учение о нравах и нравственности. М., 1992.

¹⁰² Философская энциклопедия. Том 5. Под ред. Ф.В. Константинова. -Советская энциклопедия. Серия Энциклопедические словари и справочники. -1970 – 740 с.

Понятие «этнос», как и понятие «ментальность», тоже имеет неустойчивый терминологический статус. Однако ретроспективное развитие использования этого термина антропологами XX века позволяет применять его с большой корректностью к феноменам образа жизни, иерархии ценностей, нравам и обычаям в обществе на разных пространственных уровнях.

Этнос является составной частью ментальности, при этом проводит понятийно-терминологическую демаркацию между этносным как реально-должным, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком идеально-должного, сферой собственно морального (наподобие моральной географии И. Канта).¹⁰³

Важным эвристическим потенциалом понятия этноса, а также аргументом для возможной критики по сдерживанию терминологической перегруженности понятийно-терминологического аппарата географической науки является первоначальное понимание этноса как места обитания, обжитого пространства в его связи с характером человека.

Классическое учение об этносе культуры составила Рут Бенедикт.¹⁰⁴ Под этносом культуры Р. Бенедикт понимала определенное соотношение в конфигурации внутрикультурных элементов, индивидуальное для каждой культуры и связанное некоей общей культурной направленностью. Нельзя сопоставить степень развитости различных культур, потому что каждая из культурных конфигураций является следствием уникального этноса как индивидуального внутрикультурного интегратора.

Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты – все вместе образуют единую неповторимую структуру. Причем из различных возможных вариаций тех или иных систем отношений, способов действия, форм общественных

¹⁰³Социально-экономическая география современного мира :учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. — М : Издательский центр «Академия», 2010 — 256 с.

¹⁰⁴ Benedict R. Patterns of Culture. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1934 260 p. – p.36-37.

институций в каждой культуре присутствуют только строго определенные вариации - те, которые соответствуют этосу культуры.¹⁰⁵

Таким образом, этос проявляет себя во всевозможных сферах социума, от распределения собственности в структурах социальной иерархии до разновидностей половых взаимоотношений внутри общества. Контактно-установочные функции этоса проявляют себя на базовых уровнях макротипов социальных отношений. На некоторых из этих уровней этологическое пространство ментальности имеет очень сложную геометрию, на других уровнях этос нельзя описать геометрически закономерно выражаемыми местами в пространстве, некоторые уровни не предполагают привязку этоса к излишне определенному пространственно-территориальному уровню.

Рут Бенедикт в своем теоретико-методологическом подходе вышла за рамки бихевиоризма (описания поведения людей) и обусловила возможность выйти из характеристики индивидуальной психологии на характеристику психологических взаимосвязанностей различных институций в каждом обществе.

Огромное влияние на содержательное наполнение термина «этос» оказали антропологи научной школы Бронислава Малиновского.^{106, 107} Понятие «этос» стало выражать не просто образ социального и индивидуального поведения, но и осознание его носителями соответствующего стереотипа поведения. Таким образом, этос - это не только само поведение в его речевых, мыслительных и действенных физических презентациях, но и способ его осознания. В результате такого развития получилась новая аксиоматическая категория и новый антропологический подход – этологический. Этос не сводится к бихевиоризму (поведению и стилям поведения) и этос не является типом или структурой сознания (ментальностью), а представляет собой как бы срединную категорию. Это такой образ социального и индивидуального

¹⁰⁵ Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с. – С. 37.

¹⁰⁶ Малиновский Б. Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / Пер. И. В. Утехин. 2-е изд. испр. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005 184 с.

¹⁰⁷ Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, volution, and Epistemology. New York: Ballantine Books, 1972 535 p.

поведения, который уже или всегда осознан. Это качество этоса позволяет его выявить и верифицировать корректно с научной точки зрения, в частности, социологическими методами исследования.

Мы называем этологической географией новое научное направление в общественной географии, исследующее общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации ментальности населения. Ментальное пространство не тождественно географическому пространству. В таком случае «пространство» является лишь метафорой, не несущей реальной географической (факторы, структуры, процессы, а также их осмысление, рефлексия) нагрузки. Географическое исследование нужно фокусировать не на «ментальном пространстве», а «ментальности в пространстве», а также «пространстве в ментальности». Проблематика ментальности в структуре общественно-географических исследований предполагает обоснование этологической географии в предметно-объектном контексте географической науки: географической оболочке, геосистеме, культурных ландшафтов, территориальных общественных системах и т.п.

Итак, после понятийно-терминологической редукции ментальности как интегрального и «ускользающего» понятия к этосу, обозначим объект и предмет исследования этологической географии.

Объект исследования, на которой направлен в целом исследовательский процесс – это пространственные структуры этоса. Предмет исследования как отражение сущностных сторон объекта, его детализация в конкретном исследовательском поле – это общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации этоса в культурно-территориальных общностях.

Важная в общественно-географическом плане задача исследования пространства в ментальности не входит в задачи этологической географии. Этологическая география выражает собой географию ментальности, а не ментальную географию.

С. А. Тархов,¹⁰⁸ определяя предмет изучения социально-экономической географии как «пространственное устройство» территориальных систем жизни и деятельности людей, пространственную организацию жизнедеятельности человека...» отмечает, что в территориальные системы включаются «ментальные» объекты, не раскрывая их содержание. Е.Г. Анимица и М.Д. Шарыгин предлагают включить в территориальные общественные системы «духовные, психологические, нравственные, другие аспекты жизни людей».¹⁰⁹ Таким образом, в контурах современной общественной географии,¹¹⁰ открывается лакуна ментально-географической проблематики, нуждающаяся в научно-исследовательской проработке.

Этологическая география в строгой системной методологии образует следующие внутренние и внешние структурные звенья в целостной территориальной системе, иерархически организованной в соответствии с определенным пространственным уровнем (см. рис. 2).

¹⁰⁸ Тархов С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы. // Регион. Исслед. 2013. № 3. С.9-13.

¹⁰⁹ Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д. Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник. 2013. № 1. С. 4-12.

¹¹⁰ Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. №1 С. 20-28.

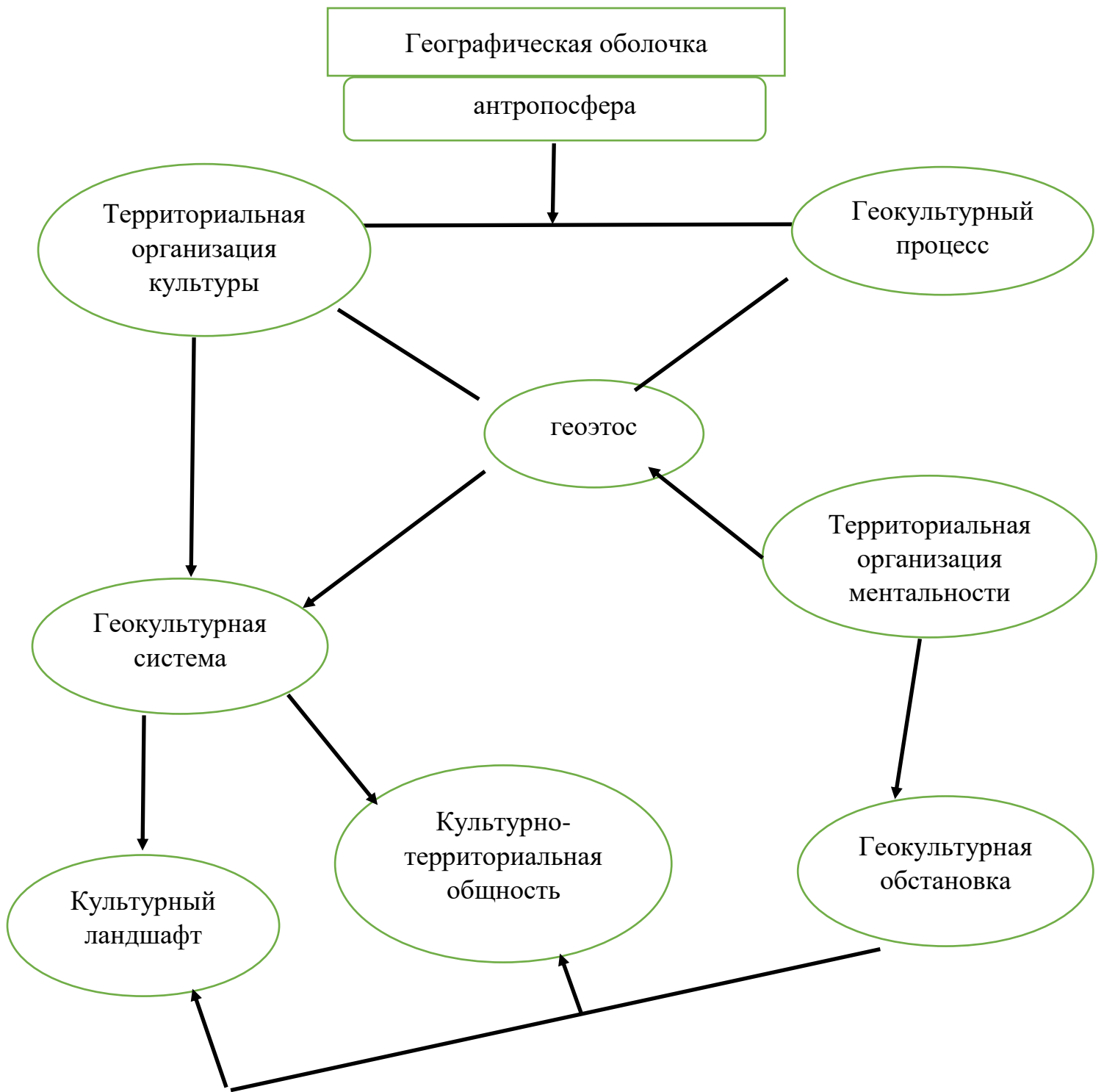

Рисунок 2 - Структурно-иерархическая соподчиненность основных понятий, используемых в этнологической географии, в предметно-объектном контексте географической науки

Б.Б. Родман выделяет в качестве объекта комплексной географии, рассматривающей географическую оболочку нашей планеты вместе с человеческим

обществом и результатами его деятельности, антропосферу – тончайший «узловой» слой географической оболочки, где проходит жизнь и деятельность человека.¹¹¹ Ментальность в географическом пространстве может быть выражена в географической оболочке только через антропосферу как наивысший таксономический ранг пространственной организации человечества. Ментально-географическая организация общества в контексте нашего исследования – это определенная лакуна в культурно-географическом разрезе. Поэтому выделенные и обоснованные А.Г. Дружининым¹¹² предельные категории географии культуры – территориальная организация культуры (почти смыкающаяся с территориальной организацией общества, но не тождественная ей за счет фокусировки на развитии культуры в пределах геосферы) и геокультурный процесс (категория, характеризующая пространственное саморазвитие культуры) имеют дополненные характеристики при смене аспекта рассмотрения через ментально-географическую проблематику.

Одно из узловых понятий авторской геоэтологической концепции – геоэтос (подробнее см. раздел 3.1) – рассматривается нами в качестве определенной формы выражения ментальности в географическом пространстве, возникающим в перекрестном взаимодействии территориальной организации культуры и геокультурного процесса.

Этос в географическом пространстве выступает в качестве контактно-установочной функции между компонентами геосистемы. П.Я. Бакланов¹¹³ справедливо указывает, что отношения между отдельными видами деятельности людей, слагающие территориальную систему, являются важнейшей составляющей территориальной системы.

¹¹¹ Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. – Смоленск: Ойкумена. – 2007. – 368 с. – С. 51.

¹¹² Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1999. - 151 с.

¹¹³ Бакланов П.Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2014. - № 1 (9). - С. 5.

Геокультурная система, объединяющая под собой все обусловленные культурогенезом территориальные системы, интегрирует геозтос как одну из составляющих геокультурного процесса (процесса пространственного саморазвития различных культурно-территориальных образований). Геозтос выступает ни как самостоятельный компонент геокультурной системы, а именно как функция отношения между компонентами, обусловленными культурогенезом.

В свою очередь, культурный ландшафт и культурно-территориальная общность – варианты геосистем, структурирующих геокультурное пространство (инвариант географического пространства, представляющего собой совокупность пространственных отношений между различными геокультурными феноменами¹¹⁴), выражают ментальность населения в определенном геозтосе.

Общая теория территориальной организации общества – это теория дедуктивного типа, которая содержит базовые положения, отражающие важнейшие закономерности территориальной организации населения и его деятельности, а также позволяет привести в систему наиболее общие категории, используемые для описания территориальной организации.¹¹⁵

Данная категория выступает в качестве предельной в социально-экономической географии, производными из которой выступает большинство категорий, используемых в общественно-географических исследованиях. Территориальная организация общества характеризуется всеохватностью пространственных проявлений жизни общества.

Классическим подходом в исследовании территориальной организации общества является разбивка общественно-географических феноменов на слои: население, природопользование, производственная и непроизводственная сфера, инфраструктура и т.д. Несмотря на то, что слои иногда перекрываются и встречаются объекты, не подходящие ни под один из выделенных слоев, географическая

¹¹⁴ Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1999. - 151 с. – С. 78.

¹¹⁵ А.А. Ткаченко. Некоторые элементы общей теории территориальной организации общества / Социально-экономическая география: традиция и современность / Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова – М. – Смоленск: Ойкумена, 2009. – 347 с. – С. 215.

методология исследования в принципе инвариантна по отношению к изучаемым объектам. Отметим также, что можно выявить территориальную организацию отдельных компонентов, при условии отображения локализации, территориальных различий, пространственных связей и выделения территориальных систем различных уровней (от простейших структур до комплексов) в их соотнесенности с интегральной территориальной организацией общества на мезо-пространственном уровне.

Этологическая география позволяет рассматривать выделенные нами компоненты геотоса (см. раздел 3.1) как основополагающие элементы территориальной организации этоса. Взаимосвязи между этими компонентами рассмотрены нами в полисистемной модели геозтологического пространства ментальности (см. рис. 6).

Утверждая включенность методологического аппарата географической науки как в идеографический (описывающий индивидуальную действительность), так и в номотетический (направленный на все многообразие пространственных проявлений) полюсов научного знания, обозначим взаимоувязанность выделенных геозтологических компонентов с интегральной картиной территориальной организации общества.

Взаимосвязи между системой основных компонентов геотоса и основными закономерностями территориальной организации общества представлены на следующей схеме (см. рис. 3).

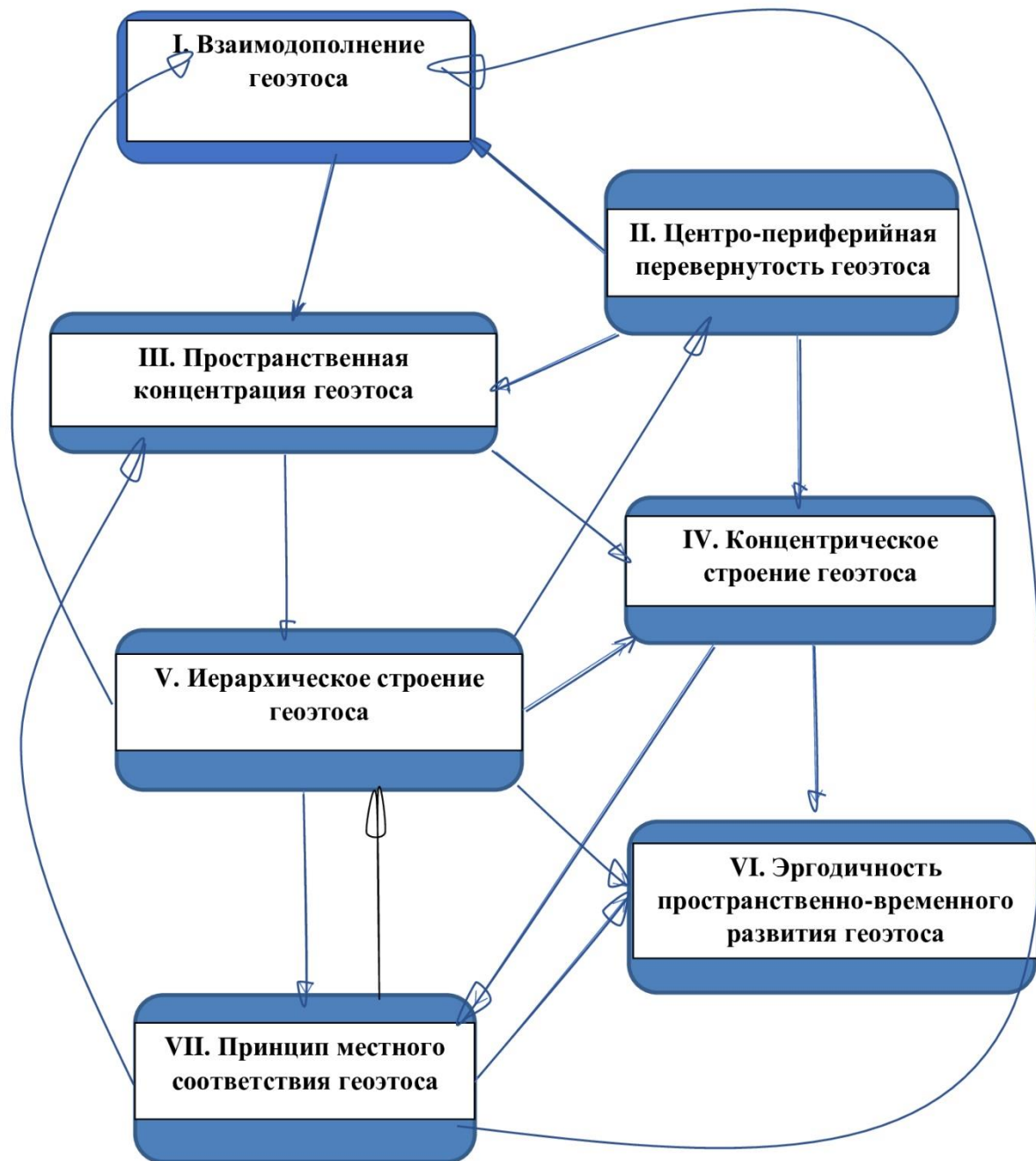

Рисунок 3 – Взаимосвязи между основными закономерностями ТОО и геозтологической пространственной системой

Опираясь на кодификацию основных закономерностей ТОО, проведенную А.А. Ткаченко¹¹⁶ рассмотрим взаимодействие между системой основных компонентов геозтоса и территориальной организацией общества.

¹¹⁶ А.А. Ткаченко. Некоторые элементы общей теории территориальной организации общества / Социально-экономическая география: традиция и современность / Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова – М. – Смоленск: Ойкумена, 2009. – 347 с. – С. 220-222.

1. Естественно-исторический генезис геоэтологических компонентов, проявляющийся в ключевых макросоциальных отношениях общества порождает концентрацию – ядра определённого геоэтологического типа (I→III).

2. Центро-периферийная перевернутость геоэтологической стратификации (аутентичные свойства регионализованы на периферии и дисперсны в социально-экономических центрах) производит обмен функциями по принципу обратной пропорциональности взаимодействия и расстояния от социально-экономических центров (II→I).

3. Сила влияния регионализованной концентрации геоэтоса на окружающую территорию приводит к формированию узловых геоэтологических районов (II→III).

4. Специфические ядра геоэтоса порождают концентрическую зональность (III→IV).

5. Особенности концентрических зон определяются удаленностью от центра (II→IV).

6. Ядра геоэтоса как очаги концентрации образуют иерархию центров и узловых районов (III→V).

7. Центры разных рангов создают свою концентрическую зональность (V→IV).

8. Геоэтологическая контактность мест зависит от их положения в иерархии центров/районов (V→I).

9. Дальность влияния системы геоэтологических компонентов зависит от его места в иерархии районов (V→II).

10. Стадии развития геоэтологической системы зависят от их положения в системе концентрических зон (IV→VI).

11. Стадии развития геоэтологической системы зависят от их положения в иерархии центров (V→VI).

12. Стадии развития геоэтологической системы находятся в соответствии с природными и культурными свойствами территории (VII→VI).

13. Действие контактности меняется с изменением места геоэтологических компонентов в системе концентрических зон (IV→VII).

14. Действие контактности меняется с изменением места геоэтологических компонентов в иерархии центров/районов (V→VII).

15. Потребность в обмене функциями связана с неодинаковостью культурных и природных ограничений в разных местах (VII→I).

16. Потребность в обмене функциями связана с различиями в стадиях развития (VI→I).

17. Возможности концентрации лимитируются свойствами территории (VII→III).

18. Природные и историко-культурные ограничения задают иерархичность в геоэтологической системе (VII→V).

Выявленные взаимосвязи можно рассматривать как внешний механизм взаимодействия территориальной организации этоса с абстрактной моделью внутреннего механизма территориальной организации общества.

Выделенные 18 связей – это базис закономерностей территориальной организации общества взаимосвязанный с пространственной системой геоэтоса. Географический подход к исследованию геоэтологической системы должен выстраиваться на этих базовых положениях.

Геоэтологическая система многослойна как и территориальная организация общества. Основные закономерности ТОО универсальны для каждого выделенного слоя геоэтологической структуры. Безусловно, общественный генезис этих закономерностей, приводит к вероятностному характеру выделенных взаимодействий, которые проявляют себя как тенденции при большом числе наблюдений. Однако эти базовые взаимодействия в своем совокупном проявлении, усложненные стохастичностью общественных процессов, выступают каркасом географической картины этологической составляющей ментальности любой территории.

В целом, территориальная организация ментальности населения проявляется в геокультурной системе в двух взаимосвязанных процессах – через геоэтос (как функции отношений между компонентами территориальной системы,

обусловленными культурогенезом) и в геокультурной обстановке (как способности территории к саморазвитию во взаимодействии с культурой).

Таким образом, представление об этосе как части ментальности в его связи с местом обитания человека интегрируется нами в предметно-объектный контекст культурной географии следующим образом. Геоэтос выражает мозаичность антропосферы через контактно-установочные функции компонентов геосистемы. Культурный ландшафт и культурно-территориальная общность выражают ментальность населения в определенном геоэтосе. Взаимосвязи между компонентами геоэтоса можно рассматривать как внешний механизм взаимодействия территориальной организации ментальности с абстрактной моделью внутреннего механизма территориальной организации общества.

2. Теоретико-методологические основы исследовательского подхода к географии ментальности

2.1 Моральная география И. Канта как научно-философское основание этнологической географии

Творческое наследие Иммануила Канта входит в сокровищницу мировой культуры. Он был новатором как в области философии, так и в сфере науки. И хотя многое из того, о чем говорил и писал И. Кант, составляет историю философской и научной мысли, сам способ его философствования, его философский язык, а также его совершенно неповторимый образ философствующего человека оказались непревзойденными.

До настоящего времени вклад в развитие научной географии И. Канта остается малоизученным вопросом. Более того, считая эту часть его творческого наследия периферийной и отдаленной от его философии, многие исследователи рассматривают ее лишь как обзор опытного знания внешнего мира. И даже хорошо известный факт о чтении И. Кантом с 1756 по 1796 годы (40 лет!) лекций по физической географии (*Collegium de geographia physica*) воспринимается чуть ли не как причуда великого мыслителя.

Первичными и важнейшими источниками по этому роду деятельности И. Канта можно считать 18 рукописей студентов и анонимных составителей, доступных в электронной форме в Потсдамском отделении Берлинско-Бранденбургской академии наук,¹¹⁷ а также 2-х томное издание «Кантовской физической географии» Фридриха Теодора Ринка.¹¹⁸ Правда, последнюю - видный немецкий исследователь Эрих Адикес считал текстологически не кантовской.¹¹⁹ Известно также свидетельство Барона фон Гольштейн о том, что существуют «Лекции профессора Канта по

¹¹⁷ В. Штарк. Физическая география в Кёнигсбергском университете: Карл Генрих Раппольт и Иммануил Кант // Кант и Кенигсберг : [сборник] / [сост. и гл. ред. В. П. Лебедев-Шапранов]. - Калининград : Кладезь, 2005 - 169 с. – С.203-220. – С. 206.

¹¹⁸ Kant I. *Physische Geographie*. 2 Bde. Hrsg. von Friedrich Theodor Rink. Königsberg: Gftbbels & Unzer, 1802.

¹¹⁹ Adickes E. *Untersuchungen zu Kants physischer Geographie*. Tübingen, 1911.

физической географии, которые он прочёл мне в 1772/73 гг., в память об этом великом муже, исправленные им самим. Корректуры в этой рукописи сделаны его собственной рукой (Барон фон Гольштейн)». ¹²⁰ Сама рукопись упоминается в литературе уже в первой трети XIX века и по сегодняшний день находится в частном владении. ¹²¹

Статус текстов решен в исследовании Эриха Адикеса «Исследования по физической географии Канта» (1911). ¹²² В целом речь идёт об одном тексте с оригинальной структурой, который полностью составлен из выписок из имеющихся учебников, описаний путешествий и других научных работ того времени. ¹²³ Текст ранней версии структурирован: введение (посвященное космографическим измерениям сферической формы Земли), две части и заключение. В первой части представлена физическая география, давшая названия всему курсу (рассматриваются четыре основных элемента – вода, земля, огонь и воздух). Вторая часть посвящена царствам природы. В соответствии со средневековой традицией, это животные, растения и минералы. В заключении содержится «Суммарный обзор имеющихся природных достопримечательностей всех стран в географическом порядке» (обзор дается в следующей последовательности: Восточная Азия, Африка, Европа, Южная и Северная Америки и необитаемые полярные территории). Как утверждает крупный специалист по исследованию физической географии И. Канта из Марбургского университета им. Филиппа В. Штарк, только первая часть является самостоятельно написанной работой (она может быть прочитана в едином ключе как переработанная редакция опубликованных программ курсов летнего семестра 1757 года, за исключением разве что небольших, но поучительных модификаций). ¹²⁴ По сути лекции по физической географии И. Канта представляют собой фундаментальный обзор естествознания в его чувственно познаваемых репрезентациях (в противовес

¹²⁰ Kant I. Kant's gesammelte Schriften. Berlin, 1900 ff.

¹²¹ В. Штарк. Физическая география в Кёнигсбергском университете: Карл Генрих Раппольт и Иммануил Кант // Кант и Кенигсберг : [сборник] / [сост. и гл. ред. В. П. Лебедев-Шапранов]. - Калининград : Кладезь, 2005 - 169 с. – С.203-220

¹²² Adickes E. Untersuchungen zu Kants physischer Geographie. Tübingen, 1911.

¹²³ В. Штарк. Физическая география в Кёнигсбергском университете: Карл Генрих Раппольт и Иммануил Кант // Кант и Кенигсберг : [сборник] / [сост. и гл. ред. В. П. Лебедев-Шапранов]. - Калининград : Кладезь, 2005 - 169 с. – С.203-220. – С. 208.

¹²⁴ Там же. – С. 209.

математической физике Исаака Ньютона с её законами гравитации, действующими в отдельных корпускулах). Это описательное и сравнительное исследование природы в начале Нового времени.

В XVIII веке сфера физической географии оставалась ещё неопределенной и не дифференцированной. Только в конце XVIII в. от неё начинают отделяться геология, география растений и животных. С одной стороны, программа И. Канта соответствует ещё не дифференцированному естествознанию, но с другой – содержит методологическую основу для разнородного конгломерата вопросов, исторически рассматривающихся географией, что явилось научным пропедевтическим основанием хронологической концепции, окончательно оформившейся через К. Риттера уже А. Геттнером и Р. Хартшорном.

И. Кант классифицировал науки на систематические (в предмете исследования которых материальные объекты), хронологические (цементирующиеся на исследовании явлений и процессов во времени, прежде всего, это история) и хронологические (здесь предметом исследования выступает пространство, а к таким наукам И. Кант относит астрономию и географию).

География выделяется в самостоятельную отрасль знания по пространственному критерию. Пространственность является универсальным свойством большинства процессов и явлений, поэтому география выступает и как некий универсальный подход научного познания.

Именно И. Кант подразделяет географию на физическую, математическую, политическую, литературную, «меркантильную» географии.¹²⁵ Заметим, что некоторые из этих отраслей могут представляться исследователям как отрасли географии Новейшего времени.

И. Кант выделил моральную географию, исследующую различия моральных норм (поведение, нравы, обычаи) между различными народами и странами, которые И. Кант уловил, изучая литературные источники. Эта находящаяся в процессе формирования дисциплина, по его мнению, призвана изучать особого рода системы

¹²⁵ Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов. – М., «Академия». – 400 с. – С. 11

– территориальные общности людей-носителей совокупности специфических моральных норм.¹²⁶

Отметим, что уже в начале XIX века в России рассматривалась «нравственная география» Е. Ф. Зябловского, в которой можно найти сравнительный анализ отношения к отцеубийству в Лапландии и Японии.¹²⁷

У И. Канта географические понятия органически сливаются с философскими. К таким понятиям следует отнести «поле», «территория» и «область» событий.¹²⁸

С.В. Федулов рассматривает целостное географическое мышление через три основные дихотомии: «образ» - «логическая схема»; «уникальное» - «общее»; «деятельность»-«пространство».¹²⁹ Первая дихотомия представлена художественно-страноведческой тенденцией, прослеживающейся от Геродота и Страбона и формирующая географический образ и идущая от Эратосфена и Птолемея статистико-картографической направленностью, ориентированной на точнейший показ места. Вторая дихотомия («уникальное» - «общее») отражает разные подходы в географии: идиографический (поиск своеобразия, уникальности территории с преимущественным использованием качественных методов исследования) и номотетический (поиск закономерностей размещения и пространственной организации с преимущественным использованием формализованных подходов и количественных методов). Третья дихотомия - «деятельность» - «пространство» - то есть ориентация либо на деятельность в ее проявлениях на территории, либо на территорию с учетом деятельности людей. Безусловно, географическое мышление «пульсирует между тремя парами полюсов указанных дихотомий».¹³⁰ География ментальности, в частности поведенческая география, ориентирована на триаду «образ» - «уникальное» - «деятельность».

¹²⁶ Новые направления в общественно-географических науках / С. Ю. Корнекова, В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 107 с. – С. 25.

¹²⁷ Зябловский Е. Ф. Курс всеобщей географии. СПб. 1818-1819. – С. 57.

¹²⁸ Дергачев В.А. Иммануил Кант. Путешественник, открывший Великий океан, берега которого еще не удалось достигнуть никому // Институт геополитики профессора Дергачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dergachev.ru/geop_events/230416-03.html#.YApwhv0zaM8

¹²⁹ Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии: Пер. с англ./Авт. предисл. С. В. Федулов. - М.: Прогресс, 1990.-304 с.

¹³⁰ Там же.

Современная география, соединившая в себе взаимодополняющее творческое наследие Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера, является продолжением научно-философских оснований И. Канта, особенно ярко нашедших свое отражение в положении К. Риттера «человек - зеркало территории»,¹³¹ интенционально направленное на созидание географической мысли.

Единое географическое пространство Земли может быть представлено только как наложение множества географических пространств, выраженных как множество пространственных отношений.¹³²

Важнейшим методологическим основанием современной географии ментальности (в нашей терминологии этологической географии¹³³) можно считать представления И. Канта о множественности миров. Пространство и время выступают как априорные свойства чувственной сферы сознания, через которые воспринимается действительность. Культурные паттерны, господствующие в том или ином регионе, создают определенно окрашенный фильтр восприятия информации и могут выразить себя в наличии множественности пространств. Противоречие между субъектом и объектом у И. Канта снимается представлениями о зависимости наблюдаемого от наблюдателя.

Таким образом, творческое наследие И. Канта рассматривается нами как научно-философское основание современной поведенческой географии по следующим определяющим позициям:

1. И. Кант выделил моральную географию как самостоятельную отрасль географии, которая выявляет пространственные различия поведения, нравов и обычаев (моральных норм по И. Канту) между различными народами и странами. Предмет исследования этого направления - территориальные общности людей-носителей совокупности специфических моральных норм. При этом И. Кант

¹³¹ Европа: лекции, читанные в Берлинском ун-те и изданные Г. А. Даниелем / К. Риттер; Пер. с нем. Я. Вейнберга. - М. : А. И. Глазунов, 1864. - 346 с. - С. 18.

¹³² Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 3 / Сост., отв.ред. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2006. – 568 с. – С. 271-272.

¹³³ А. В. Любичанковский // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2020. - № 1 (9). - С. 37-49.

указывает на один из ведущих способов исследования в моральной географии - по литературным источникам, тем самым ретроспективно углубляя литературно-географический подход, актуализированный нами в контексте данного исследования (см. раздел 3.3 и 4.1.2).

2. Представление И. Канта о множественности «миров», формирующихся через культурные паттерны, господствующие в том или ином регионе, что создает «фильтр» восприятия информации и предполагает использование этического подхода (исходящего из характеристики сообщества данного им самим через «эмные» социально-психологические составляющие культуры, так называемый «взгляд изнутри», в противовес этическому «взгляду снаружи» как восприятию стороннего наблюдателя).

3. Этологическая география как наследница моральной географии И. Канта рассматривается нами как идиографическая ветвь географии, ориентированная на исследовательскую триаду «образ» - «уникальное» - «деятельность». Географическое исследование направлено не на саму ментальность, а на идентификацию различий ментальности от места к месту во взаимодействии с другими явлениями.

4. Научно-философская проработка И. Кантом проблемы наблюдаемого мышления предопределяет возможности выстраивания географического наблюдения за ментальностью. Это наблюдение не происходит извне. Исследователь не может манифестировать позицию привилегированного наблюдателя. Наблюдение изнутри процесса связано с представлениями о зависимости наблюдаемого от наблюдателя. Субъект полностью вовлечен в объект исследования. Наблюдение становится определенно выстроенным интроспективным процессом.

2.2 Развитие идей Л.Н. Гумилева в контексте этологической географии

Поведенческое (бихевиористское) направление в общественной географии, фокусирующееся на изучении территориальных различий в поведении человека и его

ориентировании в пространстве, возникло в англо-американской научной школе в 1960-е годы. Главные представители этого направления - Дж. Голд,¹³⁴ Р. Голледж,¹³⁵ П. Гоулд,¹³⁶ Д. Сти¹³⁷ и др.

Н.Ю. Замятина и И.И. Митин отмечают, что в конце XX в. поведенческая география была вытеснена когнитивной географией (при этом эти два направления нередко смешиваются).¹³⁸ Для целей нашего исследования мы будем рассматривать их как синонимичные.

Бихевиористский подход в социогеографии стал альтернативой нормативному подходу, исходившему из концепции «экономического человека», который якобы «свободен от множества целей и несовершенной информации, усложняющей наше поведение и принятие решений».¹³⁹

Поведенческая, а затем и когнитивная география вышла на анализ представлений об окружающем пространстве у различных групп населения, используя эмпирический подход в науке, исходящий из характеристики сообщества, данного им самим. Это взгляд изнутри, определяемый восприятием местного сообщества. «Эмные» явления связаны с социально-психологической составляющей культуры.

Словом, это направление в географии занимается исследованиями пространственных представлений, проблематизируя тезис о взаимосвязи поведения людей и их восприятием мира. Когнитивная география идентифицирует у различных групп населения определенные образы окружающей среды и выявляет взаимосвязи между этими образами и фактическим поведением.

¹³⁴ Голд Д. Основы поведенческой географии. – М., 1990. – 304 с.

¹³⁵ Голледж, Р. Г. (ред.). (1999). Поведение при поиске пути: когнитивное картографирование и другие пространственные процессы. Балтимор, Мэриленд: Издательство Университета Джона Хопкинса.

¹³⁶ Gould, P and White, R. 1974: Mental maps. Harmondsworth: Penguin Books / Classics in human geography revisited // Progress in Human Geography 19,1 (1995) pp. 105-110.

¹³⁷ Cognitive Maps and Spatial Behaviour: Process and Products // 2011, Theories of Mapping Practice and Cartographic Representation

¹³⁸ Н.Ю. Замятина, И.И. Митин. Поведенческая география / Большая российская энциклопедия. <http://bre.mkrf.ru/geography/text/3147409>

¹³⁹ Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк разв. англо-амер. Соц. Географии после 1945 г. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с. – С. 181.

Поведенческий комплекс по сути можно рассматривать как стереотип поведения, связанный с определенной территориальной группой. Возникновение и функционирование стереотипа поведения можно постичь, если точно определить, из каких структурных элементов он состоит.

Для осуществления такой работы большую роль играет одна из самых значительных этнологических концепций XX века – концепция этногенеза Л.Н. Гумилева.

Стереотип поведения у Л.Н. Гумилева играет интегральную роль во всем процессе этногенеза, включая в свою системную этническую целостность нормы отношений между индивидом и коллективом; между этносом и внутриэтническими группами, а также связь с вмещающим ландшафтом, закрепленную определенной традицией. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны.¹⁴⁰

Л.Н. Гумилев вводит в качестве перекрестного со стереотипом поведения этноса термин «этническая доминанта», понимая под этим словесные выражения тех или иных идеалов, имеющих единообразное значение и сходную смысловую динамику внутри этнической системы. Сменить идеал можно только лицемерно, потому что он кажется его последователю не столько индикатором, сколько символом его жизнеутверждения. Итак, под доминантой Л.Н. Гумилев понимает такое явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой и т.п.), который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие.¹⁴¹

Отметим также ещё один важный термин в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, который имеет громадный потенциал использования в поведенческой географии. Это – комплементарность. Комплементарность – положительная (отрицательная) – это ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее

¹⁴⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с. – С. 117-118.

¹⁴¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с. – С. 191-192.

деление на «своих» и «чужих». ¹⁴² Комплементарность фигурирует и на межэтническом уровне, определяя отношения между этносами, и на внутриэтническом уровне, скрепляя людей в единую этническую целостность (см. таблицу 3).

Таблица 3 - Явление комплементарности в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева

Иерархический уровень	Функция отношения
суперэтнос	Контактно-установочная функция формирования симбиоза или химеры
этнос	Преобладание эндогамных браков
Консорция, конвиксия	Активные взаимоотношения и сходная поведенческая модель

Отмечу, что гумилевское представление об этносе не только как социальном, но прежде всего природном явлении, взаимодействующим с другими этносами с подсознательным ощущением симпатии или антипатии, не обесценивает идею межэтнической толерантности. Напротив, Лев Николаевич подчеркивает важность разнообразия антропосферы как фактора устойчивости. Упрощение системы ведет к потере ее резистентности (принцип кибернетики). Комплементарность – предупреждение о необходимости внимательного отношения к межэтническим контактам - не оправдание, а лишь только возможное объяснение межнациональной вражды.¹⁴³

Явление комплементарности в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева идентифицируется на всех иерархических уровнях этнической системы. На нижних уровнях это комплементарные объединения небольших групп людей, связанных (часто эфемерно) единой целью и исторической судьбой (консорции) или однохарактерным бытом и общим местом обитания, существующих в течение

¹⁴² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с. – С.719.

¹⁴³ Любичанковский, А. В. Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований: монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". - Оренбург : ОГУ. - 2015. - 164 с.

нескольких поколений (конвексии). Комплементарность здесь продуцирует активные взаимоотношения и сходную поведенческую модель. На уровне этноса комплементарность проявляется в преобладании эндогамных браков. Межэтнические браки распространены гораздо реже, даже в полиэтничной среде (в противном случае происходит ассимиляция этноса). На суперэтническом уровне (в нашем представлении цивилизационном) комплементарность приводит либо к симбиозу, либо к химере со всеми негативными последствиями такого контакта.¹⁴⁴

Отметим очень важную сущностную черту комплементарности – вероятностный характер. Это статистическое явление, которое предполагает любое проявление на индивидуальном уровне и статистического взаимоконпенсирования при повышении ранга рассматриваемой системы. Категория комплементарности в концепции этногенеза в наибольшей степени связана с понятием ментальность.

Ментальность в контексте этногенеза – это особенность психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. Она выражается в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли, являясь существеннейшей частью этнической традиции. Формируется ментальность в ходе этногенеза (в том числе под влиянием этнических контактов). С повышением ранга рассматриваемой этнической системы ментальность проявляется все более ярко: если на уровне консорции (конвексии) специфика ментальности не всегда заметна, то в суперэтнической целостности она выступает на первый план. Более того, в суперэтнотипе, где наблюдается разнообразие стереотипов поведения, ментальность является основным консолидирующим фактором. В общей суперэтнической ментальности выделяются этнические различия («острый галльский смысл», «сумрачный германский гений» и т.д.). Более подробное рассмотрение позволяет также выявить субэтнические нюансы ментальности: например, в России XIX в. их можно было увидеть между дворянами, разночинными интеллигентами, старообрядцами, православным духовенством,

¹⁴⁴ Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Составитель - Мичурин В.А. Под редакцией Л. Н. Гумилёва. - Л. Н. Гумилев. Этносфера: история людей и история природы, М.: Экспресс, 1993, стр. 493-542. <http://gumilevica.kulichki.net/MVA/mva09.htm>

различавшимися не только своими стереотипами поведения (как субэтноты), но и ментальностью.¹⁴⁵

Таким образом, Л.Н. Гумилев справедливо вводит иерархическую последовательность: комплементарность (функция отношения) – совокупность традиций в этнической доминанте – стереотип поведения и обобщающий уровень – ментальность (см. таблицу 4).

Таблица 4 - Иерархическая последовательность

Таксон	Общая характеристика
ментальность	обобщающий уровень
стереотип поведения	внутренняя структура этноса
этническая доминанта	совокупность традиций
комплементарность	функция отношения

В целом, внутренняя структура этноса, определяемая стереотипом поведения, рассматривается в этногенезе Л.Н. Гумилева как динамическое явление. Им выделено персистентное (гомеостатическое) равновесное с окружающей средой состояние, которое характеризуется отсутствием межпоколенческой изменчивости в укладе жизни. Такие культуры встроены в историю, однако их ментальной особенностью является то, что для них не важна история как процесс, характеризующий культуру. Вторым, более распространенным вариантом, является изменчивость стереотипа поведения от поколения к поколению, что указывает на движение по фазам в витальном цикле этногенеза.

Таким образом:

- концепция этногенеза Л.Н. Гумилева позволяет структурировать поведенческий комплекс, рассматриваемый как объект исследования в поведенческой географии;

¹⁴⁵ Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Составитель - Мичурин В.А. Под редакцией Л. Н. Гумилёва. - Л. Н. Гумилев. Этносфера: история людей и история природы, М.: Экопрес, 1993, стр. 493-542. <http://gumilevica.kulichki.net/MVA/mva09.htm>

- методологический взгляд на стереотип поведения в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева представляет концептуальную возможность расширения исследовательского поля поведенческой географии за счет включения в него подходов к делимитации в пространстве поведенческих комплексов (то есть осуществляя переход к географии поведения);

- в целом, представления о комплементарности, идентифицируемых на всех таксонах этнической системы, этнической доминанте и ментальности населения, выдвигают новые возможности для аналитики описательной части концепции этногенеза Л.Н. Гумилева.

Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева до сих пор остается новаторской и дискуссионной. Обычно время «сжимает» идею. То, что у Л.Н. Гумилева было выражено в «Этногенез и биосфера Земли» на более чем 500 печатных страниц, нуждается в кодификации в различных дисциплинарных срезах. Приведенная интерпретация творческого наследия Л.Н. Гумилева вносит свою лепту в это дело в контексте поведенческой географии.

2.3 Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности

Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения образуют обосновываемое нами новое направление в общественной географии - этологическую географию. Концептуально это направление встраивается в географическую науку как стыковое, на пересечении хорологического, антропогеографического, географии человека и культурно-ландшафтного подходов, продолжая их методологические разработки для решения своих специальных задач, которые мы более подробно рассматривали в пункте 1.5.

Новая методология не требует теоретического переосмысления поведенческой географии, так как обосновывается нами как самостоятельное направление в общественной географии. При этом этологическая география имеет сходную интенцию с поведенческой географией, возникшей в середине 60-х гг. XX в. как

альтернатива господствующему тогда позитивизму в пространственном анализе, и также отражает тенденцию в направлении гуманизации географии, трансформации ее в науку о людях, а не о местах.¹⁴⁶ Важно отметить, что подобная трансформация не убирает территориальность из географического исследования. Напротив, происходит методологическое усложнение, когда территория рассматривается как функция человеческой деятельности, а в человеческой деятельности определяется влияние территории и отражение пространства в культуре.

Приведем синопсис основных географических подходов, рассматриваемых нами в качестве исходных для географии ментальности.

Исходя из отмеченных выше базовых концептуальных оснований географического подхода к исследованию ментальности – моральной географии И. Канта и этнологии Л.Н. Гумилева – очертим, прежде всего, ключевые хронологические параметры этнологической географии.

Прежде чем инициировать специальное направление по географическому исследованию ментальности населения, необходимо проанализировать предпосылки разных научных традиций географического анализа, имеющих эвристический потенциал в рассматриваемой области.

Очертим, прежде всего, ключевые хронологические параметры этнологической географии.

Основателем хронологического взгляда на объект географии был И. Кант. Теоретико-методологическое оформление этот подход получил через труды К. Риттера, А. Геттнера и Р. Хартшорна. Хронологическая концепция А. Геттнера обосновывает территориальный аспект в географических исследованиях не только как ведущий, но и выводящий на территориально-структурную парадигму для всей географической науки.

Хронологические основания этнологической географии выражаются в том, что сама по себе ментальность не является предметом географического исследования. Географический подход, рассматривая человеческие дела сравнительным методом по

¹⁴⁶ Джонстон Р. Дж. География и географы: Очерк разв. Англо-амер. Соц. географии после 1945 г. / Под ред. Э.Б. Алаева. – М.: Прогресс, 1987. = 368 с. – С. 353.

пространству всей земли, исходит из различия ментальности от места к месту и взаимодействия с другими явлениями.¹⁴⁷ Необходимость хорологической точки зрения обуславливается наличием причинной взаимозависимости между приуроченными к одному месту земли явлениями, в силу чего каждое место на земле представляет единое индивидуальное целое.¹⁴⁸

По мнению Э.Л. Файбусовича, хорологическая концепция методологически обоснованная и систематизированная, выведена на новый уровень в результате обогащения ее применением общенаучной системной парадигмы и теоретическим решением проблемы взаимодействия общества с природой.¹⁴⁹

Антропогеографический фокус этологической географии рассматривается нами как органичное продолжение хорологической методологии. Как известно, классик антропогеографии в нашей стране В.П. Семенов-Тян-Шанский был поклонником А. Геттнера и активно разрабатывал предложенную им хорологическую методологию в области исследуемых им проблем антропогеографии и географии человека.

А. Геттнер справедливо указывал, что использовать метод районирования для географии человека сложнее, чем для географии природы, так как «каждый из многих циклов явлений обладает особыми условиями, требующими и особого деления», и «к фактам происхождения и приспособления прибавляются факты организованной общественной жизни, причем эти последние приобретают настолько большое значение, что области, построенные на внутренней связи, становятся столь же важными, как и области, построенные на однородности».¹⁵⁰ Иными словами, говоря о признаках различения районов, автор ставит на первое место региональное сознание.¹⁵¹ Таким образом, А. Геттнер закладывает основы современных исследований по региональной идентичности, способу осмысления себя (места,

¹⁴⁷ Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. М.: Юрайт, 2019. 313 с.

¹⁴⁸ Файбусович Э. Л. Современная парадигма и развитие новых направлений социально-экономической географии. Автореф. на соиск. уч. степени докт. географ. наук. СПб., 1997.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. М.: Юрайт, 2019. 313 с.

¹⁵¹ Ткаченко А.А., Файбусович Э.Л. Альфред Геттнер и российская география // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология. 2008. Вып. 4. С. 2–23.

региона, страны) как единого целого. Региональное сознание является важным фактором в оценке ментальных факторов культурного регионализма, одним из важных аспектов географии ментальности.

Дальнейшее развитие эта идея получила в трудах Р. Хартшорна,¹⁵² у которого география представляется как наука, «которая интерпретирует реалии территориальной дифференциации мира не только с точки зрения различия ее аспектов от места к месту, но и с точки зрения общей структуры явления в каждом месте, отличной от таковой для любого из других мест». Таким образом, география позволяет не только фиксировать различия в проявлении ментальности в географическом пространстве, но и характеризовать индивидуальный район проявления какого-либо ментального типа.

Антропогеография представляет собой сформировавшуюся в конце XIX – начале XX веков научную школу. Свое широкое применение эта исследовательская интеллектуальная традиция получила, прежде всего, в Германии, России и США. В России это направление получило распространение при несомненном влиянии А. А. Крубера¹⁵³ (1872–1941), Л. Д. Синицкого¹⁵⁴ (1864–1933) и В.П. Семенова-Тян-Шанского¹⁵⁵ (1870–1942).

Антропогеография, анализируя связь культуры с географическими условиями, высказывает оригинальный взгляд на причины возникновения и развития культуры. Антропогеографические исследования строились на междисциплинарном синтезе географии с историей. Одной из главных исследовательских задач для антропогеографов был выход на географическое изучение цивилизаций.

¹⁵² R. Hartshorne. The Nature of Geography A Critical Survey of Current Thought in The Light of The Past. The Association Lancaster, 1939. The Nature Of Geography A Critical Survey Of Current Thought In The Light Of The Past: Richard Hartshorne: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive

¹⁵³ Крубер, Александр Александрович (1871-1941). Общее землеведение [Электронный ресурс]. Ч. 3: Био- и антропогеография. Москва, [1923] (2015). IV, 404 с.: карт. <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/233111/1/0JPQtdC+0LPRgC4xNzEucGRm>

¹⁵⁴ Синицкий, Леонтий Данилович. Лекции по землеведению (антропогеография). 1915. <https://cnbdvorep.elpub.ru/xmlui/handle/123456789/581>

¹⁵⁵ Район и страна / В.П. Семенов-Тян-Шанский. 2-е изд., стереотип. М.: Пеликан, 2017. 314 с.

Основоположником антропогеографии является Ф. Ратцель, обосновавший новое научное направление в общей концепции, направленной на исследования различных народов и их культур во взаимодействии со средой обитания.¹⁵⁶

По Л.Д. Синицкому, важным достижением антропогеографии стала оценка преломления географических влияний через призму исторических и культурных.¹⁵⁷

В целом, антропогеографическая школа инициирует проблему влияния распространения локальных и региональных комплексов культуры по земному шару и роль исторических контактов в формировании культуры народов - в неразрывной связи с ландшафтными особенностями соответствующих территорий.^{158, 159}

Антропогеография концептуально близка к школе географии человека, возникшей во Франции в конце XIX – начале XX вв. благодаря П.В. де ла Блашу (которого можно рассматривать как продолжателя идей А. Геттнера в области эстетики ландшафтов) и его последователей (Ж. Брюн, А. Деманжон, Р. Бланшар, Л. Галлуа, Э. Мартонн, А. Боли и др.). Благодаря усилиям этих исследователей география человека стала национально-интеллектуальной традицией в научной географии Франции, которая манифестировала районный синтез как основополагающую цель географического исследования и провозглашавшую методологический принцип сотворчества и гармонии между природной средой и культурой. География человека, уделяя большое внимание традиционным природно-историко-культурным местностям («рау»), имела безусловную страноведческую направленность, обогатив географическую науку комплексным анализом природы и культуры различных районов.¹⁶⁰

¹⁵⁶ Ратцель Ф. Народоведение / пер. с нем. – СПб.: Просвещение, 1902 Т. 1 764 с.; Т.2 877 с. [Ratzel, 1885–1888]. Ратцель Ф. Земля и жизнь: Сравнительное землеведение / пер. с нем. СПб.:Изд-во Брокгауз-Ефрон. Т. 1, вып. 1–4. 1903–1905. 737 с.; Т. 2 1906. 730 с. [Ratzel, 1901–1902].

¹⁵⁷ Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013 328 с. - С. 24.

¹⁵⁸ Ratcel' F. Narodovedenie / per. s nem. SPb.: Prosveshchenie, 1902. Т. 1. 764 s.; Т. 2. 877 s. [Ratzel, 1885 – 888].

¹⁵⁹ Ratcel' F. Zemlya izhizn': Sravnitel'noezemlevedenie / per. s nem. SPb.: Izd-voBrogauz-Efron. Т. 1, Выр. 1–4. 1903–1905. 737 s.; Т. 2. 1906. 730 s. [Ratzel, 1901–1902].

¹⁶⁰ Принципы географии человека /Под ред. Э. де Мартонна. 1922.

В целом на протяжении всего XX в. характерной особенностью французской национальной школы было приоритетное внимание к исследованию духовных, нематериальных процессов в формировании ландшафта, в частности исследований образа жизни и среды обитания человека.¹⁶¹ Как подчеркивает один из крупнейших культур-географов Франции Поль Клаваль, для французской школы культурно-ландшафтных исследований характерно особое внимание к «ментальным пространствам».¹⁶²

Мы рассматриваем этологическую географию как наследницу принципов антропогеографии и географии человека в области междисциплинарного синтеза с исторической наукой, стремящуюся найти выход на географическую характеристику цивилизаций. В свою очередь, под цивилизацией мы понимаем геокультурное образование в определенном пространстве-времени (например, Латинская Америка, Индийская цивилизация и др.), феномен которой лежит в поведении людей (цивилизационная картина мира как разнообразие ментальных комплексов со своим стереотипом поведения и жизненными идеалами).

Отмеченный В.Н. Стрелецким этнический индикатор культурного регионализма как присущих той или иной общности людей некой совокупности стереотипов этнического поведения и самосознания, которая позволяет представителям данной общности противопоставлять себя «чужакам»¹⁶³ полностью укладывается в представления об этносе в контексте концепции этногенеза Л.Н. Гумилева и актуализирует разрабатываемую нами методологию этологической географии в этом проблемном поле.

Отметим различный статус территориальности у этнического самосознания. Иногда этничность выражается как целостная региональная общность

¹⁶¹ Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. - с. 48–78. - С. 55.

¹⁶² Claval P. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. – Paris: Armand Collins, 2003. -288 p.

¹⁶³ Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 9–21.

(распространенный феномен для России),¹⁶⁴ а иногда именно полиэтничность является ключевой чертой культурного регионализма.

В целом, можно говорить, что с помощью сложной системы теоретических ходов и методологических соответствий в концепции этногенеза Л.Н.Гумилева этничность выводится через поведенческую географию. Поведенческая география у Л.Н. Гумилева выражает его подход к пониманию этноса.

Кроме того, отдельную и до сих пор в полной мере не проанализированную проблему представляет собой временной фактор динамики этнических процессов, на которые обращал внимание ещё основоположник этнической географии У. Колморген.¹⁶⁵

В западной научной географии был предложен концепт «бихевиористской среды», или «среды восприятия». Этот концепт активно продвигал имевший опыт полевых исследований в Меланезии Х. Брукфилд¹⁶⁶, который считал, что «четко видно различие в подходах между теми, кто ставит перед собой хорографическую (описательную) задачу, кто редко пытается дать объяснение таким явлениям, как поведение людей, их жизненная позиция, верования, социальная организация, характеристика взаимоотношений между социальными группами, и теми, для которых описание не является первоочередной задачей, кто более склонен к исследованию процессов как к средству объяснения явлений». И трудно не согласиться с таким выводом исследователя: «Когда отдельный социогеограф в дальнем уголке чужой земли стремится описать ее географию, ему не удастся это сделать, если он не попытается понять, как местные жители воспринимают окружающую их среду».¹⁶⁷

¹⁶⁴ Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ, 2011. Глава 2.6. С.146–176 (авторская глава в коллективной монографии).

¹⁶⁵ Kollmorgen W.M. Crucial deficiencies of regionalism // American Economic Review: Papers and Proceedings. 1945 Vol.35. P. 377–389.

¹⁶⁶ Brookfield, H.C., 1962. Local study and comparative method: an example from Central New Guinea. «Annals, Association of American Geographers 52», p.242–254.

¹⁶⁷ Brookfield, H.C., 1964. Questions on the human frontiers of geography. «Economic Geography40», p.283–303.

Р. Дж. Джонстон приводит этапность в социогеографическом исследовании по Брукфилду: 1) принятие общих положений о территориальной структуре и взаимосвязях; 2) детальный локальный анализ процессов, упомянутых в общих положениях, и 3) организация обобщающего и локального материала для получения объяснений. Брукфилд призывал к усилению микрогеографического анализа на втором этапе и наращиванию сравнительного метода для выведения обобщений.¹⁶⁸

В контексте нашего исследования представляется очень важным вывод Брукфилда, сделанный им на обзоре литературы,¹⁶⁹ о том, что «люди, принимающие решения, когда они имеют дело с окружающей средой, основываются не на реальной среде, а на той, которая складывается в их представлении; в то же время обусловленные этими решениями действия совершаются в реальной среде». «Среда восприятия» может относиться к прошлому, настоящему и будущему. «Среда прошлого» реконструируется на основании источников, или фиксируется как «вымышленная среда» современным населением, воспринимающим прошлое в соответствии с текущими представлениями. В качестве примера реконструкции «бихевиористской среды» прошлого можно привести работы по анализу освоения американского Запада,¹⁷⁰ или эпохи крестоносцев в Европе.¹⁷¹

Прогностическая компонента отражена в ландшафтных исследованиях Портера, Лукерманна¹⁷² и Пауэлла.¹⁷³

Джон Райт, упоминаемый в ряде источников как автор термина «геософия» инициировал в западной географии подход к изучению таких сред восприятия, в

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Brookfield, H.C., 1969. On the environment as perceived. In: C. Board et al. (eds.). «Progress in Geography 1», p. 51–80.

¹⁷⁰ Lewis, G.M., 1966. Regional ideas and reality in the Cis-Rocky Mountain West. «Transactions, Institute of British Geographers 38», p. 135–150.

¹⁷¹ Wright, J.K., 1925. The geographical lore of the time of the crusades: a study in the history of medieval science and tradition in western Europe. New York: American Geographical Society.

¹⁷² Porter, P.W., Lukermann, F., 1975. The geography of utopia. In: D. Lowenthal, M.J. Bowden (eds.). Geography of the mind: essays in historical geosophy (New York: Oxford University Press), p. 197–224.

¹⁷³ Powell, J.M., 1971. Utopia, millennium and the cooperative ideal: a behavioral matrix in the settlement process. «The Australian Geographer 11», p. 606–618.

частности отметив важность детального изучения географических идей прошлого как важный источник субъективных представлений прошлого.¹⁷⁴

Отметим, что термин «геософия» использовал ещё В.П. Семенов-Тянь-Шанский и что этот термин может оказать продуктивное влияние в научной практике современной общественной географии.¹⁷⁵

Культурно-географические исследования составили самостоятельное направление в географии, начиная с 20-х гг. XX в. У истоков культурно-ландшафтных исследований в зарубежной географии стоял немецкий географ О. Шлютер.¹⁷⁶ Позднее возникла Калифорнийская школа культурного ландшафта во главе с К. Зауэром.¹⁷⁷ Культурно-ландшафтное направление в традиции Берклийской школы во главе с К. Зауэром интерпретировало культуру как преобразующее начало природной среды, приводящее к формированию культурного ландшафта. Отметим также призыв К. Зауэра в важности изучения связей географии с антропологией. Как справедливо отмечает В.Н. Калуцков,¹⁷⁸ в историко-методологических исследованиях институциональной организации и тенденций развития культурной географии возможны разные подходы, позволяющие акцентировать определенную исследовательскую традицию. Для этологической географии в таком качестве выступают концепты культурного ландшафта и места.

В.Н. Стрелецкий выделяет в современном российском культурном ландшафтоведении четыре мировоззренческие линии.¹⁷⁹ К первой линии он относит традиционную школу, которая трактует культурный ландшафт как овеществленный

¹⁷⁴ Wright, J.K., 1947. *Terrae incognitae: the place of imagination in geography*. «Annals, Association of American Geographers 37», p. 1–15.

¹⁷⁵ Любичанковский, А. В. Пространственные формы этоса в этологической географии // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2020. - № 1 (9). - С. 37-49.

¹⁷⁶ Shluter O. *Die analytische geographie der Kulturlandschafterlauternam Beispiel der Brucken* // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, Sonderband, 1928. P. 388–411.

¹⁷⁷ Sauer K. *The morphology of Landscape* // *Univers. California. Publicat. Geography*. 1924, Vol. II. P. 19–53.

¹⁷⁸ Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. Новый хронограф, 2008. 320 с.

¹⁷⁹ Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы культурной географии // Известия РАН. Сер. Географическая. 2002. №4. С.18–28.

результат преобразований человеком природного ландшафта. Второе направление у него представлено школой Ю.А. Веденина. Культурный ландшафт в прочтении этой школы – ноосферный феномен, целостная и территориально локализованная совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшаяся в результате спонтанных природных процессов преобразовательной и интеллектуальной деятельности людей. Третье направление опирается на работы В.Н. Калущкова, А.А. Ивановой, Ю.А. Давыдовой, Л.В. Фадеевой, Е.А. Родионовой. В этом направлении культурный ландшафт понимается как взятая в ее целостности культура местного сообщества, сформировавшаяся как результат его жизнедеятельности в определенных природных условиях. Четвертая линия представлена работами В.Л. Каганского – это гуманитарный подход, «ландшафтная феноменология культуры». Культурным ландшафтом В.Л. Каганский считает всякое ставшее жизненной средой достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей земное пространство, которое одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, символически и семантически.

М.В. Рагулина¹⁸⁰ к четырем мировоззренческим линиям современного ландшафтоведения, выделенным В.Н. Стрелецким, добавляет пятую – концепцию В.А. Николаева.¹⁸¹ Последний заложил основы эстетического направления ландшафтной географии.

«Культурный поворот» (culturalturn) в общественно-географических исследованиях - важнейший тренд современной географии. Культурная география, возникшая ещё в классической антропогеографии, стала одним из ведущих направлений современной географической науки, а концепт культурного ландшафта – один из самых востребованных в культурной географии.

Научное описание территориальной структуры ментальности населения невозможно без использования понятия «культурный ландшафт».

¹⁸⁰ Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 171 с. С. 74.

¹⁸¹ Николаев В.А. Эстетическое восприятие ландшафта // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1999. №6. С. 10–15.

Отмеченная В.Н. Стрелецким лакуна в феноменологической ветви культурно-ландшафтных исследований, работу в которой позиционирует себя только В.Л. Каганский,¹⁸² негативно сказывается на использовании концепта культурного ландшафта в идентификации ядер специфической ментальности населения.

Феноменологический подход позволяет трактовать ландшафт как «социальный конструкт».¹⁸³ «Территориализация мысли» по М. Фуко¹⁸⁴ может быть рассмотрена в контексте культурно-географических исследований как пространственная самоидентификация населения и основа для анализа географических представлений человека. Отметим также выход на основное проблемное поле нашего исследования в работе, проблематизирующей соотношение пространственной организации ментальной деятельности к территории, месту и ландшафту.¹⁸⁵

Концепция культурного ландшафта позволила существенно развить теоретико-методологические разработки антропогеографии, включив в свою проблематику социокультурную составляющую, прямо выводящую нас на этнологическую составляющую в ментальности населения.

Особое значение в нашем исследовании получили «эмные» элементы культурного ландшафта, характеризующие «внутренний» культурный ландшафт.¹⁸⁶ Эмический подход исходит из характеристики сообщества, данного им самим. Это взгляд изнутри в соответствии с восприятием местного сообщества. «Эмные» явления связаны с социально-психологической составляющей культуры. Это рефлексия сообществ и задаваемая им культурно-географическая реальность, которая исследуется нами в рамках этнологической географии.

Теоретико-методологическое встраивание этнологической географии в систему наук общественной географии показана нами на следующей схеме (см. рис. 4).

¹⁸² Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. М., 2009. № 1. С. 62–70.

¹⁸³ Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. 512 p

¹⁸⁴ Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of "Herodote" // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / ed. by C. Gordon, 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980. P. 63–77.

¹⁸⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с. [Deleuze, Guattari, 1991].

¹⁸⁶ Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. Новый хронограф, 2008. 320 с.

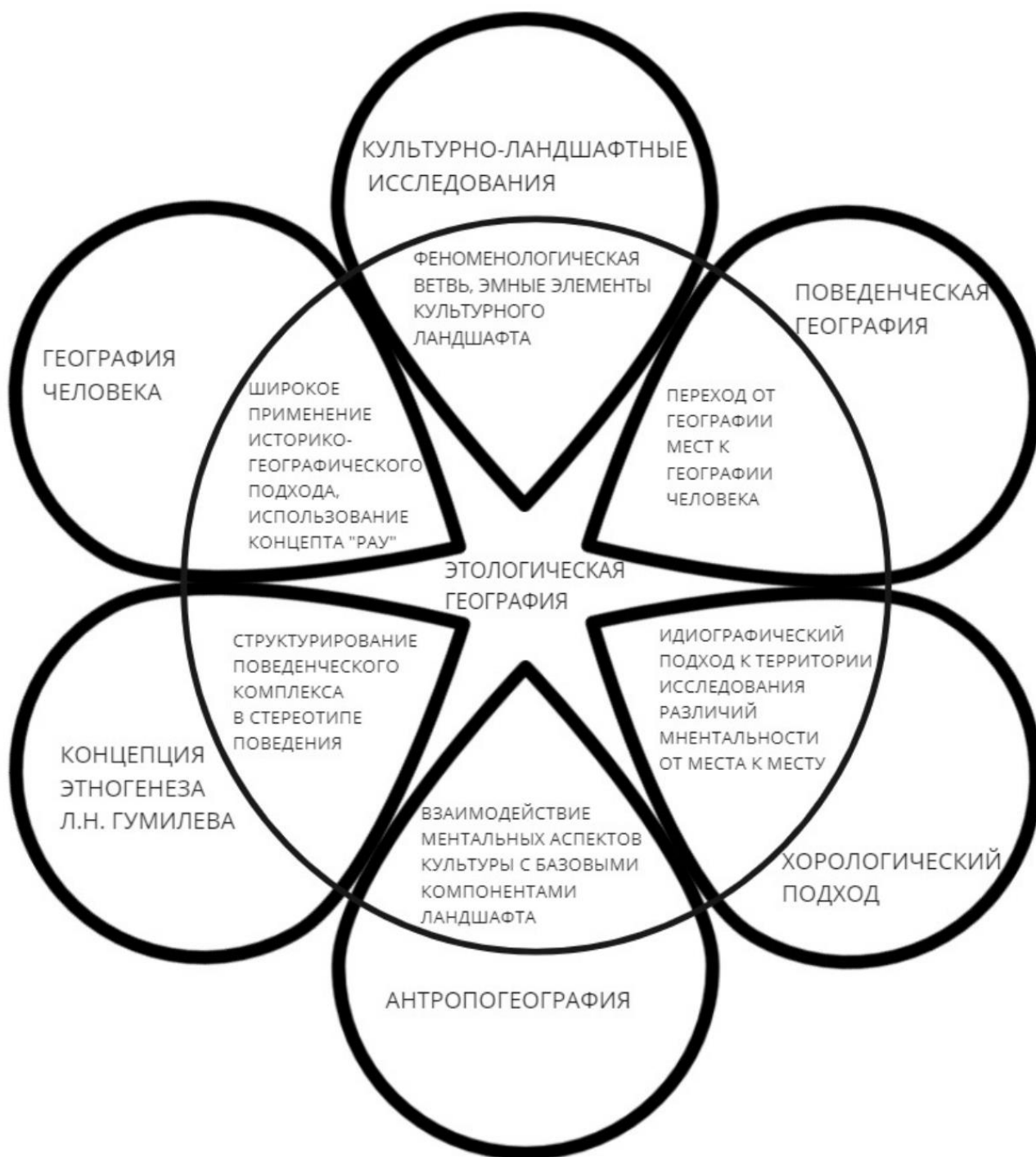

Рисунок 4 - Встраивание этологической географии в систему наук общественной географии

На внешней кромке круга приводятся названия научных направлений, на которые опирается этологическая география, во внутреннем круге – конкретные идеи указанного направления, использующиеся в этологической географии.

Этологическая география образуется как пересечение ряда направлений и концепций, которые не ставили задачу по выявлению ментальности в географическом

пространстве, но представляют научно-методологический базис для реализации этой задачи. Сам подход к ментальности и продуцируемому из него понятию этоса представляется синтетическим и в географическом ракурсе исследования обобщаем как набор инструментально-методических приемов наращенных и сфокусированных на определенную исследовательскую задачу - выявление пространственных структур этоса в культурно-территориальных общностях.

Выводы

Приведенный синопсис исходных концептуальных географических подходов к анализу ментальности населения и их интерпретация для целей настоящего исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Ведущая научная традиция, позволившая рассматривать ментальность в географическом пространстве – хорологическая. Фундаментальной основой этой традиции выступают научно-философское обоснование И. Кантом моральной географии; исследования о культурно-географическом районировании К. Риттера, уделявшего большое внимание нравам, быту и обычаям народов различных областей и стран, а также концепция А. Геттнера, в которой объектом географического исследования выступает пространственно дифференцированное человеческое общество и на первый план выдвигаются пространственные связи и структурные характеристики индивидуальных районов (местностей), которые мыслились им в ландшафтном фокусе. Существенным хорологическим базисом обосновываемого нами направления географического исследования ментальности населения также выступает и научное наследие Р. Хартшорна, считавшего главной задачей географии характеристику районов, которые он рассматривал как ментальные конструкты.

2. Истоки этологической географии как самостоятельного направления географических исследований сформировались в антропогеографии. Уже на раннем этапе развития антропогеография анализировала явления из жизни людей в их пространственном распространении и взаимодействии с географическими факторами и явлениями. В отечественной географической традиции антропогеография с ранних этапов своего развития тесно связана с гуманитарными науками, прежде всего, с этнографией, фольклористикой, топонимикой. Под влиянием антропогеографии в

исторической науке используются термины «историко-культурный» и «культурный» ландшафты.

3. Французская интеллектуальная исследовательская традиция географии человека вводит широкое применение историко-географического подхода, привлекая, в частности, к своей работе ведущих представителей школы «Анналов» (прежде всего, Марка Блока и Люсьена Февра), которые были одними из пионеров в научном исследовании ментальности населения. Введение в научный оборот П.В. де ла Бланшем термина «рау» («раус») как персональной интерпретации ландшафтных сочетаний позволяет характеризовать традиционные природно-историко-культурные местности в контексте географии ментальности.

4. Этологическая география в исследовательском поле взаимодействия ментальных аспектов культуры с базовыми компонентами ландшафта использует принципы антропогеографии и географии человека, которые стремятся выйти на географическую характеристику цивилизаций, понимая под последней геокультурное образование в определенном пространстве-времени. Рассматривая цивилизацию под ментально-географическим углом зрения как феномен поведения людей, сложившийся в характерный ментальный комплекс и подверженный геодинамике в своем витальном цикле, можно постулировать ментально-географический генезис динамики цивилизационных процессов и фрагментирования антропосферы. Основание для такого подхода представляет концепция этногенеза Л.Н. Гумилева. В этой концепции термин "суперэтнос" вводится как альтернативный терминам "цивилизация", "культура" или "миры" ("Исламский мир", "Западная цивилизация"). Суперэтнос рассматривается как идейно-религиозная и культурная целостность, стереотип поведения которой иерархически организован и динамичен в соответствии с фазами этногенеза.

5. Культурная и историческая бихевиористская география использовала концепт «бихевиористская среда», или «среда восприятия», что позволило этногеографам характеризовать поведение людей, взаимоотношения между социальными группами и мир восприятий в различных регионах мира в различные эпохи. Ограниченная результативность этногеографической ветви исследований в

мировом масштабе, с нашей точки зрения, связана с отходом от индигенности в интерпретации этничности и в перекосе в широкомасштабных исследованиях в противовес микрогеографическим.

6. Этологическая география заполняет феноменологическую лакуну в культурно-ландшафтных исследованиях и позволяет идентифицировать ядра специфической ментальности в географическом пространстве, проблематизируя соотношение пространственной организации ментальности к ландшафту.

7. Культурная география включила в свое исследовательское поле многие проблемы, выходящие за рамки инерции традиционных сюжетов в отечественной научной географии, открыв современный гуманитарный этап исследований культурного ландшафта в русской географической традиции. Она стала не только ядром определенной исследовательской проблематики, но и символом процесса гуманизации и гуманитаризации всей географической науки.

3. Геоэтологическая концепция: методология и методика изучения ментальности в географическом пространстве

3.1 Этос в географическом пространстве: иерархия, детерминанты и структура

Для структурирования нами географического пространства ментальности целесообразно ввести термин **геоэтос**, под которым мы будем понимать полиструктурную совокупность элементов и подсистем основных этологических компонентов общества, которые посредством соответствующих им макротипов социальных отношений проявляются на различных пространственных иерархических уровнях с их связями и взаимодействиями (как в пределах самой системы, так и с внешней средой). Таким образом, геоэтос – это взаиморасположение, взаимосвязи и взаимодействия пространственно выраженных элементов этоса, рассматриваемого как географическая система.

В качестве элементов и подсистем геоэтоса мы рассматриваем следующие его основные компоненты: связь с вмещающим ландшафтом; территориальную идентичность; геоэтнокультурную стратификацию; социально-территориальную иерархию общества; гендерные соотношения в общественно-географических процессах (территориальные отличия гендерных соотношений в общественно-географических процессах и региональные особенности гендерной идентификации и восприятия гендерных ролей в обществе); пространственные мифологемы (ключевые представления о пространстве в геокультурной системе). С нашей точки зрения, это базовые предельные уровни геоэтоса, от которых возможны множество производных. Эти уровни позволяют рассмотреть геоэтос как интегрально-пространственную структуру всего общества. Свойства этих уровней - все охватывающая интегральность, континуальность, дифференцированность, разноуровневость (многовершинность), нестрогая и территориально неодинаковая иерархичность, с которой соотносятся другие компоненты по принципу производной (напомним, что

системно-структурный подход является не столько методом решения, сколько методом постановки задач).¹⁸⁷

Рассмотрим более подробно эти уровни в их генерализованном типологическом обобщении (см. таблицу 5).

Следует отметить, что предложенный подход – это не сведение инструментария этнологической географии к констатации заведомой соотнесённости конкретного ментального комплекса к той или иной геосистеме путем механической «нарезки» географической системы (ландшафт, зона, регион, страна, цивилизация) и заявляя о наличии у неё особой ментальности. Квинтэссенция географического исследования ментальности – это идентификация ментальности в сложном географическом рисунке, в котором необходимо с одной стороны выделить геосистемы, которые, действительно, оказываются в двусторонней взаимообусловленности с ментальностью, а с другой стороны – провести типологизацию внутри геосистемы, для оценки ее влияния на ментально-географические структуры. Так, физико-географическое влияние на ментальность не требует дробно-типологического подхода, а оказывает воздействия через предельные типизации на этнокультурную систему. Можно выделить горный, степной ментально-географический аспект в этнокультурной системе, а не холмисто-увалистый или типчаково-ковыльный. Помимо физико-географических аспектов существуют и другие, обобщенные нами в шести комплексных геоэтологических параметрах.

Таблица 5 - Типология пространственных форм геоэтоса по ключевым компонентам

¹⁸⁷ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 328 с. – С. 232

Геоэтологический компонент	контактно-установочный макротип социальных отношений	Пространство-время	Типы районов пространственных форм геоэтоса
связь с вмещающим ландшафтом	культурно-хозяйственный тип	Эпизодическое	зональные районы
культурно-этногеографический компонент	историко-культурные области	векторное (направленных изменений)	геокультурные районы, сети, зоны тяготения
геоэтос территориальной и пространственной идентичности	культурный регионализм	стадиально-циклическое	геоисторические и геокультурные регионы
гендерные соотношения в общественно-географических процессах	брачные отношения и системы родства	системно-структурное (устойчивых макросистем)	цивилизационные миры
социально-территориальная иерархия общества	горизонтально-вертикальная иерархичность	трансформационное	цивилизационные и этнокультурные районы
пространственные мифологемы	система пространственных представлений в культурно-территориальной общности	трансформационное	культурные круги, региональные коалиции

Таким образом, географическое структурирование этологического пространства ментальности возможно через вычленение пространственной композиции элементов геоэтоса в его соотношении с основными структурами пространственной организации общества. Через посредство этих элементов реализуются требования структурной упорядоченности геоэтоса, характеризующиеся континуальностью, освоенностью, компактностью конфигурации, изрезанностью границ, сетчатостью, линейностью, очаговостью, центричностью и сопряженностью соседства.

Краткая характеристика основных компонентов геозтоса. Рассмотрим более подробно основные компоненты геозтоса, применительно к возможности дальнейшего определения их соотношения с основными структурами пространственной организации общества.

Связь с вмещающим ландшафтом. Контактно-установочная функция этого компонента геозтоса выражена в культурно-хозяйственном макротипе социальных отношений. Мы считаем, что сложившаяся в социально-экономической географии практика отождествлять хозяйственно-культурный тип только с традиционными формами сельского хозяйства, которые присущи различным этносам, находящимся на примерно одинаковой стадии цивилизационного развития и обитающим в сходных природных условиях, существенно снижает эвристический потенциал концепции хозяйственно-культурных типов. К настоящему времени традиционные формы сельского хозяйства сохранились на существенно меньшей территории. Их ареалы, расположенные в основном в труднодоступных районах (высокогорья, влажные экваториальные леса, тундра), сокращаются или вовсе исчезают в результате наступления современных форм хозяйства и разложения традиционных сельскохозяйственных общин.¹⁸⁸

Безусловно, ареалы исчезающего землепользования отнесены нами в самостоятельную группу традиционных хозяйственно-культурных типов. Однако историко-географический подход, в частности историческое ландшафтоведение, позволяет выделить и привязать к определенному ландшафту первичный вид хозяйственной деятельности, направленный главным образом на использование биоресурсного потенциала ландшафта и непосредственно приуроченный к местным источникам природных ресурсов. Это, как правило, древнейшие (традиционные) формы хозяйственной деятельности, воздействие которых многие ландшафты испытывают уже на протяжении столетий или тысячелетий. С развитием земледелия усиливалась интенсификация хозяйства, но рост населения и его потребностей требовал дальнейшего расширения пахотных земель. Таким образом,

¹⁸⁸ Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с. – С. 292-293.

доиндустриальное хозяйственное воздействие, ярко проявляющееся в господствующих, «фоновых» типах использования земель, приобретает макрорегиональный характер, оказывается типичным и преобладающим для обширных пространств зонального масштаба. Территориальное распространение воздействий такого типа и соответствующих им типов использования земель (угодий) подчинено географическим закономерностям.

Например, для территории России основными фоновыми типами земель, имеющими зональное значение, являются леса (46% всей площади), оленьи пастбища (около 19%) и сельскохозяйственные угодья (13%), в том числе пашня (около 8%).¹⁸⁹ Помимо этих ареалов, опираясь на этологический компонент «связь с вмещающим ландшафтом», можно выделить устойчиво животноводческий или растениеводческий типы, выделить стадияльно господство экофильных и экофобных форм хозяйствования. На наш взгляд, этот пласт исследований позволяет довольно точно сформулировать и вычлнить «лесную», «степную», «горную», «равнинную» и т.д. ментальность у населения.

Культурно-этногеографический компонент. Контактно-установочная функция этого компонента геоэтоса выражается в историко-культурных областях (историко-этногеографических областях) - территориях со сходными бытовыми материально-культурными составляющими, связанными с общностью исторического социально-экономического развития. В материально-культурной сфере такие области имеют различия в типах традиционного жилища, одежды, а также в традиционной духовной культуре (обычаи, фольклор и т. д.).¹⁹⁰

Историко-культурные области не всегда рефлексированы населением и могут выявляться специальными этногеографическими исследованиями.¹⁹¹

¹⁸⁹ Экологическая география России / А. Г. Исаченко; Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2001. — 328 с. — С. 206.

¹⁹⁰ Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. - М., 2011. – С 138-140.

¹⁹¹ Стрелецкий В.Н. Социо- и этнокультурные факторы регионального развития России. Культурный регионализм как регулятор функционирования российской социально-экономической Системы // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Монография / Отв. ред. чл.-корр. РАН Р.С. Гринберг, д.э.н. проф. П.В. Савченко. М.: Инфра-М, 2018. С.99-142 (авторская глава в коллективной монографии).

Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области - две типологически разные системы, которые тесно переплетаются, но, как правило, не совпадают друг с другом. Историко-культурные области, как и хозяйственно-культурные типы, являются историческими категориями, возникающими, развивающимися и исчезающими в процессе развития конкретных этносов и их группировок на определённой территории. Для историко-культурного районирования имеют значение не только характеристика образа жизни и материальной культуры, но и специфические формы духовной культуры, связанные со стереотипами мышления, религиозными представлениями и народным творчеством.¹⁹²

Историко-культурные области отличаются от исторических областей, прежде всего ориентированностью на современные культурно-этногеографические общности, в то время как для исторических областей более важна историческая составляющая.

В отечественной этнографии была разработана иерархическая система историко-культурных (или историко-этнографических) провинций, областей и районов.¹⁹³ Выделенные структуры прежде всего фокусируются на наследии («фундаментах») прошлого. Для того, чтобы вычленять и диагностировать современные форматы общественно-географической повседневности, необходимо их более определенная территориальная привязка, с учетом различающихся форм на разных пространственных уровнях (не только регионализированных, но и сетевых, линейно-узловых и дисперсных). Методологически это можно сделать, используя предложенную нами схему географической структуры этнологической составляющей ментальности на разных пространственно-иерархических уровнях (см. параграф 1.4), активно привлекая полевые методы исследования для уточнения границ.

Геоэтнос территориальной идентичности. Контактно-установочная функция этого компонента этноса выражена в культурном регионализме. Ментальные факторы

¹⁹² Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. - М., 2011.

¹⁹³ Андрианов Б. В. Историко-культурные области // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М.: «Советская энциклопедия», 1988. – 625 с. – С. 580-585.

культурного регионализма проанализированы нами в специальных разделе (см. параграф 3.2).

Геоисторические регионы имеют определенную устойчивость границ, объясняющуюся исторически аккумулятивной «массой своеобразия», своего рода наследственностью регионов. Очень часто можно наблюдать глубинную географическую детерминированность в путях развития общества, пусть и опосредованную в виде исторической инерции. Те рубежи, что определились на ранних фазах становления цивилизаций, когда зависимость от географических факторов была обнаженной, образовали устойчивые «литейные формы» истории в виде сетки регионов, впоследствии воспроизводившихся под все более толстой коркой культурных, этнических и прочих наслоений.

Ограниченные постоянными рубежами геоисторические регионы образуют ключевой уровень таксономии регионов и сетки районирования литовского географа В.-Р.Л. Крищюнаса (1993),¹⁹⁴ которое, с нашей точки зрения, является наиболее аргументированной и самой законченной работой такого типа. Эта работа не утратила своей актуальности и позволяет генерировать объяснительные модели для различных подходов к культурно-геоисторическому районированию мира.

Особо отметим роль архитектурно-индустриальных маркеров в территориальной идентичности, которые, как правило, перекрывают социологические измерения и хорошо выявляются полевыми методами исследования. Можно показать процесс «растекания» ядра выделенной территориальной идентичности, характеризующейся определенным архитектурно-строительным типом, который через серию итераций идет, подчас, вразрез с административно-территориальным делением и с инерцией исторических фундаментов идентификации.

Гендерные соотношения в общественно-географических процессах – один из ключевых компонентов геоэтоса. Его отображение в макротипе социальных

¹⁹⁴ Крищюнас В.-Р.Л. Геоисторическая парадигма и районирование мира // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 13. Проблемы общественной географии. М., 1993. – С. 95-113.

отношений, выражается прежде всего в брачных отношениях и системе родства. Рассматривая каждую систему, можно выявить характер выражаемых отношений, определить значение, которое принимает каждое из них. В исследованиях, посвященных этому вопросу, очень часто оценка характера выражаемых отношений имеет лишь внешнее сходство с научным анализом, который должен соответствовать фактам и иметь объяснительную силу. Если удастся построить систему, то она имеет лишь характер концепта, и результат оказывается абстрактнее принципа. Гипотезы, выдвигаемые некоторыми исследователями и интерпретирующие состояние в обществе как «кризис семейных ценностей», «половая разнужданность» или «разрыв поколений», не разъясняют природу системы и не имеют никакой объяснительной силы.

Гендерный компонент геоэтоса во многом входит в исследовательское поле гендерной географии, которая изучает территориальные отличия гендерных соотношений в общественно-географических процессах и региональные особенности гендерной идентификации, а также восприятия гендерных ролей в обществе.¹⁹⁵ На наш взгляд, существующая в настоящее время акцентировка в исследованиях этого направления общественной географии на гендерном неравенстве, выражающаяся в выявлении территориальных отличий гендерных соотношений в трудоворесурсных и управленческих процессах, заслоняет другие аспекты этого направления, необходимые нам для характеристики гендерного компонента геоэтоса. Эта часть гендерной географии направлена на выделение гендерных соотношений в социально-демографической системе, в том числе межрегиональных диспропорций и диспропорций между городами и сельской местностью, которые могут быть соотнесены с различными этнокультурными и цивилизационными регионами.

¹⁹⁵ Мезенцева Н.И. Гендерная география в Украине // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации (к 100-летию со дня рождения профессора Н. Т. Романовского) *Geographicalsciencesinrealizationofsustainabledevelopmentstrategyinglobalizingworld (tothe 100th anniversaryofProfessorN.T.Romanovskij)*: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–28 окт. 2012 г., Минск, Беларусь / редкол.: И. И. Пирожник (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 154-156.

Мы считаем, что дополнительно к существующей теоретической базе гендерной географии, применительно к задачам нашего исследования, целесообразно добавить теоретико-методологический подход Клода Леви-Стросса, подкрепленный многочисленными полевыми исследованиями. Этот подход направлен на выявление различных форм авункулата и определение типов родственных связей, заданных патрилинейным или матрилинейным комплексом.¹⁹⁶ Эти исследования были проведены в различных этнотерриториальных группах и вполне могут быть картографически зафиксированными.

Различные формы авункулата (отношения внутри системы, основанные на четырех членах отношений (брат, сестра, отец, сын), связанных между собой двумя соотносительными парами оппозиций, так что в каждом из двух данных поколений всегда существуют одно положительное и одно отрицательное отношение, могут сосуществовать с одним и тем же типом родственных связей, патрилинейным или матрилинейным. Повсеместно обнаруживаются отношения между четырьмя парами оппозиций, необходимых для образования системы. На схеме, предложенной К. Леви-Строссом для разных, географически удаленных друг от друга обществ, знак «+» обозначает свободные и интимные взаимоотношения, а знак «-» взаимоотношения, отличающиеся враждебностью, антагонизмом или сдержанностью. Приведем эту схему как пример выявленного компонента этоса в различных этнотерриториальных группах (см. рис. 5).

¹⁹⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.

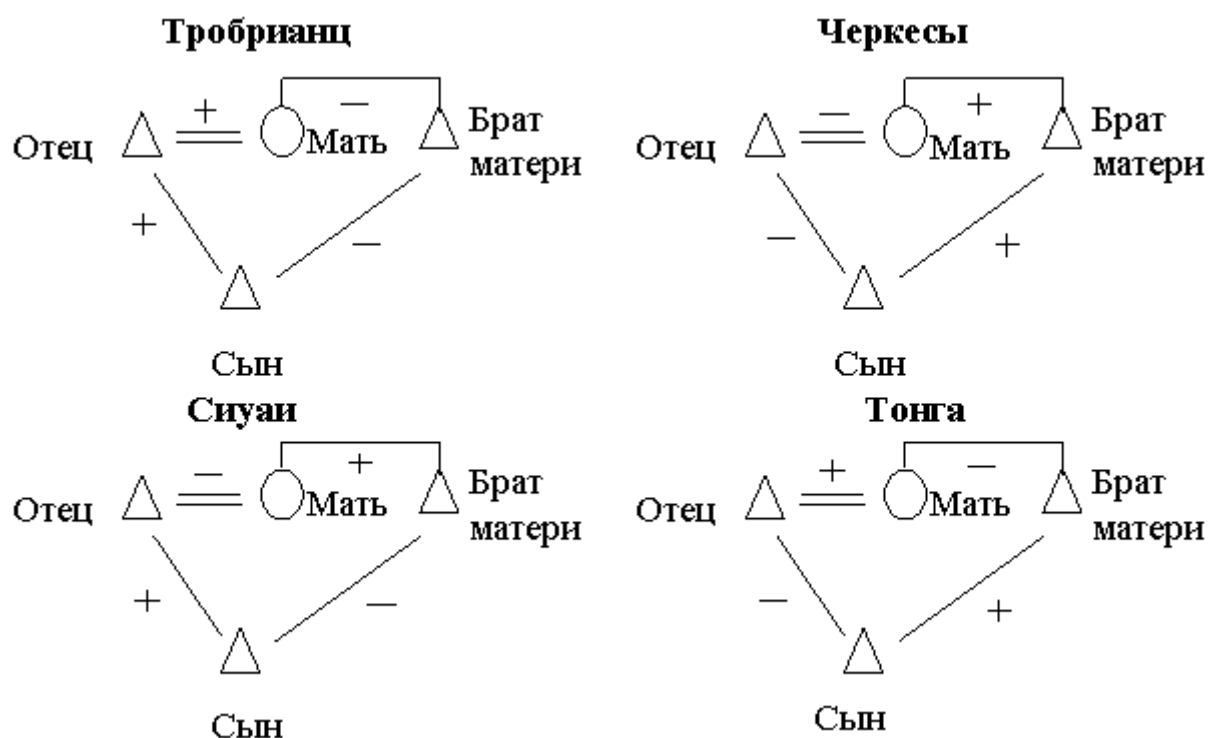

Рисунок 5 - Структура элементарных отношений родства в разных этнических группах по К. Леви-Строссу

Социально-территориальная иерархия общества представлена в горизонтально-вертикальной иерархичности общества и находит свое географическое выражение в трансформационных районах, сетях и зонах тяготения.

Этот компонент геоэтноса характеризует не только степень жесткости существующей в обществе социальной иерархичности, но и степень принятия такой иерархии членами этого общества. Под иерархией в этом контексте понимается неравномерное распределение власти и полномочий внутри социума. Специфика этоса характеризует отношение членов социума к такой неравномерности - насколько члены общества, лишённые власти, принимают существующую иерархию и ведут себя в соответствии с ней. В отображении этого компонента геоэтноса чрезвычайно важным видится социологическое измерение восприятия власти не теми, кому эта власть принадлежит, а "снизу"; тем самым мы получаем информацию о том, насколько социальное неравенство реально принимается подчиненными членами общества и насколько они ведут себя в соответствии с ним. Отметим также, что этот

компонент геозтоса, корректно выявленный соответствующими социологическими измерениями и соотнесенный с определенным пространственно-территориальным уровнем, является лишь относительным показателем, с помощью которого можно сравнивать культуры между собой и не давать им абсолютные оценки.¹⁹⁷

Пространственные мифологемы представляют собой наиболее динамичный компонент геозтоса. Контактно-установочный макротип социальных отношений - господствующие идеологии, которые выражают себя в пространстве через трансформационные культурные круги, региональные коалиции.

Например, для многополюсной Евразии, концептуально выделенной и охарактеризованной с предметно-содержательных позиций общественной географии А.Г. Дружининым,^{198, 199} отмечается не просто конгломерат народов и территорий, а сложная система, включающая в качестве элементов разнопорядковые с ассиметричным статусом (от унитаризма до «имперского федерализма»²⁰⁰ регионы и этносы, имеющие различные социально-экономические, политические и социокультурные характеристики. В этой общественно-географической, геокультурной реальности имеется определенная приверженность к конструированию, которая осуществляется за счет воздействия на региональную идентичность, существующую, как правило, помимо этнической идентичности.

Полисистемная модель геозтологического пространства ментальности. Обобщая наш подход к выделенным компонентам геозтоса, можно предложить полисистемную модель геозтологического пространства ментальности, представленную как взаимообусловленную систему компонентов геозтоса (см. рис. б). Заметим, что представленная нами ранее схема структурирования ментальности

¹⁹⁷ Ноппе, Michael. An Interview with Geert Hofstede (англ.) // The Academy of Management Executive. — 2004. — February (no. 18 (1)). — p.75-79.

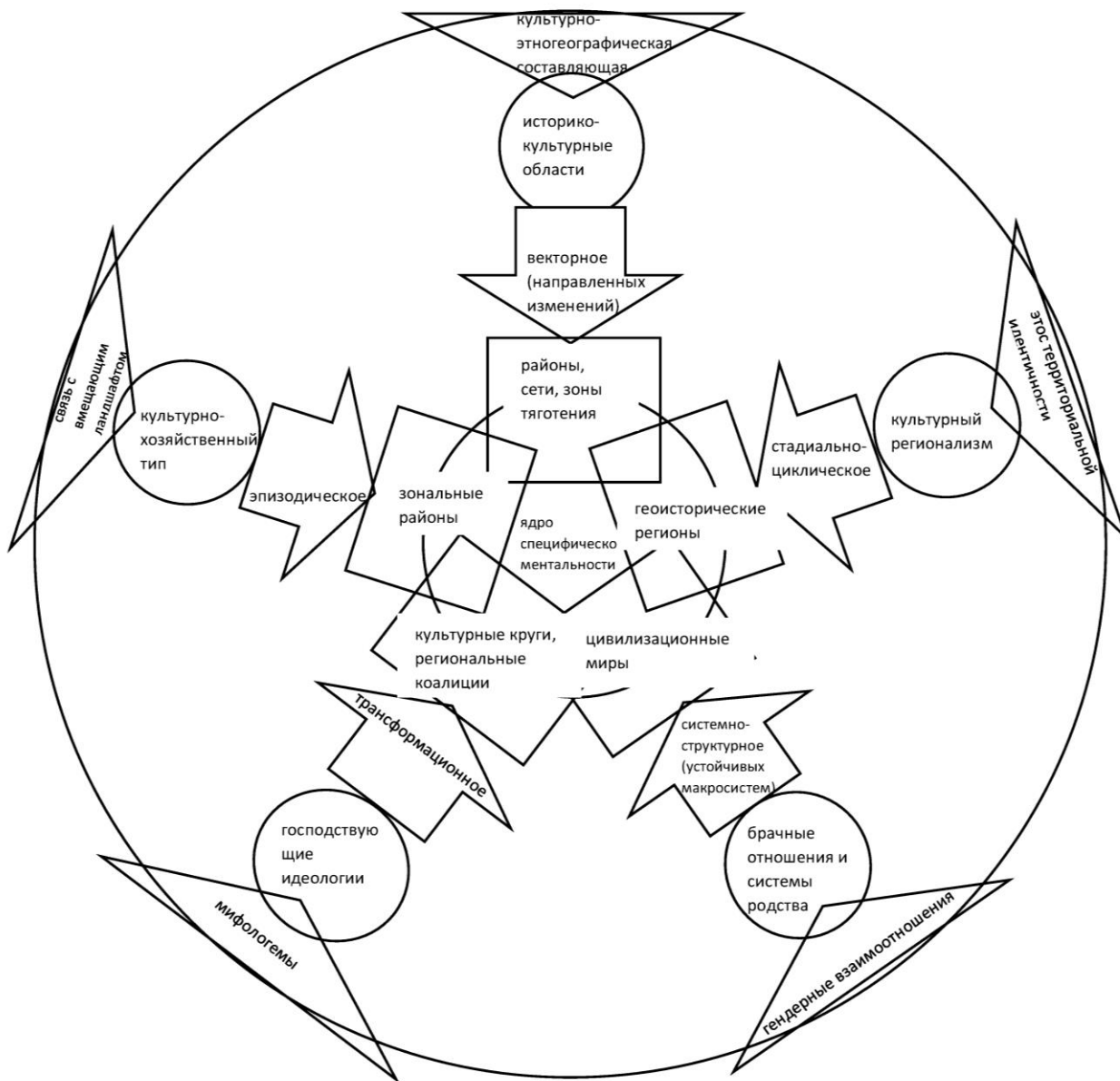
¹⁹⁸ Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. — 228 с.

¹⁹⁹ Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. — 270 с.

²⁰⁰ Ремнев А.В. Преодоление биполярных схем // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. — 496 с. — С. 303.

населения в географическом пространстве как четырехуровневая таксономическая иерархическая система (см. рис. 1) может быть отнесена к моносистемной модели геоэтологического пространства ментальности.

Таким образом, представленная нами авторская геоэтологическая концепция - это теоретико-методологические ходы по идентификации этоса в сложном географическом рисунке. Это не подмена и не замена различных направлений географии культуры, а смена угла зрения. Этос идентифицируется через природно-географическую основу и ряд культурно-географических параметров путем нахождения пространственной стыковки в макросоциальных отношениях.

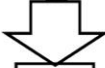

- Этологический компонент
- Контактно-установочный макротип социальных отношений
- Пространство-время
- Типы районов

Рисунок 6 - Полисистемная модель геоэтологического пространства ментальности

Таким образом, анализируя с предметно-содержательных позиций складывающегося научного направления – этологической географии –

пространственные формы геотоса, можно предложить методологическую схему вычленения ядер специфической ментальности путем наложения выявленных пространственных конфигураций (ареалов, зон, сетей и др.) по каждому картографически отображенному этнологическому компоненту.

3.2 Ментальные факторы культурного регионализма

Культурный регионализм, точно очерченный В.Н. Стрелецким как двуединый феномен, включающий с одной стороны - реальное региональное разнообразие культурных ландшафтов, а с другой, - их восприятие местными (территориальными) сообществами²⁰¹ органично связан с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность. Определим роль ментальных факторов в процессе культурного регионализма. Сразу отметим, что мы не касаемся ряда вопросов, примыкающих к исследованию культурного регионализма, но не входящих в культурно-географическую характеристику территории (регионализм как часть политической риторики, стратегии пространственного развития и пр.).

Отмеченная В.Н. Стрелецким возможность отсутствия идентичности при выявленном культурном регионализме не аннулирует ментальные факторы, а просто переводит их в не артикулируемый пласт. Так, оценка В.Л. Каганским евразийской идентичности как несуществующей²⁰² связана именно с таким вариантом. Отсутствие повсеместной евразийской идентичности не отменяет реальность существования Евразии как особого геокультурного пространства, а входит в составную часть его культурно-географической специфики в качестве ментально-географической особенности. Например, латиноамериканская цивилизационная идентичность имеет разную степень выраженности в различных частях Латинской Америки, вплоть до полнейшей индифферентности населения, что не мешает видеть

²⁰¹ . Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. – № 3 (33). – С. 45–50. – С. 46.

²⁰² Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Статья первая. Евразийство как позиция. Статья вторая. Правда евразийства? // Общественные науки и современность. — 2003. — № 4, № 5.

Латиноамериканскую цивилизацию как реально существующую. Аналогия латиноамериканского и евразийского образа жизни, которую проводит А.Г. Дружинин, представляется вполне корректной с точки зрения географии ментальности, выявляющей не сходство феноменов природных, экономических, социальных, а пространственную организацию ноуменов в ракурсе «ментальность – мироощущение - образ жизни – идентичность».²⁰³ Здесь, как и в случае евразийского варианта, ментальность населения имеет мозаичное феноменальное многообразие в рамках цивилизационного единообразия и еще не выразилась в очерчивающем ее единство понятии идентичности. При этом существует характерное пространство, отличное от других геокультурных пространств цивилизационного уровня.²⁰⁴

Таким образом, анализ пространственного восприятия выделенного региона местными сообществами, как в историческом, так и современном ракурсах исследования, органично связан с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность. А выявление конфигурации и культурно-географической характеристики региона, невозможен без синтеза любого географического исследования в области культурного регионализма с ментальной географией.

Региональная идентичность – феномен, тесно связанный с культурным регионализмом, изучать который вне контекста ментальной географии и географии ментальности невозможно. Исходя из определения региональной идентичности, данного одним из крупнейших специалистов в области изучения этого явления – М.П. Крыловым, региональная идентичность как местное самосознание, региональное самосознание есть совокупность культурных отношений, определяемых понятием «малая родина» и являющихся местным проявлением (характерным для данной

²⁰³ Любичанковский А. В. Эпистемологические основания географии ментальности // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. №6. - С. 218-232.

²⁰⁴ Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 228 с.

цивилизации) «культуры укорененности»,²⁰⁵ имеет ментально-географический генезис.

Региональная идентичность, по М.П. Крылову, имеет как геопространственные, так и цивилизационные аспекты изучения. К геопространственным относятся варианты ее формы, например, «полисность», ядерность, узловатость; к цивилизационным – степень устойчивости социума, критерии состояния и развития цивилизации, в том числе «вестернизированнойности» и модернизации (все эти критерии основаны на «архетипе Дома», создающего предпосылки для сравнимости ряда сходных по ряду параметров цивилизаций и составляющего как бы ментальное «тело» данной цивилизации с возможным вплетением в архетип Дома специфической для каждой из цивилизаций особенностей «души»²⁰⁶).

Выделение региона определенной идентичности может выходить за рамки цивилизации (например, «Азиатско-Тихоокеанский регион»), или относиться к цивилизационной идентичности какой-либо относительно локальной части. Последняя в нашем исследовании будет интересовать нас больше, так как определяется не политически, а исходя из местного самосознания.

В целом, главное значение анализа региональной идентичности в культурном регионализме заключается в выявлении с ее помощью конфигурации культурного региона, а также формы территориальной организации ментальности. Следует учитывать, что неправомерно отождествлять региональную идентичность с излишне определенным пространственно-территориальным уровнем.²⁰⁷ Индивиды отождествляют себя не с внешне задаваемым регионом (в том числе административным), а со своей «малой родиной» как ментально-духовным

²⁰⁵ М.П. Крылов. Региональная идентичность (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. — Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 356-360.

²⁰⁶ М.П. Крылов. Российская региональная идентичность: геопространственные и цивилизационные аспекты // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин — Вып. 3. — М.: Институт Наследия, 2006. — С. 110-111.

²⁰⁷ Там же. — С. 89.

пространством,²⁰⁸ не имеющим «излишне четких», «физических» пространственных координат.²⁰⁹

Для региональной идентичности характерна зависимость местного патриотизма от самоотождествления себя с данной территорией. Увеличивается доля относящих себя к более обширной территории, «не имеющих малую родину» при ослаблении местного патриотизма. Например, ослабление местного патриотизма в Костроме под влиянием «стресса соседства» с более динамичным Ярославлем приводит к утрате чувства принадлежности к Костромскому краю.²¹⁰

В целом для региональной идентичности характерно сочетание собственно пространственных аспектов, когда доминирует топонимика (идентичность - какая? - рязанская, тамбовская и т.д.), и аспектов внутренней энергетики, "силы" идентичности, когда более уместен термин "местный патриотизм".²¹¹

Совокупность культурных отношений, составляющих региональную идентичность, – это взаимная контрастность культуры регионов и поселений, сила самосознания (местного патриотизма) в регионах и поселениях и стремление к обособлению регионов и поселений, которые в общем виде не совпадают.²¹²

Суть региональной идентичности с точки зрения ее формы – это выявление структурированности ментального пространства, культурной однородности внутри регионов, формирование современных «бытовых» областей, сохранение памяти (в сознании и/или поведении людей) о регионах прошлого (губерниях, провинциях, княжествах).²¹³

²⁰⁸ Курсив – А.В. Любичанковского.

²⁰⁹ М.П. Крылов. Региональная идентичность (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. — Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 357.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. - 2005г., N 3. – С. 13.

²¹² М.П. Крылов. Региональная идентичность (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. — Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 358.

²¹³ Там же. – С. 112.

Для крупных региональных образований существенны следующие идентификаторы региональной идентичности - комплексные оси, жгуты, магистрали, полимагистрали и ядра культурного ландшафта (а не только "бесплотные" границы и центры); системы зон и их интерференции-пересечения (фасетные районы) - напр. "Степная Сибирь", "Горнозаводской Лесной Урал", "Средняя Волга" и т.п.), комплексные сложившиеся и уже имеющие статус в культуре макрорегионы, типа Мещоры, Прикамья, реальные узловые районы, не совпадающие с институциональными (в том числе природно-культурные узловые районы - напр. Прибайкалье, Предуралье); фокальные природные объекты. Все эти идентификаторы хорошо сочетаются и вместе дают сотни потенциальных символических ниш для регионов ранга субъектов федерации.²¹⁴

В целом, используя инструментально-методические приемы географии ментальности, можно выделить следующие ментальные факторы культурного регионализма:

- историческая память населения, выражающаяся в существовании в ментальности населения пространственного образа региона и связанная с его распространением в определенных границах (выявление таких образов предполагает синтез исторического анализа с ментальной географией);

- восприятие региона местными (территориальными) сообществами не как заданного административно, а как историко-культурно сформировавшегося, что органично связано с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность;

- связь с вмещающим ландшафтом, закрепленная традицией в каком-то преобладающем типе землепользования и находящая отображение в своеобразии традиционной архитектуры (по мнению Б.Б. Родомана, носителями существенных региональных различий в архитектуре оказываются небольшие культурно-

²¹⁴ В.Л. Каганский. Евразийские регионы и евразийские образы регионов // Русский Архипелаг, сетевой проект Русского мира [электр.] http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/kaganskiy/region/

исторические провинции и определяются не только климатом, но и этнической психологией²¹⁵);

На основе проведенного анализа, в оценке культурного регионализма важно учитывать историко-географическое пространство со своей динамикой и подверженностью конструированию. Сверх этнической идентичности должна сохраняться/формироваться региональная идентичность (евразийская, центрально-азиатская, сибирская и проч.). Исторически, огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое освоение и присвоение новых территорий на востоке требовали образования на линии «центр – периферия» новых центров, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение. В регионах же, повторяя общероссийскую политическую и социально-экономическую конфигурацию, появляются и свой центр, и свои периферии.²¹⁶ Если признать Евразию не простым конгломератом народов и территорий, а сложной системой, включавшей в качестве элементов разнопорядковые с асимметричным статусом (от унитаризма до «имперского федерализма») регионы и народы, имеющие различные социально-экономические, политические и социокультурные характеристики, то необходимо будет изменить ракурс географического исследования культурного регионализма, который потребует существенного расширения тематики за счет теоретико-методологических наработок географии ментальности. Это позволит выяснить потенциал длительной устойчивости мультикультурных сообществ и определить управленческие технологии, способные эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру.

²¹⁵ Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. – 2003. – Т. 4.

²¹⁶ А.В. Ремнев: Преодоление биполярных схем // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии /Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с. – С. 303.

3.3 Методика выявления этоса в географическом пространстве: инструментально-методические приемы на локальном, мезо- и макрорегиональном уровнях

Опираясь на представленный нами теоретико-методологический аппарат этологической географии, представим методику выявления конкретных компонентов геоэтосов в реальном географическом пространстве.

Базовой составляющей такой методики выступают традиционные социально-географические методы исследования, дополненные широким применением историко-географического подхода и современными подходами в области географического моделирования.

Четыре метода характеризуются универсальностью и могут быть использованы для отображения всех основных компонентов геоэтоса (связь с вмещающим ландшафтом; территориальную идентичность; геоэтнокультурную стратификацию; социально-территориальную иерархию общества; гендерные соотношения в общественно-географических процессах; пространственные мифологемы). Представим эти методы и форму их проведения в следующей таблице (см. табл. 6).
Таблица 6 - Форма проведения основных методов исследования в этологической географии

Методы исследования	Форма проведения
историко-географический подход	Камеральный этап по пространственно-временному анализу
социологические	Опросники и анкетирование по выявлению характерных составляющих геоэтоса, фокусированное интервью на местности (полевая и камеральная формы)
полевой	Определение территориальных маркеров идентификации специфического этоса и фокусированное интервью с респондентами
картографический	Картографирование территориальной привязки социологических измерений, ядер специфического этоса, выявление сопряженности этих ядер, иерархии, определения ареалов приоритетного влияния, вычленение «серых», переходных, полизависимых зон и т.п.

Типология всех используемых нами методов представлена на следующей схеме (см. рис. 7).

Рисунок 7 - Типология методов исследования геоэтноса

Обозначим совокупность процедур и операций практического выявления геозтоса. Обозначенные нами компоненты исследуются различными конкретными методиками в трансдисциплинарном научном пространстве, их сочетание и вариации могут быть подобраны в большом количестве. Более того, выбор отдельных методик часто оказывается делом предпочтения конкретного исследователя. Таким образом, учитывая зарождающийся характер этологической географии, мы не предлагаем какую-то застывшую форму научного исследования, но опираемся на свой исследовательский опыт по выявлению основных компонентов геозтоса на различных пространственных уровнях. Мы надеемся, что толчком к ускоренному развитию методики послужит рост географической информации, связанный с тем пластом исследований, который мы называем география ментальности. Необходимость научной организации исследований и создание эффективной системы методов вырастет из новых методических приемов и с решением ещё не решавшихся или оставшихся до сих пор нерешенными проблемами.

Мы предлагаем следующую методическую структуру, в которой используемые методы группируются в соответствии с решаемыми задачами.

В первом приближении методика выявления геозтоса (этоса в географическом пространстве) - проводится вычленение основных компонентов в конкретной пространственно-временной обстановке. Дальнейшая разработка методики связана с исследованием настоящего состояния выявленного геокомпонента как результата его пространственно-временного развития. Осуществив этот методический принцип можно выходить на географическое моделирование выявленной картины, используя синтез полученного разнообразного фактического материала.

Сбор фактического материала производится на основе использования комплекса частных методов анализа.

Основное правило составления методики выявления геозтоса – использование методики сопряженного анализа, обусловленного сложностью объекта исследования. Принцип комплексности – базовой для всей географической науки – повышает надежность полученных результатов, обеспечивая контроль и дополнение данных.

В целом, в соответствии с выделенными нами основными компонентами геоэтноса можно предложить следующую совокупность основных методов.

Для геоэтнологического компонента – связь с вмещающим ландшафтом, предполагающего определения регионального природопользования, то есть «привязанный к месту или местности аспект взаимодействия общества с природой, общественного воспроизводства (хозяйства) в самом широком смысле слова, формирующий распределение населения по Земле, его расселение (экистику), основные системы жизнеобеспеченности, закономерности образования и эволюции так называемых территориальных общностей людей, начиная с первичного этногенеза и даже более древних форм социализации первобытного населения. Природопользование определяет и образует тип использования земли (территории), а последнее служит индикатором важнейших черт функциональной и качественно-технической определённости природопользования».²¹⁷

Концепция историко-культурных типов, изначально формировавшаяся как историко-географическая,^{218,219,220} имеет методический потенциал в применении к современным моно- и полиэтническим формам хозяйствования в регионах, где природопользование закономерно связано с определенной структурой природно-ресурсного потенциала. На это обращали внимание некоторые ведущие этноэкологи.²²¹

Основным методом, определяющим специфику природопользования, является картографический метод. В частности, путем наложения картографически отображенных историко-культурных районов он позволяет соотнести природно-ресурсную специфику с определенным типом этногеографического содержания.

²¹⁷ Ишмуратов Б.М., Безруков Л.А., Гаращенко А.В. и др. Региональное природопользование и география будущего // География и природные ресурсы. 2004 № 2 С. 19.

²¹⁸ Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985 280 с.

²¹⁹ Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972 №2. С. 3–16.

²²⁰ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области // Советская этнография. 1955 № 4 С. 3–17.

²²¹ Козлов В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1994 230 с.

Важным критерием анализа природопользования является системный подход, предполагающий установление взаимосвязей между всеми ключевыми компонентами во взаимодействии человеческого сообщества с вмещающим ландшафтом.

Приведем пример геоэтологической характеристики компонента связи с вмещающим ландшафтом для территории Армении. Этот компонент через контактно-установочный макротип социальных отношений – определенный культурно-хозяйственный тип, выражен в соответствующей историко-культурной области (см. рис. 8).

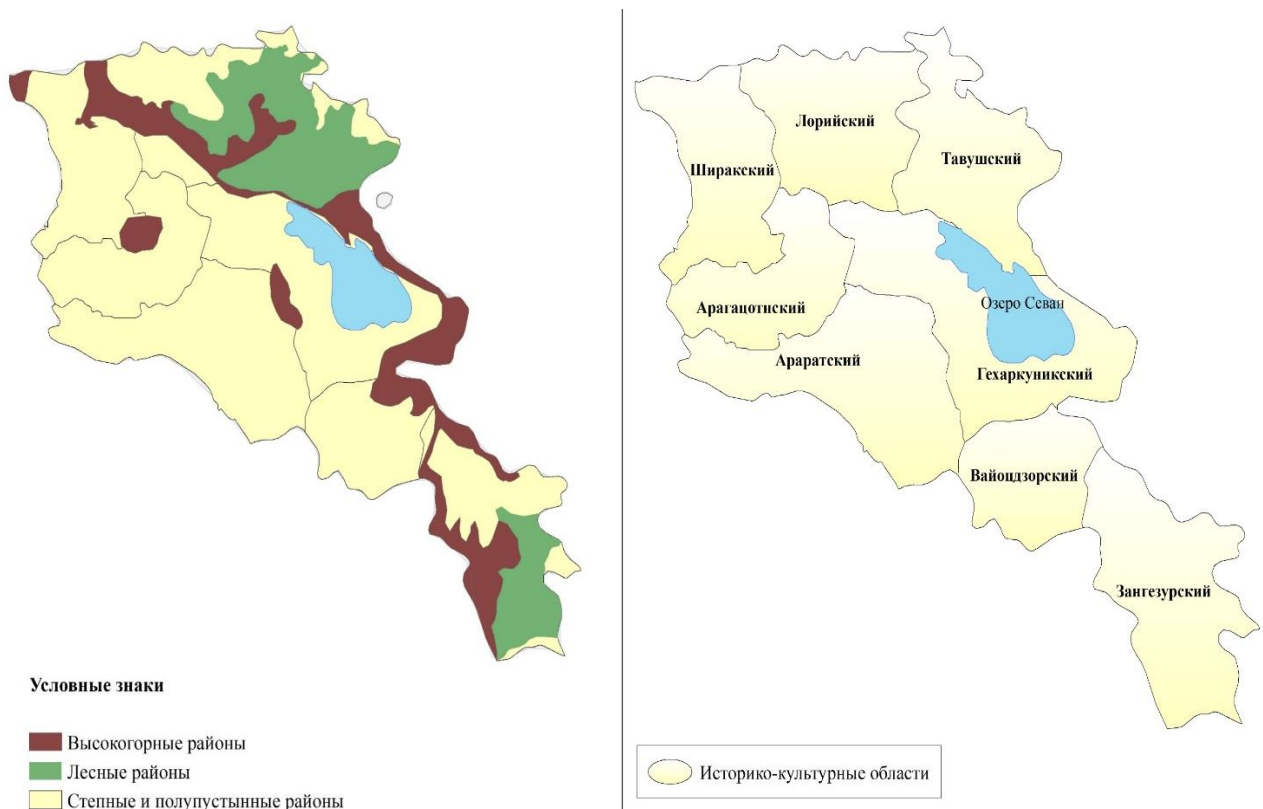

Рисунок 8 -Основные типы природных ландшафтов и историко-культурные области Армении

По приведенным картосхемам можно идентифицировать горно-лесную ментальность для лорийских и тавушских армян, и горно-степную – для всех остальных.

Такой подход работает для населения с высокой степенью культуры укорененности. Развитие культуры мобильности может практически нивелировать такой показатель. На основе наших полевых наблюдений (октябрь 2014, ноябрь 2018 и апрель 2022 гг.) для сельского населения в Армении культура укорененности и культура мобильности выступают в паритетном соотношении. При этом физико-географический аспект ментальности – горный – имеет важное значение в самоидентификации народа в ментально-географическом отношении. Степной и лесной аспект практически не акцентируется.

При проведении полевого исследования в Армении нами были выявлены следующие территориальные идентичности (см. рис. 9). Пространственная репрезентация была достигнута выбором характерных поселений (в различных культурно-исторических регионах), с учетом позиционного эффекта (удаления от Еревана) и природно-ландшафтного разнообразия (степень высокогорности поселения, а также лесной, степной или пустынной зональности его расположения).

Территориальная идентичность в Армении

Рисунок 9 - Территориальная идентичность в Армении

Наложение по каждому картографически отображенному этологическому компоненту дает нам общее геоэтологическое районирование Армении (см. рис.10).

Геоэтологическое районирование Армении

Рисунок 10 - Геоэтологическое районирование Армении

Выделяют две основные историко-культурные области Армении – Западную Армению и Восточную Армению. Западная Армения включает пять этногеографических районов – Ширак, Арагацотн, Арарат, долина Гехаркуник и Вайоцзор. Восточная Армения подразделяется на три этногеографических района – Лори, Иджеван-Тавуш и Зангезур. Внутри двух главных этнографических областей выделяются восемь этнографических районов: пять в области западных армян (Ширак, Арагацотн, Арарат, долина Гехаркуник и Вайоцзор) и три в области восточных армян (Лори, Иджеван-Тавуш и Зангезур). В XIX в. существовали следующие основные историко-этнографические районы армян, сформировавшиеся еще в 1-й пол. 1-го тыс. до н. э.: Покр Айк (Малая Армения), Цопк (Софена), Ахцник (Алзиена), Туруберак, Васпуракан, Айрарат, Сюник, Арцах, Гугарк (Гогарена), Барцр Айк (Высокая Армения). Эти районы сохраняли хозяйственно-культурные особенности в пределах соответствующих агрокультурных зон. Благодаря широкой

армянской диаспоре в ряде соседних стран бывшие этнические различия отдельных армянских групп сохранились до кон. XIX в., а в ряде случаев до сих пор.

Приведенное картографическое наложение позволяет суммировать важные ментально-географические аспекты и рассмотреть «места распространения специфической ментальности», а не собственно пространственный «рисунок» ментальности. Это позволяет очертить общий пространственный контур ментальности. Провести определенного рода реконгсценировку. В дальнейшем углублении исследования вводятся дополнительные параметры, позволяющие структурировать ментальность населения на разных пространственно-иерархических уровнях. Соотнесенные нами 18 базисных закономерностей территориальной организации общества с взаимоувязанной пространственной системой геотоса (см. п. 1.5) выступают главными параметрами географический подход к исследованию геоэтологической системы.

Социолого-географические методы являются важнейшими для практического выявления территориальной идентичности, как пространственной самоидентификации, так и более широкого семантического слоя, включающегося в пространственную идентичность. Этот компонент геотоса, выражает себя в региональном самосознании – самоотождествлении людей с той или иной территорией. Результаты проведенных нами в Армении социологических замеров для выявления территориальной идентичности показаны на рис. 8. Вопросы для анкетирования респондентов представлены в приложении В.

Также методы этой группы используются для выявления гендерных соотношений в общественно-географических процессах, социально-территориальной иерархии общества и пространственных мифологем. Следует отметить, что использование метода социологического опроса (массовое анкетирование и точечный опрос экспертов) важно дополнять полевым методом включенного наблюдения, позволяющим как устанавливать контакт с респондентами, так и проверять согласованность полученной информации с исследуемыми наблюдаемыми феноменами поведенческих комплексов.

Ряд ключевых геокомпонентов выявляются нами с помощью социологических замеров. Особенность социально-географического исследования в этнологической географии, предполагает акцент на экспертном подходе. Именно фокусированное интервью с экспертами, то есть с респондентами, которые активно интересуются местными проблемами, краеведами, журналистами, преподавателями, работниками сферы культуры предполагает выход на пространственную рефлексии идентичности, культурного регионализма, а также других социально-географических особенностей, интересующих нас в контексте разрабатываемой проблематики.

Пример статистического анализа социологических замеров ментальности²²² приведен нами в приложении Б.

Классическая разработка метода включенного наблюдателя в антропологии связана с Б. Малиновским²²³ и М. Мид²²⁴. Этот метод связан с наблюдением за исследуемым сообществом в естественной среде с сохранением пространства повседневности. Так называемое «изучение изнутри». Исследовательские роли в этом методе принято разделять следующим образом²²⁵:

- полный участник;
- участник как наблюдатель;
- наблюдатель как участник;
- полный наблюдатель.

Такой спектр ролей задает степень включенности исследователя в исследуемое этногеографическое содержание. Для целей нашего исследования мы отдаем приоритет открытому наблюдению с ролью исследователя как наблюдателя. Именно такой статус имели антропологи, изучающие традиционный образ жизни автохтонных культур. Исследователь с согласия исследуемого местного сообщества,

²²² Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, Michael Minkov (2010). *Cultures and organizations: software of the mind* (Revised and expanded 3rd ed.). New York: McGraw-Hill. ISBN 978-0071664189.

²²³ Malinowski, Bronisław (1929) *The sexual life of savages in north-western Melanesia: an ethnographic account of courtship, marriage and family life among the natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. New York: Halcyon House.

²²⁴ Mead, Margaret (1928) *Coming of age in Samoa: a psychological study of primitive youth for Western civilisation*. New York: William Morrow & Co.

²²⁵ Девятко И. Ф. Д25 Методы социологического исследования.— Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998.— 208 с.

проводит наблюдение пространства повседневности, открыто вступая в диалог с членами местного сообщества. От исследователя-наблюдателя требуется коммуникабельность, открытость, доброжелательность и толерантность.

Именно этот метод выходит на исследование «внутреннего культурного ландшафта» и эмные элементы культуры, которые характеризуются исходя из позиции местного сообщества.

При проведении полевых исследований важна фиксация ментифактов и выявление архитектурно-строительных маркеров, характерных для данного региона. К ментифактам относят духовные традиции, образы, представления и другие продукты умственной деятельности людей, характерные для данной социокультурной общности.²²⁶ Архитектурно-строительные маркеры представляют собой региональные особенности материальной культуры. Их палитра в широком диапазоне – от традиционных параметров, заимствованных культур-географами главным образом из этнографии (традиционные формы одежды, жилья, национальной и местной кухни) до чрезвычайно распространённых в западной т.н. «новой культурной географии» разнообразных торговых брендов, регионально специфичных форм дизайна автомобилей, местных вариантов наглядной наземной рекламы и др.²²⁷

Таким образом, приведенный краткий обзор методов, используемых нами в геоэтологическом исследовании, показывает географический характер исследуемого проблемного поля не только в теоретическом, но и методологическом ракурсе.

Для идентификации специфического поведенческого комплекса, выявления ключевых компонентов геоэтоса, а также комплексной геоэтологической характеристики территории мы используем три основных инструментально-методических приема: метод социологического опроса (анкетирование и фокусированное интервью с респондентами), полевой метод включенного

²²⁶ Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов //Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 18.

²²⁷ Там же – с. 19.

наблюдателя, а также литературно-географическую методика, сущность которой в практике этолого-географических исследований мы раскроем ниже.

Литературно-географический подход для выявления геоэтоса

В настоящее время взаимодействие географии и художественной литературы – свершившийся факт. Известный американский географ И Фу Туан метко отметил, что география обратилась к литературе как к хранилищу неучтенного пространственного опыта, способного по-новому осветить вопрос о взаимоотношении человека и окружающего его пространства.²²⁸

Динамика развития географо-литературоведческого подхода, его творческая внутренняя сущность позволяет предположить большие возможности значительного обогащения этим подходом географической науки.

Н.С. Мироненко отмечает, что взаимодействие географии и художественной литературы – один из главных аспектов культурно-образного подхода в науке. Литературно-географические исследования имеют определенную традицию в нашей стране, однако в настоящее время она, к сожалению, недостаточно проявлена. Исследователь замечает, что принципы «гуманистической» интерпретации литературных текстов выработались в 1970-е годы главным образом усилиями самих географов. Интересующегося историографией этого вопроса читателя отсылаем к прекрасному обзору Н.С. Мироненко, посвященному использованию этих принципов в страноведческих исследованиях. В его обзоре отдельно проведен анализ работ зарубежных ученых, относящихся к современному этапу развития географической науки, и рассмотрена отечественная традиция исследований подобного типа.²²⁹

Н.С. Мироненко делает вывод, что географо-литературоведческий подход предстает как реальное дополнение «сциентистской» концепции страноведения. Также исследователь отмечает, что не существует универсальной методики, позволяющей осуществлять литературно-страноведческий синтез. Наоборот,

²²⁸ TuanYiFu. The City as moral universe // The geographical review. 1988. Vol. 12. № 1.

²²⁹ Мироненко Н.С. Страноведение: теория и методы: уч. Пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 268 с. – С. 59-68.

существует множественность приемов, выбор и комбинация которых – дело личного вкуса исследователя. Система этих подходов постоянно развивается, расширяется. При этом каждое оригинальное исследование способно внести в нее что-то свое.

Дополним обзор представителей географо-литературоведческого подхода Н.С. Мироненко рядом отечественных авторов. Ю.А. Веденин, упоминаемый Н.С. Мироненко в статье «Литературные ландшафты как объекты наследия»,²³⁰ вполне справедливо указывает на то, что особый интерес представляет проблема сохранения реальных литературных пейзажей, сформированных в результате сотворчества писателя с конкретными природными и социокультурными процессами, происходящими на вполне определенной территории. Возникающие при этом культурные ландшафты имеют конкретное содержание, пространственную структуру, границы. Их можно сохранить, а можно и уничтожить, стереть с лица Земли. Однако в отличие от других природных и культурных ландшафтов, их границы, предметы охраны создаются в процессе творческой деятельности художника. Многие из них имеют чрезвычайно значимый информационный слой, созданный в результате литературного труда писателя или поэта. Особую ценность при этом приобретают те ландшафты, в которых сохраняются материальные тела или явления - носители этой информации. Среди них могут быть природные и антропогенные элементы ландшафта, панорамы, пейзажи, отраженные в художественных произведениях, и даже реальные люди, когда-то жившие в этих местах, а впоследствии ставшие прообразами литературных героев и оставившие о себе память в материальных объектах, в воспоминаниях современников, в устных преданиях. «Можно привести немало примеров, когда общественное признание ценности природных и культурных ландшафтов, включение их в систему национального наследия были достигнуты, прежде всего, благодаря творческой деятельности писателя. Примером могут служить «Мещёра» К.Г. Паустовского или «Бежин луг» И.С. Тургенева».²³¹

²³⁰ Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. – 2006. - №8. – С.15-21.

²³¹ Там же.

Такие места, «сделанные» в культуре, могут играть значимую роль в ментальном самоощущении территории. Пространство Борхесовского Буэнос-Айреса, Диккенсового Лондона представляет факт узнавания территории, его идентификации в мировой культуре. Отметим также тенденцию в присуждении Нобелевской премии по литературе тем писателям, которые как бы наносят на мировую карту какой-либо культурный регион, проводя рефлексию по объяснению собственной культуры. К таким писателям можно отнести Г.Г. Маркеса (Латинская Америка), Нагиба Махфуза (Каир), Орхана Памука (Стамбул), Гюстава Леклезю («исследователь человечества вне пределов правящей цивилизации»), и других. Например, Воле Шойинка – первый африканский писатель, удостоенный нобелевской премии по литературе (1986), открывает читателю особенности нигерийского общества, мечущегося между традицией африканского континента и влиянием европейских ценностей.²³² Поэтому, представляется очень важным осуществление подобной работы.

Многие писатели давали точную характеристику ландшафтов, что представляет большую научную ценность, особенно в тех случаях, когда речь идет об исторических описаниях территорий, мало исследованных классическим ландшафтоведением.

В.М. Максаковский отмечает, что в 90-х годах XX в. в России сформировалась отечественная школа культурной географии. Одно из ее основных понятий – культурный ландшафт, в котором выделяются два слоя: природный, включающий и преобразованную людьми природу, и культурный, объединяющий материальную и духовную культуру. Второе основополагающее понятие культурной географии – образ пространства. Согласно В.П. Максаковскому, образ пространства - главное содержание «Литературной географии».²³³

«Рассматривая связку “география – художественная литература”, нужно иметь в виду одно важное обстоятельство: географический сюжет в литературном

²³² Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / Пер. с франц. Г. Наумовой. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 504 с. – С. 193.

²³³ Юлия Фролова. «И земля потрясена...». Сайт книжные палаты. <http://lib.1september.ru/2006/22/6.htm>

произведении может фигурировать в двух видах – обобщенном и конкретном. В первом случае изображается типологизированное (виртуальное) пространство, во втором – совершенно реальное, существующее».²³⁴

Вообще, использование литературоведения в географических исследованиях подобного рода связано с определением статуса пространства. В некоторых произведениях мы имеем дело с условным пространством, в некоторых – с вполне определенным реальным географическим пространством.

Д.С. Лихачев в своих «Заметках о русском»²³⁵ приводит описания чувства природы, причем не только русскими, но и рядом других народов. В этих заметках есть размышления о русском национальном характере, рассуждения о национальном идеале и национальной действительности, восприятию природы А.С. Пушкиным и другие вопросы, примыкающие вплотную к отечественной гуманитарной традиции восприятия и изучения образа пространства. Масштаб личности академика Д.С. Лихачева, его авторитет в исследованиях древнерусской литературы и культуры в целом, несомненная универсальная гуманитарная развитость делает его заметки как бы экспертным методом в постижении национального образа пространства.

В «сухом остатке» анализа исследований, посвященных литературно-географическому подходу, оказываются следующие выводы:

- художественная литература в географической науке может использоваться для изображения внешнего облика ландшафта, его колористических, морфологических и прочих особенностей, что тождественно понятию «словесной живописи» у В.П. Семенова-Тян-Шанского²³⁶;

- художественная литература способна осветить вопросы значения места в человеческой жизни, то есть имеет преимущественно культурный, а не специальный

²³⁴Максаковский В. П. Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: Книга для учителя / В. П. Максаковский. – М.: Просвещение, 2006. – 407 с.: ил. – (Библиотека учителя. География).

²³⁵ Лихачев Д.С. Заметки о русском. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. Россия, 1984. – 64 с.

²³⁶ Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л., 1928 – с. 260-273.

научный интерес, представляя географу модели «географического описания нового типа»²³⁷;

- позволяет расширить типологию культурных ландшафтов за счет введения понятия «художественно-ассоциативный ландшафт»²³⁸, где произведение искусства может быть признано полноценным предметом анализа конкретного культурного ландшафта, формируя образ культуры этого ландшафта, влияя на его наполнение и понимание;

- художественная литература используется в качестве культуроведческого краеведения или «экскурсий в культуру»;

- через выявление литературных ландшафтов писателей прошлых эпох может являться важным историческим свидетельством о пространстве в «до современнонаучный» период его жизни;

- литературные описания ландшафтов нужны географии в качестве вдохновляющих ресурсов²³⁹.

По мнению автора, значение литературно-географического подхода выходит далеко за рамки «атмосферы места», «вдохновляющих ресурсов» и в целом культурно-образного подхода в науке, и может дать практические результаты в области этологической географии.

Важным использованием литературных ландшафтов является вскрытие с их помощью многообразия проявлений стереотипа поведения (ментальности)²⁴⁰ людей определенного пространства-времени.

Часто встречающаяся не артикулируемость местным сообществом своего стереотипа поведения, его ускользание от рефлексии обыденного сознания делает

²³⁷ Jens D.N. Some literally examples of humanistic descriptions of places // Australian geographer. 1979. Vol. 14, № 4. – p. 209.

²³⁸ Дивакова Н. А. Художественно-ассоциативный культурный ландшафт как предмет исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 3. С. 66-69. ISSN 1997-292X.

²³⁹ Степные шедевры. Антология. Составитель А.А. Чибилев. Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство», 2009. – 320 с.

²⁴⁰ В контексте данного исследования автор считает термины ментальность и стереотип поведения синонимичными.

чрезвычайно трудной задачу выделения научного критерия для его определения. Эту проблему может скорректировать использование в практике исследований результатов художественного творчества, так как эта форма освоения человеком действительности представляет собой целостное интуитивное постижение определенного участка реальности. Научная форма освоения человеком действительности выделяет «отдельности», систематизирует, моделирует. Для того чтобы лучше изучить территорию, нужно не только знать «анатомию» места - важен выход на метафизику пространства.²⁴¹ Автор считает, что здесь особую роль играют произведения искусства, которые признаются большинством населения и специалистами в качестве выразителей национально-культурных доминант.

Стереотип поведения этноса динамичен. Обряды, обычаи и нормы взаимоотношений меняются то медленно и постепенно, то очень быстро. Поэтому исключительно важно, диагностируя стереотип поведения этноса, указывать эпоху.

Ценность литературных ландшафтов заключается в том, что они позволяют обозначить идеалы общества именно словесно. Музыка, живопись, скульптура, архитектура, киноискусство несловесны, поэтому затруднительно их использовать в научной практике, хотя они также отражают этос населения.

Итак, взяв за основу структуру стереотипа поведения, предложенную Л.Н. Гумилевым (добавив ряд существенных с нашей точки зрения позиций) и, признав писателя выразителем национально-культурных доминант, можно исследовать литературные ландшафты его произведений. Главным для нас будет выявление стереотипа поведения, который предполагает определение норм отношений: между коллективом и индивидом, индивидов между собой, внутриэтнических групп между собой, между этносом и внутриэтническими группами, между этносами разных суперэтносов (цивилизаций), между этносом и вмещающим ландшафтом, а также выявление специфического ощущения времени этноса и его бытовых примет. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе

²⁴¹Б.Рассел определял метафизику как попытку охватить мир как целое посредством мышления.

и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего.²⁴²

В качестве примера приведем литературное отображение и анализ по каждому из обозначенных элементов стереотипа в творчестве Г.Г. Маркеса. Для удобства представим результат в табличной форме (см. приложение А).

Приведенная таблица является генерализацией национально-культурных доминант, составляющих стереотип поведения населения Колумбии, Карибского культурно-географического региона и всей Латинской Америки как цивилизационного пространства более высокого иерархического уровня. Кроме того, через изучение «поэтического мира» писателя (пользуясь терминологией А.К. Жолковского,²⁴³ его тематических и структурных инвариантов), можно обозначить историко-психологический «подтекст» ментальности населения региона.

Еще одним важным практическим значением использования литературно-географического подхода является выявление региональной идентичности. Методика здесь аналогична методике выявления стереотипа поведения населения по литературным произведениям писателей, признанных выразителей национально-культурных доминант.

В качестве примера вновь обратимся к творчеству великого колумбийского писателя Г.Г. Маркеса. На этот раз используем не художественное произведение, а некую писательскую рефлексию автора по поводу своего места в мировом пространстве, которая была представлена в его речи «Латинская Америка

²⁴²Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с. – (Антология мысли). – С.117-118.

²⁴³ Лекции по русскому языку: Александр Жолковский. О понятиях инвариант и поэтический мир. Александр Жолковский. О понятиях инвариант и поэтический мир | Международный творческий ресурс - «Подлинник» (podlinnik.org)

существует» на семинаре группы «Контадора» на тему «Существует ли Латинская Америка?» в Панаме 28 марта 1995 г.

«Что касается Карибского бассейна, я думаю, его область обозначена неправильно, ибо на самом деле она должна быть не географическим, а культурным понятием. Она должна начинаться на юге Соединенных Штатов и простирается до севера Бразилии. Центральная Америка, которую мы считаем частью Тихоокеанского региона, имеет с ним мало общего, являясь частью карибской культуры. Реализация этого законного требования имела бы по крайней мере то преимущество, что Фолкнер и другие великие писатели юга Соединенных Штатов стали бы частью братства магического реализма... Судьба боливарианской идеи интеграции вызывает все больше сомнений, кроме области искусства и литературы, где культурная интеграция продвигается самостоятельно и на свой страх и риск... Они выражают свои чувства криком от Рио-Браво до Патагонии в нашей музыке, нашей живописи, театре и танцах, в романах и телесериалах. ... Это самые простые и богатые формы народного выражения континентального полилингвизма. Задолго до того, как политическая и экономическая интеграция станут явью, процесс культурной интеграции будет необратимым... Латинская Америка существует. Быть может, ее эдипова судьба заключается в поиске своей идентичности, и найти ее навсегда станет нашей судьбой и творчеством, сделает нас отличными от всего мира. Разбитая и распыленная, еще не закончившая путь, в вечном поиске этики жизни, Латинская Америка существует.»²⁴⁴

Эти цитаты из речи Г.Г. Маркеса демонстрируют понимание культурно-географического единства сквозь государственные и экономические границы (региональной идентичности карибских жителей), а также цивилизационное видение пространства всей Латинской Америки. Свидетельство писателя такого масштаба – большой аргумент в справедливости такого видения, прежде всего в силу упоминаемого нами ранее роли писателя как выразителя национально-культурных доминант Колумбии, Карибского культурно-географического региона и всей

²⁴⁴ Г.Г. Маркес. Я здесь не для того, чтобы говорить речи: / Габриэль Гарсиа Маркеса; перевод с испанского С. Маркова. – Москва: Астрель, 2013. – 157 с. – С. 89-98.

Латинской Америки как цивилизационного пространства более высокого иерархического уровня.

В заключении отметим, что еще одной новаторской ролью литературно-географического подхода является его философско-методологическая значимость. География – одна из немногих наук, предмет исследования которой представляет собой единство естественно-научной и гуманитарной составляющей. Взаимодействие географии с художественной литературой расширяет целостность предмета исследования всей науки, так как это не просто взаимодействие с литературоведением (работа с текстом этим не ограничивается), специфика литературно-географического подхода в сотворчестве двух форм освоения человеком действительности – художественной и научной, что может открыть новые горизонты возможностям географического познания вообще.

4. Идентификация географии ментальности в полиэтническом и моноэтническом геопространствах

4.1 Идентификация на мезо-географическом уровне (пример Урало-Каспийского полиэтничного региона)

Геоконцепт как способ концептуализации территории, и даже шире – пространства, теоретически обоснован в научной географии А.Г. Дружининым²⁴⁵ и В.Н. Калуцковым.^{246 , 247} Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом (геоконцепт = образ + топоним + территория).²⁴⁸

Обоснование нами геоконцепта «Урало-Каспийский регион» проводится с позиции географии ментальности (этологической географии). В этом регионе население не обладает выраженной региональной идентичностью, однако его культурно-географическая реальность существования подтверждается ретроспективным анализом ментальных факторов культурного регионализма, литературно-географической зафиксированностью в источниках, а также характерной геоэтологической спецификой, отличающей его от Уральского и Поволжского регионов. Рассмотрим подробно каждый из выделенных блоков для обоснования геоконцепта.

²⁴⁵ Дружинин, А. Г. Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) / А. Г. Дружинин // Научная мысль Кавказа.– 2014.– № 3 (79).– С. 58-66.

²⁴⁶ Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.

²⁴⁷ Калуцков В.Н. “ИМЯ” В ГЕОГРАФИИ: ОТ ТОПОНИМА – К ГЕОКОНЦЕПТУ. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016;(2):100-107. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-100-107>

²⁴⁸ Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.

4.1.1 География ментальности в контексте историко-географического подхода: структурирование геопространства ментальности

Оренбургский регион в его прошлом широком макро-географическом простирании, принято называть Оренбургским краем. Территория Оренбургского края была намного больше, по сравнению с территорией нынешней Оренбургской области Российской Федерации. С севера она была окружена реками Камой и Исеть, с востока – реками Тобол, Уй, Нура и Ишим, а с юга – рекой Сыр-Дарья, Аральским и Каспийским морями. Почти полностью эта территория была включена в Московское государство, когда Иван IV после взятия Казани получил клятву верности от башкирских племен; однако контроль Московского государства над этой территорией оставался номинальным еще в течение долгого времени, и Петр I предпринимал безуспешные попытки распространить влияние России на центральную Азию через этот регион.

Несмотря на свою большую значимость в территориальном управлении Российской империей, а также свое географическое и этнографическое богатство, Оренбургский край (или Урало-Каспийский регион, по мнению К. Мацузато²⁴⁹), не привлекал должного научного интереса. Эта ситуация становится еще более странной, если мы сравним научную обстановку вокруг этого макро-региона с процветающими в течение последнего десятилетия исследованиями вокруг соседнего Волго-Уральского региона.

Настоящее «окультуривание» региона началось с экспедиции Ивана Кирилова в течение 1730-х гг., что вызвало восстания башкир. Границы Оренбургского региона были установлены в 1782 г. в результате территориальной реформы Екатерины II, однако на картах он значился как Уфимское наместничество. В 1796 г. эта административная единица была переименована снова в Оренбургскую губернию под контролем военного губернатора, а позже - под контролем Оренбургского генерал-губернатора. После 1782 г. территориальные границы продолжали оставаться почти

²⁴⁹ Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии /Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

без изменений до середины XIX в., когда из двух гражданских губерний, Оренбургской (которая позже стала Оренбургской и Уфимской) и Самарской, двух казачьих территорий Оренбургского и Уральского войск и территории Башкиро-Мещерякского войска, территории Внутренней Орды и территории Оренбургских киргиз, населенной, в основном, казахами Младшего Жуза, было сформировано Оренбургское генерал-губернаторство.

По мнению К. Мацузато, одной из причин разной степени изученности Волго-Уральского и Урало-Каспийского регионов является то, что первый оставался официально признанным макро-регионом, тогда как второй в советский период был разорван административно-территориальными границами, которые после распада СССР превратились в государственные границы.²⁵⁰

Использование историко-географического подхода в оценке освоенческого вектора включения новых земель в орбиту российской цивилизации, анализ формирования Оренбургского края (Урало-Каспийского региона) через оценку геодинамики его культурных ландшафтов и происходивших в нем социальных процессов позволяет выявить ментальные факторы культурного регионализма, не проявившие себя в определенной региональной идентичности на современном этапе.

На основе проделанной работы²⁵¹ мы предлагаем рассматривать Урало-Каспийский регион как фронт, существовавший с XVI до середины XIX века. Этот период в развитии этнокультурного пространства распадается на два этапа: формирование фронта и его исчезновение в «расползающейся» идентичности региона. Для этого этапа были характерны ассимиляция русской и ногайской культур на ранней стадии развития, мозаичность и дисперсность структуры этнокультурного пространства, своеобразная культура уральского и оренбургского казачеств и характерная для любого фронта зона особых социальных условий, связанная с идущими на ней процессами освоения. Оренбургская область с ее «расползающейся»

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Любичанковский С. В., Любичанковский А. В. Урало-Каспийский регион как историко-географический феномен (XVI- начало XX вв.) // Самарский научный вестник, 2017. - Т. 6, № 1 (18). - С. 104-108.

региональной идентичностью, в силу нахождения в ней центра исследуемого региона, является единственным «останцом» этого региона.

Термин фронтир был введен в научный оборот Ф. Тернером, который определил его как «точку встречи дикости и цивилизации».²⁵²

В строгом смысле фронтир - это зона освоения; точнее, территория, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения. В США подобную зону освоения часто воспринимают как линию, поскольку освоение территории не слишком задерживалось. Вслед за первопроходцами быстро приходила цивилизация. Фронтир определяли, например, как границу между проданной и "ничейной" землями, границу резерваций, наконец, границу между самыми западными штатами и самыми восточными "территориями" (territory - это название административной единицы с особым статусом; чтобы получить статус штата, та или иная "территория" должна была иметь определенную численность населения). Термин "фронтир" официально применялся также для обозначения линии, ограничивающей территорию с плотностью населения менее двух человек на одну квадратную милю.²⁵³

Фронтир - зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями (несмотря на этимологию происхождения самого термина и квазилинейность этой зоны в США). Такие зоны в России легко выделяются: современный Центральный район (Залесская Русь) осваивался русскими в XI-XIV веках, так называемый Русский Север - в XV-XVII веках, современный Черноземный Центр - в XVI-XVII веках. Дон и Северный Кавказ - в XVII - начале XIX века, Урал и Сибирь - в XVII-XVIII веках. Дальний Восток - во второй половине XIX - начале XX века (по периодизации Д.Н. Замятина). Каждую из этих "порций", пусть и

²⁵² America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion. Huntigton, Princeton, 1980. 314p.

²⁵³ Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С.12-18.

чрезвычайно обширную, в соответствующее время можно было считать зоной фронта, или, по-русски, порубежья.²⁵⁴

Номадная модель освоения Урало-Каспийского региона, характерна для этой территории, вплоть до окончательного включения в состав российской государственности.

Период, непосредственно предшествующий образованию Урало-Каспийского фронта, сопровождался ассимиляцией монголо-татар в половецкой среде (XIII в.).

Активное взаимопроникновение и ассимиляция русской и ногайской культур, проиллюстрировано в частности в картографическом материале Сигизмунда фон Герберштейна в 1549 году на карте Московии, где ногайские татары локализируются и в право- и в левобережной части низовий Волги.

Именно с этого времени начал складываться фронт, который просуществовал до XIX века с установлением сложившейся (в противовес неустойчивой зоне освоения) системы этнокультурного мозаичного пространства.

От Оренбургской экспедиции (1734-1744 гг.) начинается массовая российская колонизация региона. Первыми российскими поселенцами были беглые крестьяне, преследуемые правительством раскольники, гонимые за веру сектанты и др. В конце периода в верховьях Урала и его притоков стало оседать казачество.²⁵⁵

Оренбургская губерния была основана в 1744 году. Переселение в регион носило волнообразный характер. В конце XVIII века, согласно ревизии 1795 г., в Оренбургской губернии в ее тогдашних границах проживало около 500 тыс. чел. (без учета казахского населения, которое составляло примерно 80-100 тыс. человек). Насчитывалось примерно 100 тыс. башкир. Проживали русские, татары, мордва, чуваша, марийцы, удмурты и калмыки. 36% населения составляли казаки. Прибывающее нерусское население селилось частично в русских деревнях (чуваша и мордва), частично изолированно (большая часть татар). Оренбуржье стало многонациональным. Преобладала колониальная модель освоения. Колонизация

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Герасименко Т. И. Этногеографический атлас Оренбургской области. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2015. 80 с. – С. 4-5.

носила как принудительный, так и добровольный характер, сопровождалась экспортом культуры и воспроизводством образа жизни метрополии среди автохтонных народов, привела к расширению границ метрополии. Духовная модель освоения связана с мессианством, с политикой изоляционизма отдельных этнокультурных групп, либо с гонениями; чаще всего носит религиозный характер. В сельской местности и в настоящее время встречаются локальные этноконфессиональные сообщества – русские со старообрядческим населением, немецкие (менонитские, баптистские и др.). Однако и в эти поселения проникли сначала отдельные элементы унифицированной «европейской» современной культуры, а позже этнокультурные сообщества трансформировались под воздействием окружающей доминантной культуры.²⁵⁶

Во второй половине XIX века новая волна заселения, истоком которой была центральная Россия (Тамбовская, Воронежская, Курская губернии), довела долю русского населения до 55%, и с тех пор и до сегодняшнего дня регион имеет статус «русского коридора» между тюркоязычным мусульманским севером (Башкирия, Татария) и югом (казахские земли). Наиболее интенсивный поток переселенцев направлялся в Бузулукский, Бугурусланский и Оренбургский уезды.

В данный период, в связи с присоединением к империи среднеазиатских земель, регион утрачивает приграничное положение. В 1862 г. Оренбургская крепость была официально упразднена, в 1881 г. в крае было упразднено военно-административное положение. В городах стали активно строиться объекты гражданской архитектуры. Анализ территориальной структуры культурного наследия свидетельствует о том, что процесс освоения территории в этом периоде происходил не только вширь, но и вглубь. Об этом свидетельствует увеличение в доле культурного наследия объектов гражданской архитектуры и культовых зданий, причем не только в крупных населенных пунктах, но и в сельской местности.

В целом на данном этапе сформировалась линейно-узловая территориальная структура расселения.

²⁵⁶ Там же. – С. 5.

С отменой крепостного права вся империя, в том числе и Оренбургская губерния, вступили в новый этап развития. Помещики, потерявшие право на эксплуатацию подневольного труда, стали активно привлекать переселенцев-арендаторов. В результате новой волны переселения к началу XX века доля русских составила 70% населения губернии, башкир – 16%, татар – 6%, украинцев – 2,5% и т.д. Соответственно, возростала территория, освоенная в русле славянской православной культуры.

Происходит рост городского населения. Наиболее крупным городом не только губернии, но и всего Урала к концу XIX века являлся Оренбург.

Оренбургская область с ее «расползающейся» региональной идентичностью, в силу нахождения в ней центра исследуемого региона, является единственным «останцом» существовавшего Урало-Каспийской региона.

Несмотря на ликвидацию Оренбургского генерал-губернаторства и военного округа в 1883, ощущение территориальной интеграции Оренбургского региона продолжало долго существовать. Возможно, одной из причин этого было то, что продолжал функционировать оренбургский учебный округ. Это демонстрируют публикации местных краеведов и в начале, и в 20-е и даже 30-е годы XX века.²⁵⁷

В исторической памяти населения можно выделить пять пространственных образов Оренбургского региона: «плацдарм в Центральную Азию», «цитадель «цивилизаторов»», «опытный полигон для реформ», «объект эксплуатации с огромными ресурсами» и «глухая провинция».

«Плацдарм в Центральную Азию». По мнению К. Мацузато, историческое происхождение этого территориального образа было связано с тем, что в «проекте Кирилова» (1730-е гг.) ему было уделено особое внимание.²⁵⁸ Эта тенденция усилилась и тем, что известный краевед А.И. Добросмыслов опубликовал двухтомную коллекцию правительственных решений и других юридических

²⁵⁷ Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т.1-2. Оренбург: Губ. типография, 1900.

²⁵⁸ Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии /Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с. – С. 19.

документов, касающихся Оренбургского региона, изданных в течение 1734-36 гг. и хранящихся в городе Тургай.²⁵⁹ Несомненно, обладать такими коллекциями очень удобно для исследователей. В действительности, как только началась экспедиция, Иван Кирилов столкнулся с башкирским восстанием, и ему пришлось вернуться к традиционной правительственной политике для того, чтобы объединить оборону этого региона, отказавшись от амбициозного проекта создания нового города-крепости (Оренбург) – огромного торгового центра, объединяющего Китай, Индию, Центральную Азию и Европу. Современное представление предлагает рассмотреть политику правительства по отношению к Оренбургскому краю в течение XVIII века в более широком контексте, а не через призму «проекта Кирилова».²⁶⁰

«Цитадель «цивилизаторов»». Оренбургские местные чиновники пытались сделать Оренбург цитаделью «цивилизаторов» (этим статусом обычно наделяли Казань). В первой половине XIX века православная миссионерская деятельность в основном была направлена на староверцев и язычников среди инородцев. И только в 1850-х гг. стала серьезно обсуждаться угроза ислама. Например, русские чиновники начали отмечать, что киргизы (казахи), имеющие склонность к язычеству и до их интеграции в Российскую империю, несмотря на то, что официально были мусульманами, фактически были исламизированы под российским правлением. Поэтому введение епархии, имеющей дело в основном с антиязыческой и миссионерской деятельностью в многоконфессиональном Оренбуржье, отвечало духу той эпохи. Оренбургская духовная семинария была основана только в 1884 году, спустя четверть века после создания Оренбургской епархии. В 1908 году Синод раскритиковал Оренбургскую епархию за нехватку «необходимого наблюдения» за староверцами среди Уральских казаков и отнял Уральскую область, поместив ее под юрисдикцию Самарской епархии.

Подобный процесс наблюдался и при отделении Оренбургского учебного округа от Казанского. Предложение, написанное сотрудником генерал-губернатора Николая

²⁵⁹ Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т.1-2. Оренбург: Губ. типография, 1900.

²⁶⁰ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1997. 187 с.

Крыжановского (1864-1883 гг.), объясняло необходимость введения Оренбургского учебного округа чрезвычайно большой областью юрисдикции Казанского учебного округа, мешавшей эффективному функционированию, хотя он также отметил и следующую причину: «Казанский учебный округ имел две задачи: одна из них была свойственна и другим учебным округам, а именно административно-образовательная, и другая, особая по своему характеру, то есть цивилизаторско-миссионерская».²⁶¹ Согласно автору, цивилизаторская роль Казанского учебного округа закончилась, когда в 1854 году факультет восточных языков Казанского университета переехал в Санкт-Петербургский университет. Сейчас, утверждал он, фронт Русской цивилизации лежит еще дальше на востоке, чем Оренбург. Следовательно, «роль цивилизатора должна быть передана новому Оренбургскому округу».

Однако в Оренбурге трудно было организовать даже попечительный совет, так как там не было университета, духовной семинарии, лицея или дворянской школы, так что стремление провинциального города играть замещающую «цивилизаторскую» роль Казани было незаслуженным.

«Опытный полигон для реформ». К середине XIX века территория с населением в 4200000 человек была разорвана между министерствами; две гражданских губернии находились под юрисдикцией Министерства внутренних дел, территории двух казачьих и Башкирских войск - под юрисдикцией Военного министерства, территории Внутренней Орды и оренбургских киргизов - под юрисдикцией Министерства государственной собственности и Иностранных дел соответственно. В результате персональной (не территориальной) юрисдикции, многочисленные министерства интересовались одной и той же территорией, поэтому даже обычные вопросы не могли решаться без длительной переписки между министерствами.

Реформы, проводившиеся в Оренбургском крае в 1860-х годах, были составлены, основываясь на территориальном образе, который разделяла центральная и региональная элита Оренбуржья, отчаянно нуждающегося в реформах, для того

²⁶¹ Семенов В.Г. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.

чтобы ликвидировать корпоративную структуру общества, дорогостоящее попечительство администрации и «разъединенность властей».

«Объект эксплуатации» и «глухая провинция». Эти два образа объединены, потому что регион имел громадные потенциальные ресурсы, но современники не были способны их использовать из-за недостаточных географических исследований. В своем отчете царю за 1867-1868 годы Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский писал, что территория «еще недостаточно известна и так мало изучается с научной точки зрения, что очень часто мы относимся с подозрением относительно понимания местных особенностей и даже самых обычных статистических данных, когда разрабатываем меры, нацеленные на улучшение жизни населения и для использования природных богатств». Когда Оренбургский учебный округ начал публиковать свой журнал, попечитель округа писал, что целью журнала было не только обсуждение педагогических проблем, но также и продвижение географического описания округа. Он отмечал: «если районы Уральских гор, Пермской губернии и также некоторых частей Оренбурга были более или менее изучены, этого нельзя сказать об оставшихся частях региона, например, Уфимской губернии и Тургайской и Уральской областях».²⁶²

Пример образа «глухой провинции» можно найти в отчете генерал-губернатора царю за 1867-68 годы: «не только в степи, деревнях и городах Оренбургской и Уфимской губерний, но также и в самом Оренбурге чиновники, как правило, лишены возможности наслаждаться комфортабельной жизнью и общественными развлечениями, которые обязательны для развитых людей, как пища для тела. Если мы примем во внимание то, что в Оренбурге даже самый здоровый человек не может вынести губительный климат и все продукты потребления чрезвычайно дороги, легко понять, почему так сложно найти стоящих людей, кто желал бы приехать сюда и служить, и почему еще более сложно заставить их тут остаться».²⁶³ Такое положение препятствовало стремлению занять место Казани в качестве бастиона «цивилизаторов» или контролировать Туркестан из Оренбурга.

²⁶² Вестник Оренбургского учебного округа, 1912. Приложение 1. н/ч.

²⁶³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3341, 1.6.

Таким образом, среди всех региональных образов Оренбургского края, самым успешно реализованным был «опытный полигон для реформ». Именно поэтому регион стал одной из двух самых интернациональных периферий Российской Империи (другим исключением была Новороссия). Регион, который изначально был продуктом воображения, получил индивидуальность и даже стал объектом приложения относящихся к нему политических сил.

В советскую эпоху Оренбургский край был разрушен новыми административными границами внутри СССР, а затем и Российской Федерации. Однако на современном этапе, с началом строительства Евразийского экономического союза, лимогенное состояние Оренбуржья вновь подпадает под феномен трансграничности и под феномен формирования макрорегионального центра, что, несомненно, актуализирует значение историко-географического изучения региона.

На основе оценки освоенческого вектора включения новых земель в орбиту российской цивилизации, анализа формирования Урало-Каспийского региона через оценку геодинамики его культурных ландшафтов, а также характеристики социальных процессов, в нем происходивших, можно идентифицировать Урало-Каспийский регион как фронт, существовавший с XVI в. до середины XIX века. Для него были характерны ассимиляция русской и ногайской культур на раннем этапе развития, мозаичность и дисперсность структуры этнокультурного пространства, своеобразная культура уральского и оренбургского казачества и характерная для любого фронта зона особых социальных условий, связанная с идущими на ней процессом освоения. Оренбургская область с ее «расползающейся» региональной идентичностью, в силу нахождения в ней центра исследуемого региона, является единственным «останцом» существовавшего Урало-Каспийского региона.

4.1.2 География ментальности в контексте литературно-географического подхода: феномен Урало-Каспийского региона

Анализ культурно-географических регионообразующих процессов показывает, что литературные ландшафты аккумулируют характерные региональные образы и свидетельствуют об историко-культурном единстве Урало-Каспийского региона. Богатое литературно-географическое наследие сформировало широкую сеть литературных мест, которая охватывает почти все районы Оренбургского региона в его исторических границах, то есть современный Урало-Каспийский трансграничный регион на российско-казахстанском порубежье. Ключевые литературные ландшафты региона связаны с творческим наследием писателей XIX– начала XX века, которых в литературоведении принято считать выразителями национально-культурных доминант. Соединенность ассоциативного пространства с реальным географическим, а также его мемориальное освоение формируют литературный ландшафт. В Урало-Каспийском регионе выделяются три основных литературных ландшафта – С.Т. Аксакова, В.И. Даля и В.П. Правдухина.

Урало-Каспийский регион, согласно обоснованию А.А. Чибилева, представляющий собой единое этнокультурное пространство, расположен между Волгой и Тургаем, между уральской тайгой и арало-каспийскими пустынями.²⁶⁴ Каждый автохтонный этнос этого региона занимает вмещающий ландшафт серединой Евразии по принципу этноэкологической ниши. Проведенный нами анализ регионообразующих процессов^{265, 266} и новейшие разработки в области литературной географии^{267, 268} позволяют выделить на территории региона литературные

²⁶⁴ Чибилёв А.А. БассейнУрала: история, география, экология. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 312 с. - С. 49 – 54.

²⁶⁵ Lyubichankovsky, A. V. Role of mentality geography for studies on cultural regionalism [Электронныйресурс] / A. V. Lyubichankovsky // The European Proceedings of Social &Behavioural Sciences : International Scientific Conference "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism", 1-3 November 2018, Grozny, Russia / ed. by Bataev D. K.-S. - Electronic data. - Grozny, 2019. - . - P. 1317-1324

²⁶⁶ Любичанковский А. В. Ментальные факторы культурного регионализма [Электронный ресурс] / А. В. Любичанковский // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2018. - № 7. - С. 161-172.

²⁶⁷ Морозова М.М., Калуцков В.Н. Литературно-географический регион и процессы мемориализации пространства (на примере Орловской области). Наследие и современность = HeritageandModernTimes. 2019;2(1):79–93.

²⁶⁸ Литературная география России: атлас-справочник / Русское географическое общество; научные редакторы Ю. А. Веденин, В. Н. Калуцков. — Москва: Издательство Московского университета, 2022. — 295 с.

ландшафты, которые аккумулируют характерные региональные литературные образы.

Исходной гипотезой проведенного нами исследования, основанного на рассмотрении Оренбургского региона в его исторических границах и выделении самостоятельного геоконцепта «Урало-Каспийский регион», обоснованного нами с точки зрения географии ментальности и анализа исторической памяти населения²⁶⁹ выступает представление о литературно-географическом подходе как способе выявления историко-культурных регионообразующих процессов, которые в прикладной плоскости использования могут и должны быть задействованы в конструирование образа региона. Используя литературно-географический подход, выявим ключевые литературные ландшафты региона.

В работе были использованы инструментально-методические приемы в области литературно-географического подхода в контексте задач географии ментальности (см. 3.4).

Источниками послужили литературные произведения, отражающие пространство Урало-Каспийского региона.^{270, 271, 272}

В результате литературного картирования появляются литературные карты, показывающие геокультурное единство Урало-Каспийского региона.

Однако не все литературные места образуют литературные ландшафты. Для формирования литературного ландшафта необходимо наличие двух основных компонентов: ассоциативного ландшафта, соединенного с реальным географическим пространством, и мемориальное освоение этого пространства. В Урало-Каспийском регионе сформировались три основных литературных ландшафта – С.Т. Аксакова, В.И. Даля и В.П. Правдухина.

²⁶⁹ Урало-Каспийский регион как историко-географический феномен (XVI- начало XX вв.) / Любичанковский С. В., Любичанковский А. В. // Самарский научный вестник, 2017. - Т. 6, № 1 (18). - С. 104-108.

²⁷⁰ Литература о семье Аксаковых: библиографический указатель за 1940-2017 годы - Уфа : Изд-во А. А. Словохотова, 2017. - 356 с.

²⁷¹ Даль В.И. Полное собрание сочинений в 8 т. / Москва : Столица, 1995.

²⁷² Правдухин, В. П. Яик уходит в море - Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978. - 479 с.

Наиболее известным и включенным в культурное пространство является литературный ландшафт С.Т. Аксакова (1791-1859 гг.), занимающий часть территории Бугурусланского района Оренбургской области и Белебеевского района Башкирии, связанный с жизнью и творчеством известного писателя XIX века С.Т. Аксакова. Эта территория может быть отнесена к литературному ландшафту благодаря произведениям С.Т. Аксакова «Семейная хроника», «Записки охотника» и «Записки об ужении рыбы». Все названные произведения написаны на местном материале и составляют художественно-краеведческую энциклопедию, в которой содержатся богатые сведения о природе и истории территории этих районов. Восстановленная усадьба С.Т. Аксакова, а также художественно-ассоциативный ландшафт включает в себя целые географические панорамы как природного, так и социокультурного содержания.

Следует отметить, что описанные С.Т. Аксаковым участки лесостепи северо-запада современной территории Оренбургской области являлись в то время практически не затронутыми хозяйственной деятельностью человека и поэтому сегодня могут служить эталоном для восстановления того облика ландшафта, который являлся бы оптимальным союзом человека и природы.

В.И. Даль (1801-1872) в 1833 г. прибыл в Оренбургский край на службу и 8 лет исполнял обязанности чиновника особых поручений при военном губернаторе Оренбургского края В.А. Перовском. В течение этих лет В.И. Даль исходил и объездил всю территорию края, досконально изучил быт и обычаи казахского и башкирского народов, населявших край, выучил их язык и создал несколько автобиографических и этнографических произведений: повестей, рассказов, очерков, сказок, в которых представлены многие ландшафты обширного тогда края.

Если провести типологию авторов XIX века, в творчестве которых нашел свое отражение Урало-Каспийский регион (табл. 7), разделив их на три основных направления – натуралисты, востоковеды и писатели, то мы видим, что В.И. Даль в тот период занимал центральное положение.

Таблица 7 - Типология авторов XIX века по основным направлениям

Натуралисты	Востоковеды	Писатели
Э.А. Эверсман	В.И. Даль	А.С. Пушкин
Г.С. Карелин	П.И. Демезон	В.А. Жуковский
В.И. Даль	И.В. Виткевич	А.К. Толстой
А.И. Бутаков	Я.В. Ханыков	Т.Г. Шевченко
	Н.В. Ханыков	Г.С. Винский
	В.В. Григорьев	М.Л. Михайлов
		В.Г. Короленко
		В.И. Даль

В.П. Правдухин (1892 - 1938) воспринял фольклорно-этногеографический материал, прежде всего связанный с Уральским казачеством. В его художественном творчестве нашли отражения и бытовые аспекты казачьей жизни, и широкая социокультурная панорама региона. Огромную роль в его творчестве отведено описанию природного ландшафта.

На основе анализа литературных произведений, связанных с Урало-Каспийским регионом можно сделать следующие выводы.

Во-первых, осознаваемое и артикулируемое авторами историко-культурное единство литературных ландшафтов определяет их принадлежность к единому региону.

Во-вторых, сформированными литературными ландшафтами, в которых ассоциативно-мемориальные места соединяются с реальным географическим пространством в регионе, являются Аксаковский, Далевский и Правдухинский литературные ландшафты.

В-третьих, анализ литературно-географического освоения региона показывает широкие возможности конструирования, по сути дела, реанимацию геоконцепта «Урало-Каспийский регион» для поддержания культурного своеобразия региона.

4.1.3 Определение границ Урало-Каспийского региона

Определение границ Урало-Каспийского региона осуществлено в соответствии с разрабатываемой нами методикой выявления геоэтоса.

Историко-географический анализ формирования границ региона (см. рис. 11) и его идентификация в системе динамических топохронов (см. рис. 12), позволили увидеть следующую геодинамику.

Отметим, что под топохроном в контексте нашего исследования мы будем рассматривать территорию, которая в определенный временной период осваивалась и включалась в культурно-географический регион.

Используя, выделенные В.Л. Каганским типы границ в зависимости от районирования и отношений соседних районов²⁷³ проследим трансформацию границ Оренбургского региона и соотнесем изменение границ с выделенными типами. Можно выделить восемь периодов в изменение границ региона в составе Российской государственности: ^{274,275,276}

1. 1744-1850 годы – в состав губернии входили Исетская и Уфимская провинции, крепости, построенные по рекам Уралу, Сакмаре, Самаре, зауральские башкиры, а также Оренбургскому губернатору предписывалось «ведать киргизской народ и тамошние пограничные дела».²⁷⁷

В 1781-1796 годы – Оренбургская губерния упразднена и образовано Уфимское наместничество с центром в г. Уфе. Наместничество состояло из двух областей: Оренбургской и Уфимской.

²⁷³ Каганский В.Л. Материалы к словарю гуманитарной географии. // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. – Вып. 6. – М.: Институт Наследия, 2010. – 368 с. – С. 256-260.

²⁷⁴ Атлас Оренбургской губернии с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П.И. Рычкова. 1755 года – Оренбург, ООО «Димур» - 2007 год.

²⁷⁵ Географический атлас Оренбургской области. Научный редактор и составитель – А.А. Чибилев. – М.: издательство ДИК, 1999. – 96 с. – С. 88-89.

²⁷⁶ Государственный архив Оренбургской области. Путеводитель. – М., 1966. – 356 с. – С. 339-342.

²⁷⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. IX. 6576, 6584

В 1796-1822 годы – Уфимское наместничество было упразднено и вновь образована Оренбургская губерния с центром в г. Оренбурге. В 1808 году вхождение в состав Оренбургской губернии Букеевской орды (до 1822 года), переход Среднего Жуза в Сибирское ведомство.

2. 1850-1881 – период двух генерал-губернаторств: Оренбургского и Самарского. Самарское гг. (1851-1865), Оренбургское гг. (1865-1881).

На 1881 г. включала: Оренбургскую губернию, Уфимскую губернию, Тургайскую область, Уральскую область.

В 1850-1865 годы – от выделения отдельной Самарской губернии до присоединения в 1853 Форта Перовский и разделения на Оренбургскую и Уфимскую губернии.

В 1865-1881 – территория входила в Оренбургское генерал-губернаторство.

3. 1881-1919 годы – Оренбургская губерния существует без надстройки в виде генерал-губернаторства. В состав губернии входят уезды: Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский.

4. 1919-1920 годы - в состав губернии входят Оренбургский и Орский уезды.

5. 1920-1925 годы - Оренбургская губерния в составе КАССР

6. 1925-1928 гг. – картографически совпадает с этапом 4.

7. 1925-1934 – Оренбургская губерния включена в состав Средне-Волжского края (нет на карте).

8. 1934 год – до настоящего времени – границы современной Оренбургской области.

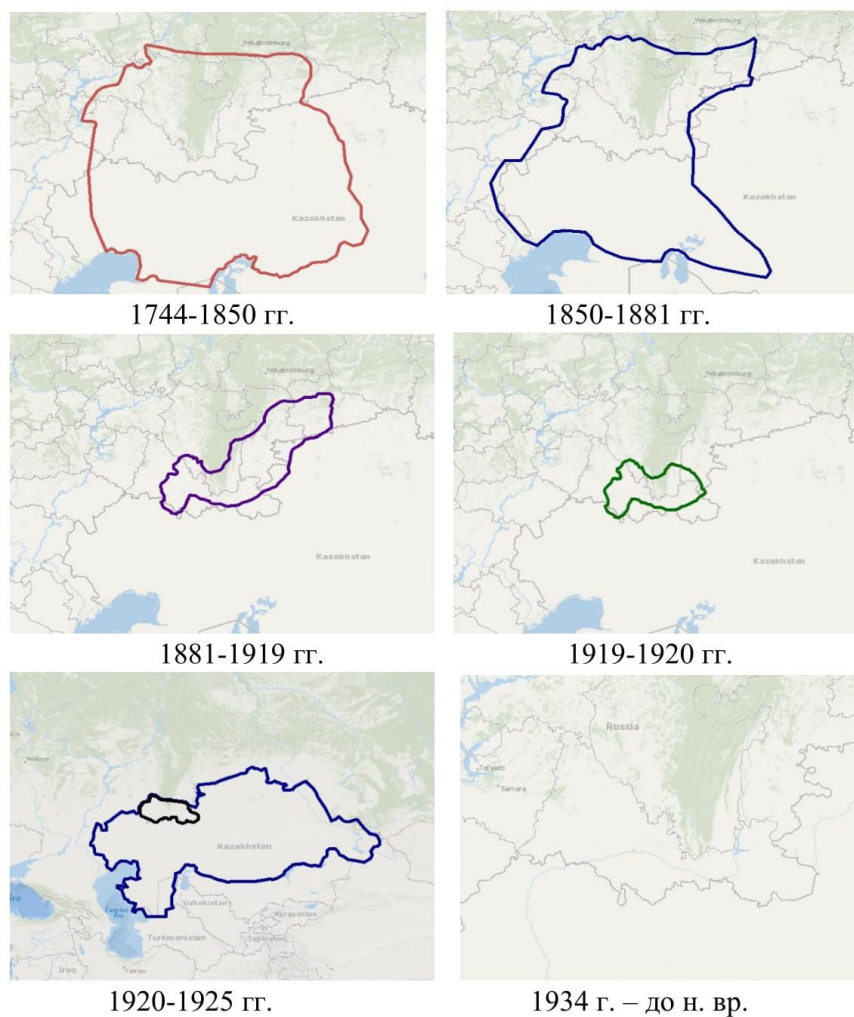

Рисунок 11 - Изменение границ Оренбургского региона в составе Российской государственности

Типы границ менялись на юге и востоке от экстремальной границы (в 1-4 периодах) до статуса эндогенного рубежа, когда регион с пограничными пространствами находился в составе общей провинции. Несмотря на различное геополитическое состояние в регионе за указанный период - противостояние сменялось мирным соседством и сотрудничеством – характер пограничных связей на юге не входил в статус дизруптивной зоны (то есть не носил антогонистический характер).

Северные и западные границы по типологии В.Л. Каганского можно отнести к статусу общей периферии единого государственного пространства, исходя из коннекционного типа районирования, и носили характер простой расчленяющей линии.

С 1934 года, на современном этапе, статус южной границы можно назвать как переход от границы-контактора (советский период) к границе-медиатору (трансграничности) постсоветского времени.

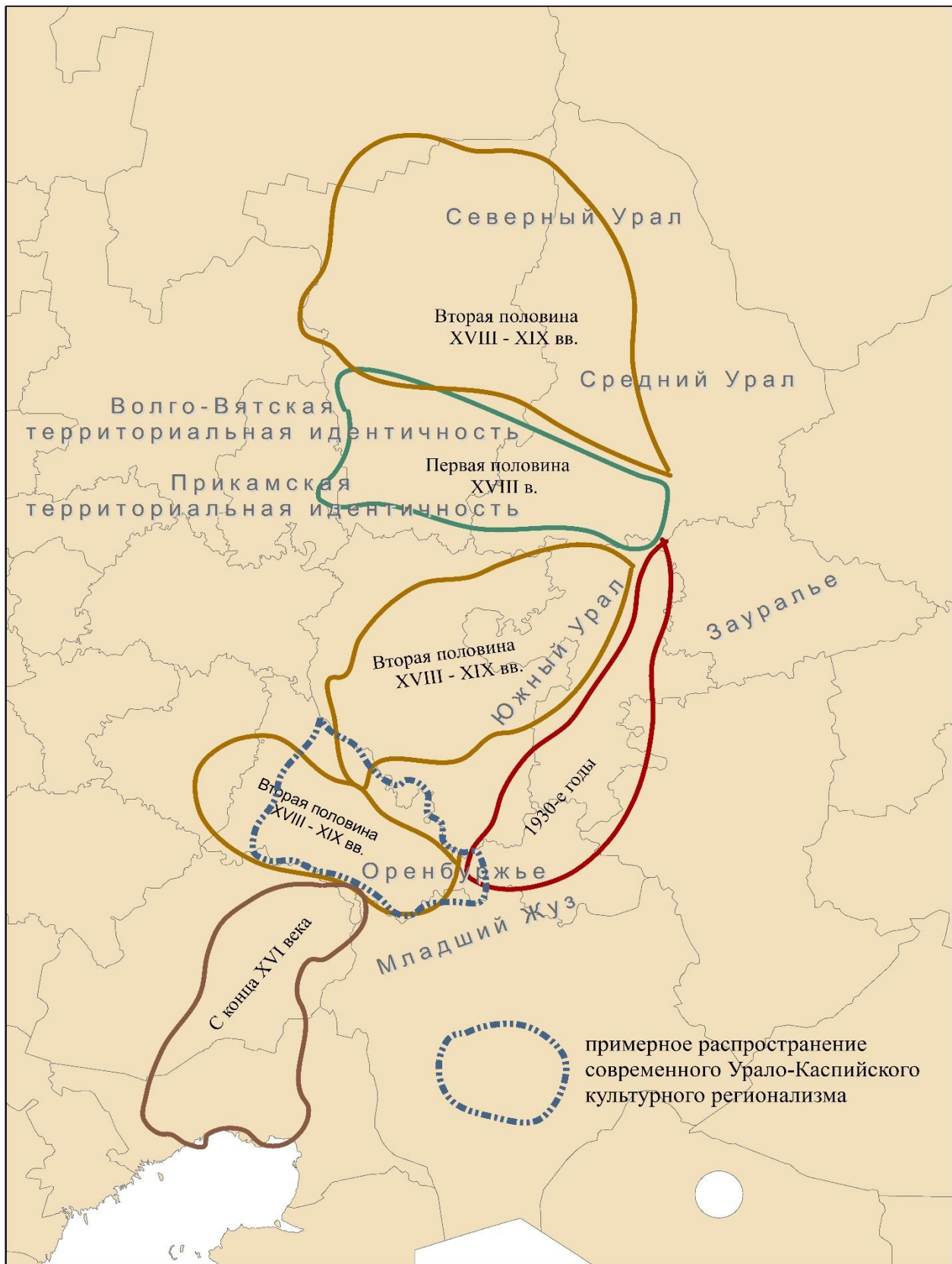

Рисунок 12 - Идентификация Урало-Каспийского региона в структуре хронотопов Большого Урала

Пространственно-лимогенные образы – это пространственный образ региона в ментальности населения, связанный с его распространением в определенных границах. Выявление таких образов предполагает синтез исторического анализа с ментальной географией.²⁷⁸

На современном этапе лимогенное состояние Оренбургского региона подпадает под феномен трансграничности. Трансграничное взаимодействие – интереснейший пласт исследований разных научных направлений, всплеск которых в последнее время обусловлен процессами интеграции и глобализации.²⁷⁹

Феномен этнической трансграничности характерен практически для всех регионов мира, но для постсоветского пространства он играет особую роль и отражает ее пространственно-временную специфику. Новые государственные границы не отражают реальной дифференциации пространства, они нередко пересекают единые этнокультурные регионы.²⁸⁰

Т.И. Герасименко, анализируя специальную литературу, посвященную экономической интеграции приграничных регионов, приводит три основных аргумента в пользу подобного взаимодействия:

- подобные регионы лучше всех других осуществляют барьерные, контактные и распределительные функции в системе международных экономических связей;
- в условиях либерализации мировой торговли они становятся акселератами трансграничного движения товаров;
- приграничные регионы, большинство из которых пребывали в «полусонном», депрессивном состоянии, получают мощный импульс для своего развития.²⁸¹

²⁷⁸ Пространственно-лимогенные образы в исторической памяти населения Оренбургского региона Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции / науч. ред. С. В. Любичанковский. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. – с. 17-22.

²⁷⁹ Герасименко, Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье историко-этнографический и этногеографический аспекты : монография / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. – Тольятти, 2009. – 211 с.

²⁸⁰ Герасименко, Т.И. Трансграничные регионы / Т.И. Герасименко // Гуманитарная география. – М.: Институт наследия, 2004. - С. 343-346.

²⁸¹ Герасименко, Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье историко-этнографический и этногеографический аспекты : монография / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. – Тольятти, 2009. – 211 с.

Некоторые авторы считают основой формирования трансграничного региона прежде всего природную основу, например, природные ресурсы, и даже при комплексном подходе природный фактор считают приоритетным.²⁸² Другие делают упор на экономическую интеграцию.²⁸³ Соответственно выделяют экономические, экологические, культурные трансграничные регионы.

Оренбургско-Казахстанский – один из трансграничных регионов, ставший таковым искусственно, в 90-е годы XX в. после распада СССР. Регион находится по обе стороны самой протяженной в мире российско-казахстанской границы и являет собой пример стабильности и толерантных межэтнических отношений. В его состав входят Оренбургская, Западно-Казахстанская, Актюбинская и Кустанайская области. Этот регион, как и вся Россия, издавна развивался не как национальная общность, а как полиэтничное сообщество. Регион – это пример полигона в зоне этноконтактов, где практически отсутствуют межэтнические конфликты. Это особый мир, который обладает рядом особенностей: единством территории, целостностью, единством исторических судеб, и из этого следует исходить при выборе путей его дальнейшего развития. Это рубежная, контактная зона, которая не может иметь четко выраженных естественных границ, как и никаких жестких границ вообще. Приграничная полоса условно и формально проведенной российско-казахстанской границы с обеих сторон имеет сходную ситуацию: смешанное население, однотипные экологическая культура и культурные ландшафты, планировка селений, язык, ментальность. Региональная и государственная самоидентификация населения носит либо двойственный характер, либо четко не выражена. Важнейший индикатор связей – временные миграции (стационарные – скорее, показатель «связей наоборот») – говорят о тяготении к территории России приграничных северо-казахстанских пространств (поездки на учебу, на работу, в гости, за покупками и т.д.). Границы усложняют сложившиеся контакты и взаимодействие и не принимаются населением.

²⁸² Бакланов, П.Я. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований / П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей // Изв. РАН. Сер. географ. – 2004. – №4. – С. 27-34.

²⁸³ Колосов, В.А. Типы новых российских границ / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Изв. РАН. Сер. географ. – 1999. – №5. - С. 39 – 47.

По-видимому, эта ситуация – объективная основа для интеграции, искусственно нарушенной в последние годы.²⁸⁴

Анализ современной оценки лимогенного фактора для Оренбургского региона позволяет прогнозировать следующие тенденции:

– усиление барьерной роли Российско-Казахстанской границы, в том числе на ее Оренбургском участке, что усиливается языковыми различиями нового поколения казахских жителей (слабое знание русского языка), а также ростом национальных кадров в системе управления регионов;

– тяготение региональной идентичности западных районов Оренбургской области к Самарскому региону;

– тяготение региональной идентичности населения Адамовского и Кваркенского районов к Челябинскому региону;

– в целом Оренбургскую область на современном этапе можно охарактеризовать как регион «расползающейся идентичности», что создает определенные условия для изменения административно-территориального деления региона (за которые, впрочем, автор не ратует).

Оренбургский край как окраинный российский регион был включен в глобальный контекст мирового развития на уровне надгосударственного макрорегиона (также как и Центральная Европа, Средняя Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Славянская Евразия и т.п.). «Пористые» (как своего рода мембрана) границы формируют почти по всему периметру империи этнически смешанные «зоны фронтиров»²⁸⁵ или создают своеобразные пространства «пограничья».²⁸⁶

Урало-Каспийский регион в структуре Большого Урала как полирегионального пространства вдоль Уральского хребта идентифицируется и архитектурно-

²⁸⁴ Герасименко, Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье историко-этнографический и этногеографический аспекты : монография / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. – Тольятти, 2009. – 211 с.

²⁸⁵ Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. – 2003. – Т. 4. – С. 86-131.

²⁸⁶ Замятин Д.Н. Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. – 2002. – № 1.

строительными маркерами. Типично Уральский культурный ландшафт – наличие пруда в центре города, исторически связанного с горным производством. Процесс расширения Большого Урала по таким маркерам представляется через серию итераций (от Татищева и горных ведомств XVIII – XIX вв. к началу XX в.).²⁸⁷

Первоначально сложилась «областническое» представление об Урале (хронотопы XVIII – XIX вв.). Такая областническо-ареальная пространственная структура Урала не соответствовала административному делению и некоторой инерции «сибирской» идентификации. С 30-х годов XX в. произошла экономическая консолидация индустриального края, которая расширила уральский регион за счет Южно-Уральских металлургических районов (Магнитогорск, Гай, Орск) и включив в орбиту своего влияния земледельческую территорию Южного Зауралья.

Территория Яицко-Уральских и Оренбургских казачих земель, активно взаимодействующая с территорией современной Оренбургской области и оказавшая на нее исключительное культурно-ландшафтное влияния имела статус фронта (особенно Яицко-Уральские земли, сохранявшие такой статус до 20-х годов XX в.).

В целом историко-географический анализ освоенческого вектора включения Урало-Каспийского региона в орбиту российской цивилизации, анализ пространственных образов в исторической памяти населения, а также оценка геодинамики его культурных ландшафтов с соответствующими архитектурно-строительными маркерами позволяют рассматривать Урало-Каспийский регион как фронт, существовавший с XVI в. до начала XX века. Для него были характерны ассимиляция русской и ногайской культур на раннем этапе развития, мозаичность и дисперсность структуры этнокультурного пространства, своеобразная культура уральского и оренбургского казачества и характерная для любого фронта зона особых социальных условий, связанная с идущими на ней процессом освоения. Оренбургская область с ее «расползающейся» региональной идентичностью, в силу

²⁸⁷ Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала / К. Д. Бугров; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. — 472 с.

нахождения в ней центра исследуемого региона, является единственным «останцом» существовавшего Урало-Каспийской региона.

Границы современного Урало-Каспийского культурного регионализма проходят по территории Оренбургской области. На западе переходной полосой в Поволжский регион служат национальные татарские, чувашские и мордовские «вкрапления» ареального типа поволжских народов с постепенной сменой региональной идентичности и социального тяготения в Абдуллинском, Матвеевском, Пономаревском и Сорочинском районах. На востоке – Кувандыкский район с его переходным статусом в Южно-Уральский культурный регионализм с соответствующей горнозаводской специализацией и архитектурно-строительными маркерами. На севере – граница Оренбургской области с Башкортостаном, в котором сильна башкирская идентичность. На юге – граница с Казахстаном, которая имеет трансграничный статус для казахского населения, связанного между собой по обе стороны границы, но и разделительную функцию в Илекском районе земель Уральского казачества и Оренбургского казачества, имеющая исторически ярко выраженную не только контактную, но и барьерную роль.

Современный Урало-каспийский регион – это часть территории Оренбургской области, характеризующейся поликонфессиональностью и разнообразными вариантами соединения этнических культур народов России и массива субкультур русского типа (носителями которых являются переселенцы из разных русских регионов России).

По материалам современного исследования фольклористов русская культура в регионе определяется как «бинарная», соединяющая западные и восточные элементы.²⁸⁸

Межэтническое взаимодействие проявляется во взаимодействии народных (повседневных) культурных форм в деревне с разными улицами-концами, на которых проживали представители самых разных народов. В Оренбургских сёлах этот механизм сохраняет не только специфику сосуществующих, имеющих собственные

²⁸⁸ Народная традиция как элемент культуры : монография / Т. Ю. Скопинцева. - Оренбург : ОГУ, 2018. - 201 с. - ISBN 978-5-7410-2285-6

ценности культур, но и разнообразие внутри русского культурного типа. До нашего времени в рамках одного села сохранилась культурная форма тамбовского и пензенского фольклора ²⁸⁹, привнесённого в Оренбуржье переселенцами из Тамбовской и Пензенской губерний в XIX веке. Этот механизм сработал в период в случае вынужденного переселения казаков-некрасовцев ²⁹⁰, ушедших в Турцию от жестокости российской имперской власти и проживших там более 200 лет. Их возвращение принесло в русскую культуру самобытную казачью традицию, сохранившуюся в инокультурном окружении. На этой основе складывались оренбургские русские сёла с татарским, казахским, мордовским или чувашским концами-улицами. ²⁹¹

Принадлежность определённой территории (земле, на которой ты родился) отмечается при организации поселения: в Оренбургских сёлах, образованных в первой половине XIX века, где до нашего времени сохраняется название улиц-концов. Это «пензенский» и «тамбовский» концы-улицы в с. Нижняя Павловка Оренбургского р-на, «харьковский» и «полтавский» конец в с. Украинка Сакмарского р-на и т.д. Здесь интересно проявляет себя соотношение пространственной и этнической идентичности (российское – русское – курское, воронежское, пензенское и т.п.).

Гендерный компонент в геоэтносе фиксируется в оренбургских сёлах в виде сохранения традиционных форм, которые воспроизводились в рамках семьи (так сохранились колядки, традиционные застольные практики), при этом исчезли формы коллективного действия при уборке урожая или в зимних (масленичных) обрядах.

²⁸⁹ Село Нижняя Павловка Оренбургского района Оренбургской области, образованное переселенцами южных губерний России (Тамбовской и Пензенской) в XIX веке.

²⁹⁰ См.: Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. –456 с. ISBN 978-5-4358-0040-1 (Некрасовцы – это донские казаки, под предводительством Игнатия Некрасова, ушедшие в Турцию в период разгрома, восстания донских казаков под руководством Кондратия Булавина в 1708 году).

²⁹¹ Там же.

В рассказах оренбургских казаков большое значение уделяется мифологизированной истории заселения²⁹² и рассказам о военных подвигах предков²⁹³.

Архитектурно-строительными маркерами, определяющими современный Урало-Каспийский культурный регионализм выступают широкие улицы в казачьих селениях, Оренбург как город-крепость воплощает собой казачий культурный проект, с сохранившимся ансамблевым центром.

Проведенный нами социологический опрос показал практически полное отсутствие выраженной региональной идентичности, связанное с геоконцептом «Урало-Каспийский регион». Однако, часто встречающаяся (в 30% случаев) региональная идентичность «Южный Урал» имеет отчетливую региональную специфику. Уточняя ее пространственное расположение респонденты смыкают ее границы с Оренбургской областью, не включая территорию Челябинской области и Башкортостана. По сути под Южным Уралом в Оренбургской области понимается территория Оренбургской области. В Казахстане (в Западноказахстанской и Актюбинской областях) Южно-Уральская идентичность исчезает.

Таким образом, региональная идентичность, архитектурно-строительные маркеры и специфические региональные ментификаты довольно четко отграничивают значительную часть Оренбургской области в специфическом культурном регионализме, который на определенном этапе исторического развития имел у населения выраженную региональную идентичность, связанную с геоконцептом «Урало-Каспийский регион».

Представляется важным реанимировать этот геоконцепт для проведения адресной этнокультурной политики и туристско-рекреационного освоения региона.

²⁹² История заселения данного места сельскими жителями рассказывается как легенда: «Красивые черноволосые и черноусые всадники...увидели речку с чёрной водой...» – (о заселении с. Краснохолм Илекского района Оренбургской области).

²⁹³ Угольницы участвовали в русско-японской и Германской (1914 года) войнах. Приверженность христианской вере рассказчиком высоко ценилась и в повествовании также отмечалась особо.

4.2 Идентификация на микро-географическом уровне (моноэтнический пример Еревана)

Выбор Еревана в геоэтологическом исследовании объясняется следующими причинами: во-первых, моноэтничностью территории, что играет важную роль в верификации авторского подхода на уровне этноментальных проявлений; во-вторых, открытым характером и коммуникабельности большинства местных сообществ, что позволило реализовать формальное и неформальное общение, профессионально-ориентированное интервью во взаимодействии с местным населением как необходимым условием реализации социолого-географического метода исследования.

Объективность и достоверность результатов данного исследования обусловлены использованием принципа объективности. Основными методами геоэтологического исследования (см. подробнее 3.4) являются социолого-географический, историко-географический и литературно-географический. Геоэтнос рассматривается автором как выраженный в географическом пространстве феномен ментальности населения, характеризующийся как массовым проявлением, так и элитарным (выраженный только у просвещенных носителей этоса с развитой рефлексией). Таким образом, геоэтнос интегрирует в себя универсальность и уникальность этологического проявления ментальности. Уникальность проявления этоса определяет важность фокусированного интервью с экспертами (носителями уникальных черт этоса как феномена рефлекслируемого самим респондентом) и создает некоторые предпосылки для выработки авторской позиции.

Этнос проявляется у всего населения, однако, многие важные его характеристики (как для явления коллективной психологии) являются размытыми и могут быть зафиксированы только у отдельных индивидов, обладающих отрефлекслируемым самосознанием. Важно отметить, что массовое проявление этоса выявляется исследователем в ходе полевых методов исследования, когда происходит

погружение в исследуемую географическую среду. Неформальный разговор и наблюдение имеют большое значение для выработки авторских оценок.

Выведенная нами генерализованная структура этоса выражается через проявление ментальности в географическом пространстве и предполагает развитую пространственную рефлексию.

Полевое исследование проводилось в октябре 2014 г., ноябре 2018 г., апреле 2022 г. и включало в себя анкетирование, опрос и интервьюирование экспертов. Анкетирование было проведено благодаря помощи И.А. Мамиджян (свободный исследователь), которая оказала неоценимую помощь автору в переводе на армянский язык разработанных анкет (см. приложение В) и позволила установить огромное количество фактов по исследуемой теме в ходе интервью. Большую роль в формировании исследовательской базы сыграли интервью с профессорско-преподавательским составом кафедры географии и методики ее преподавания Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна (прежде всего, зав. кафедрой, профессора А.В. Хоецяна и Т. Бабовяна), а также научными сотрудниками НИИ Института археологии и этнографии в г. Ереване (особенно старшего научного сотрудника Артака Дабагыана).

Идентификация ментальности на микро-географическом уровне осуществлена нами через ментально-географическую репрезентацию вернакулярных районов Еревана.

Выявление вернакулярных районов – один из важных способов характеристики ментально-географического пространства, показывающих, как происходит репрезентация пространства самим местным сообществом. Главным критерием здесь выступает не взгляд исследователя на районы, а выявление взгляда обыденного сознания на собственную среду обитания.

Вернакуляр как общественно-географический феномен отличен от его понимания в архитектуре. Для архитекторов вернакуляр - это аутентичное пространство, сохраняющееся в городе с более новой застройкой. Это неперсонифицированная архитектура, формирование которой более подчинено природным факторам, нежели вкусовым предпочтениям и модным тенденциям.

Понятие относится к любой эпохе и любой культуре.²⁹⁴ В архитектурных текстах термин употребляется в применении к обычной, рядовой застройке, выполненной без участия профессиональных архитекторов («архитектуре без архитектора»)²⁹⁵ Для географа вернакуляр – это репрезентация пространства, данная самим местным сообществом вне зависимости от архитектурно-бытового статуса территории. «В географии под термином “вернакулярный район” понимается территория, выделяемая, в первую очередь, самими горожанами, обладающая в сознании её обитателей общепризнанным образом, состоящим из набора когнитивных, аффективных и ценностных компонентов».²⁹⁶

Для характеристики вернакулярных районов Еревана как объектов развития туризма в городе целесообразно соединить эти два подхода, показав вернакулярные районы не только как районы обыденного сознания, но и выделить сохранившиеся аутентичные геокультурные «островки» как районы распространения характерных бытовых аспектов организации общества.

В нашей авторской геоэтологической концепции,²⁹⁷ вернакулярные районы отражают геоэтнос территориальной идентичности и культурно-этногеографический компонент. Это репрезентация ментально-географического исследования городского пространства, показывающая его отраженность в обыденном сознании и отдельные бытовые районы как часть историко-культурных областей.

Историко-географический анализ развития Еревана показывает очевидное представление этого города как палимпсеста (ставшая достаточно известной метафора описания множественности историко-географических и символических

²⁹⁴ Хаялина Ф.Р. Архитектура. Терминологический словарь / Мубаракшина М. М. — учебное пособие. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2008. — С. 75. — 202 с.

²⁹⁵ Иванов А.В. Вернакулярная архитектура Еревана XIX - середины XX в. Средовая ценность и необходимость сохранения // Вопросы всеобщей истории архитектуры. -2016. – С. 264-282.

²⁹⁶ Пузанов К.А. Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза. Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. геогр. наук. – М.: 2012 – С.3-4.

²⁹⁷ Любичанковский, А. В. Пространственные формы этоса в этологической географии / А. В. Любичанковский // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2020. - № 1 (9). - С. 37-49.

«пластов» культурного ландшафта и города / места в целом).²⁹⁸ Наличие многослойности и включенности аутентичных слоев культуры укорененности, сохраняющиеся как памятные места и характерные бытовые районы, и составляет ереванский палимпсест. Этногеографическая динамика города связана с постепенной стабилизацией этнического состава населения. Влияние социально-политических, экономических и культурно-бытовых процессов на характер расселения и направление миграционных потоков, рассматриваемое по хронологическим периодам, характеризуется довольно интенсивными процессами внутриэтнической консолидации армян и межкультурными связями, отразившимися на характере этнического самосознания, менталитете, на всем комплексе культуры. Важным обстоятельством является доминирование в переселенческих группах армян представителей городского населения.

Представим характеристику вернакулярных районов, используя сфокусированное интервью с экспертами – старожилами Еревана (прежде всего, И.А. Мамиджаниян, Э.А. Мамиджаниян), профессорско-преподавательским составом Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна и научными сотрудниками НИИ Института археологии и этнографии в г. Ереване.

В советском Ереване для населения главными были не адреса (улицы, кварталы и т.п.), а функциональные здания или неформальные районы города. Например, таксисту можно было не называть улицу и номер дома, а назвать просто "Проспект", или "Площадь Ленина", или "Центр", или "Опера" и т.д. До сих пор это используется, но уже не столь кардинально. Во многом причина такого положения была связана с градостроительной архитектурой и Таманьяновским проектом - Город Солнца. Решающее значение для архитектурно-художественного облика города приобрели композиции пространственных узлов - площади Ленина, Театральной площади и

²⁹⁸ Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1(49). С. 108-125.

Вузовского городка, заложенных А. Таманяном. Ереван с тех пор почти не менялся (рис. 13-14). Он только расширялся и достраивался.

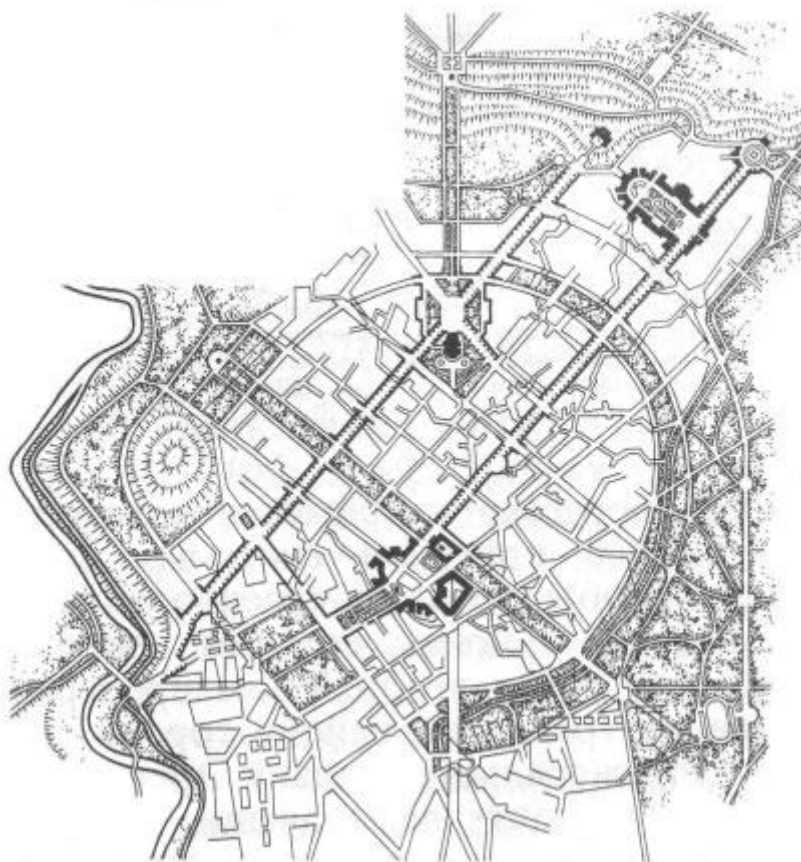

Рисунок 13 - Ереван. Схема планировки города, 1936 -1937 гг.²⁹⁹

²⁹⁹ Архитектура и Проектирование | Справочник <http://arx.novosibdom.ru/node/2445>

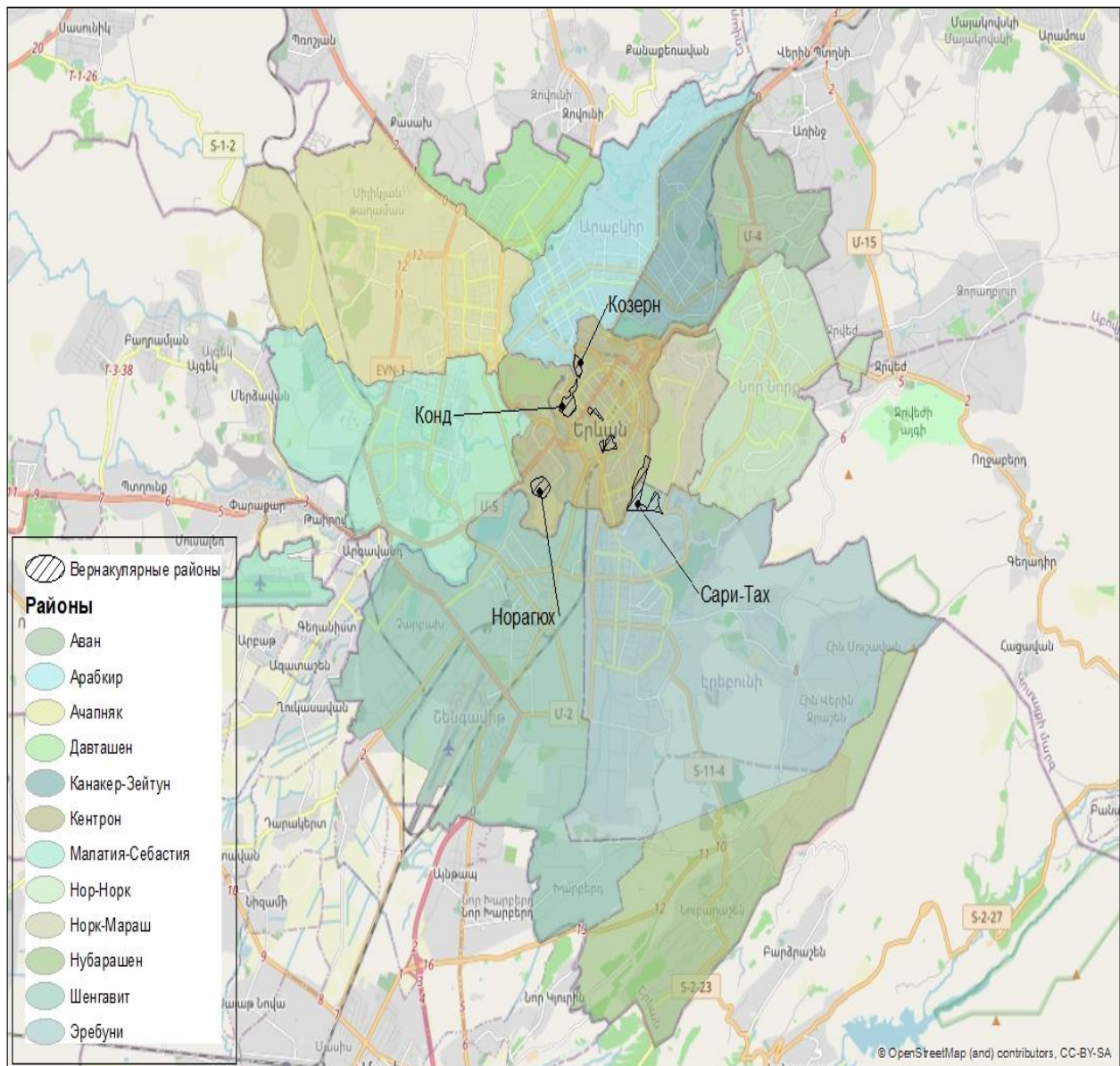

Рисунок 14 - Современные административные и вернакулярные районы города Ереван (составлено автором)

Административный район Ачапняк (от слова "Ач" - правый). Состоит из многих микрорайонов, но для населения "Черёмушка".

Административный район Аван - Первоначально древняя деревня на холме на северо-восточной окраине Еревана. Аван был заселен с дохристианских времен и был центром отколовшейся провизантийской Армянской церкви (до XIII в.). Для населения - "Массив" или просто "Аван".

Административный район Арабкир (название взято из Западной Армении, где до сих пор есть такой город, и район в Турции (этимологически восходит к «араб» и «гир»- войти). В Ереване был основан в 1925 г., где началось строительство новых поселков под Ереваном. Один из самых густонаселённых административных районов. (В Арабкире есть небольшая община молоканов). В районе много микрорайонов, но население называет только "Арабкир".

Административный район Давташен. Он входил в состав новообразованного Шаумянского района на северо-западе Еревана, в 1939 году был переименован в Давташен по случаю 1000-летия национального эпоса «Давид Сасунский». Население называет так, как и есть, "Давташен".

Административный район Эребуни. На территории района находятся руины древнего города Эребуни, от которого произошло название всего Еревана. Эребуни неофициально разделён на множество микрорайонов и поэтому в населении есть такое же множество названий. Например, если необходимо поехать на кладбище, то называют район Тохмах, если в др. какой-нибудь район, то - Нор-Гюх (новая деревня) и т.п.

Административный район Малатия-Себастья. В 1925 году выжившие после геноцида в Западной Армении жители исторического города Малатья (сегодня в Турции) основали новое поселение Малатия. Это было поселение сельского типа с собственными домами, огородами, садами. По словам одной из жительниц этого района Еревана, когда на месте их дома с плодоносным садом построили хрущевку, то её отец получил инфаркт. В 1927 году поселение Себастья было построено к северу от Малатии, главным образом, пострадавшими от геноцида в историческом городе Себастья (нынешний Сивас в Турции). В 1996 году Малатия и Себастья были объединены в один район. У населения этот район прозван - "Бангладеш". Он был настолько необустроен и очень далек от центра, что название соответствовало образу бедной азиатской страны. В настоящее время, хотя район очень благоустроен, он по-прежнему носит это название, подтверждая значительную инерцию топонимов, даже народных, по отношению к меняющимся общественно-географическим форматам.

Местные старожилы рассказывают следующий анекдотический случай, который был основан на реальной истории. В советское время все жалобы от населения посылались в Москву. И однажды женщина, написав жалобу такого содержания: "Моей семье выделяют квартиру в Бангладеш, но это очень далеко от центра, помогите с этим вопросом", получила официальный ответ от чиновника из Москвы: "Вас никто не может заставить жить за границей".

Административный район Нор-Норк. Община Нор-Норк образовалась в 1966 году. Это самая высокая точка столицы. В этом районе расположены не только многоквартирные дома с замечательной инфраструктурой, но и много специализированных и научных учреждений. К району примыкают неформальные микрорайоны, один из которых Джрвеж (само поселение упоминается в V веке и означает "водопад"), который может напоминать Рублёвку, так как там построены элитные дома, казино, рестораны и т.п. У населения Нор-Норк ассоциируется с Джрвежем.

Административный район Норк-Мараш. Название района происходит от окрестностей Еревана Норк и древнего района Мараш в Турецкой Республике. Район граничит с центром города, в основном здесь расположены дома с участками, есть санатории. В народе носит название - Беверли Хиллз.

Административный район Нубарашен. Он расположен примерно в 7 км к юго-востоку от центра Еревана, полностью изолирован от города. У этого района интересная история. После советизации Армении Армянский всеобщий благотворительный союз (АВБС) стал единственной диаспорской организацией, которой было разрешено действовать в пределах Армянской ССР. Основная цель проекта была направлена на репатриацию армянских семей, переживших геноцид армян и рассеявшихся по всему Ближнему Востоку и Европе. Нужны были вложения для строительства и т.п. Диаспора со всего мира вкладывала деньги, но больше всех пожертвовал на проект Погос Нубар (100 000 долларов). Название поселения менялось на протяжении многих лет - Советашен (советский город), Орджоникидзевский район, но, в конце концов, район получил свое исконное наименование в честь основателя и мецената - Нубарашен.

Административный район Шенгавит. Это один из самых малонаселенных районов города. Дело в том, что Шенгавит - один из высокоиндустриальных районов Еревана, со множеством крупных заводов и фабрик. Знаменит этот район тем, что в нем находятся - Пантеон, парк Комитаса и музей Комитаса. В него входят много микрорайонов (кварталов), один из которых называется "Чарбах" или "Ерордмас" (Третий участок). И именно так население называет район Шенгавит в обиходе.

Происхождение названия «Чарбах» местные жители объясняют следующим преданием. Два очень богатых человека имели свои собственные виноградники. На них работали местные и пришлые бедняки, но все равно средств на жизнь не хватало, поэтому они подрабатывали еще и в кожевенной мастерской и на винокурне. По вечерам, вернувшись домой, усталые от изнурительной работы, они жаловались: «Чаре, чаре мер бахты» - «О, злая наша судьба». Поэтому село стало называться Чарбах – «злая судьба», где чар – «зло»; бахт – «судьба» (арм.). Топоним переводится с персидского, как «четыре сада», так как в этом селе был большой загородный сад прямоугольной формы, как бы состоящий из четырех частей. "Шенгавит" в переводе - "шен" - строить, делать. "Гавит" - на диалекте - район, местность.

В советское время вообще считалось, что это заводская окраина города (слободка), там живут сельские жители (слободка), которых ни во что не ставили жители Центра. После 90-ых годов ситуация изменилась и это противоречие отпало.

Административный район Канакер-Зейтун. В советское время они были отдельными районами. "Канакер" был большим селом (основан в XV -XVI веках). Происхождение названия села до конца не выяснено. Есть предположение, что название связано с легендой, согласно которой село основали сын Ноя Хам (по-армянски - Кам) и его сестра (по-армянски - куйр или кер), а село изначально назвалось Камакер. Более похожая на истину версия такова: по преданию село основал некий ишхан Канан, у которого была красавица сестра, поэтому село получило название Кананакуйр или Кананакер.

"Зейтун" (Имя арабского происхождения от «зайтун» - оливковое дерево). Зейтун был основан в 1946 -1948 гг. репатриантами из Ливана, Сирии, Египта, Ирана, Ирака и Греции.

В связи с бурным развитием Еревана Канакер и Нор Зейтун ("нор" - новый) стали частью столицы Армении. После обретения Арменией независимости Канакер и Зейтун были объединены под одним общим названием Канакер-Зейтун.

В обиходе Зейтун называют – Райком т.к. в советское время там находился Районный Комитет.

Административный район Кентрон (в пер. «центр») - один из центральных районов Еревана. Он включает в себя деловой центр города. Этот район - квинтэссенция столицы. Все театры, музеи, вузы, памятники великих армян, супермаркеты, сады, парки, проспекты, библиотеки, кинотеатры, Матенадаран, Национальная галерея, площади находятся в этом центре Еревана. В советское время Кентрон в большинстве своем заселяли видные деятели культуры и науки. Район считался самым престижным. Это был город в городе. Поэтому население называло Кентрон - Кахак, что означает город. До сих пор ереванцы говорят: "Надо пойти в город", "Может, спустимся в город?" и т.п.

Отдельно отметим вернакулярные районы (в Ереване это скорее островки), в историко-культурном смысле наследующие традиционные формы жизненного обустройства старого Еревана.

Ещё в начале XX века в городе было менее 30 тысяч жителей. Как уже отмечалось, геоэтнологический феномен Еревана связан с усилением моноэтничности в процессе урбанизации. Характерный стиль отношений, своя очень плотная среда, традиционная и консервативная начала формироваться с 60-х гг. XX в.

Современная застройка Еревана очень плотная и хаотичная. Аутентичные островки народной вернакулярной архитектуры расположены внутри этой застройки и сохранили спонтанную планировку по принципу лабиринта.

Вернакулярная застройка Еревана – это, как правило, индивидуальные жилые здания периода 1830-х – 1950-х гг., созданные без участия архитектора в рамках устойчивых местных традиций (до 1920-х гг. – в условиях мультикультурного города,

армянско-русско-тюркско-персидских взаимодействий) и общепринятых на момент постройки строительных технологий.³⁰⁰

Вернакулярная среда служит «соединительной тканью» между геоисторическими слоями Ереванского палимпсеста. Причем это выражается не только в сохранении материального культурного наследия, но и форм культуры укорененности в городском пространстве, специфическом образе жизни и, таким образом, геозтосе Еревана.

Основные вернакулярные районы Еревана как характерные области бытовой культуры – это Конд, Старый Норк, Канакер, Старый Аван и микро-анклавы во внутриквартальных пространствах в центре города (см. рис. 15).

³⁰⁰ Иванов А. В. Вернакулярная архитектура Еревана XIX - середины XX в. Средовая ценность и необходимость сохранения // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016 С. 264–282.

Рисунок 15 - Вернакуляр в районе Кентрон (фото автора, апрель 2022 г.)

Вернакулярная среда Еревана выражает коллективистские традиции горожан – тесную связь между семейностью и соседством, ценность межличностной коммуникации в городском пространстве и взаимосвязь с естественным ландшафтом (через материальные компоненты среды). Это свидетельство самоорганизации городского образа жизни, выраженной через характерную архитектурную среду и связанную с ней бытовую культуру.

С нашей точки зрения, обозначенные вернакулярные районы Еревана относятся к пространству культурного наследия Армении и должны сохраняться согласно хартии по вернакулярному наследию (Charter on the Built Vernacular Heritage), ратифицированной в 1999 г. 12-й Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Мехико: «Адаптация и повторное использование вернакулярных построек должны выполняться в манере, сообразной с целостностью характера и формы постройки и в то же время совместимой с приемлемыми стандартами жизни. Там, где не было никакого перерыва в использовании вернакулярных форм, инструментом вмешательства может послужить кодекс этики, действенный в пределах сообщества». Заметим, что указанный кодекс этики, существующий в местном сообществе, и есть исследуемый нами геоэтологический компонент.

Завершая характеристику вернакулярных районов Еревана, сделаем следующее обобщение.

Процесс урбанизации в Армении и формирование крупногородской среды Еревана в 60-80-х гг. выразился в создании моноэтничного центра. Ереван стал центром общеармянской консолидации на мировом уровне. Этот процесс был практически неконтролируемым и имел геоэтнологический генезис. Он не привел к формированию интернационального центра, а стал именно процессом собирания армян. В итоге сложилась самоорганизованная общность армянской городской культуры, включившая в себя армян из разных регионов мира. И, хотя политика привлечения армянских репатриантов после Великой Отечественной войны продолжалась всего несколько лет, а политика интернационализации регионов была устойчивой практикой весь послевоенный период, этноментальная специфика социодемографического процесса в Ереване стала доминирующей. Это происходило

не из-за политического сопротивления интернационализации, а в результате естественного геоэтнологического процесса создания нового городского социума, который в процессе формирования своего оригинального стереотипа поведения и характерных геоэтологических структур отторгает иноэтнические компоненты.

Впервые за армянскую историю современный Ереван стал центром национальной культуры для всех армян мира. В прошлые исторические эпохи крупные армянские города, такие, как Двин, Ани, Карс, были центрами отдельных этнически армянских земель, но не главными центрами всей армянской культуры. Армяне как сетевая нация до сих пор сохраняют устойчивый опыт жизни в диаспоре, не ассимилируясь в иноэтнической среде и сохраняя свою самобытность. Таким образом, геоэтнологический процесс формирования этнического центра армян оказался мощнее социально-экономических процессов, протекающих в армянском этносе.

Вернакуляры Еревана как сохранившие бытовые районы представляют собой важный объект историко-культурного туризма в городе, удовлетворяющий запрос туристов на сохранившиеся пласты традиционной городской культуры армян.

В целом, репрезентация вернакулярных районов отражает современное городское пространство Еревана как центра мирового армянства, позволяющее увидеть в городе трансформацию традиционной застройки и связанного с ней образа жизни в крупногородскую среду национального центра.

Завершая раздел, посвященный аппликации теоретико-методологических наработок географического подхода к исследованию ментальности, применительно к ее идентификации на мезо- и микро-географическом уровнях в полиэтничной и моноэтнической средах, мы хотели показать как «прощупывается» география ментальности в этих геокультурных структурах. Безусловно, практикоориентированный потенциал общественно-географического анализа в сфере ментальности населения, этим не исчерпывается. В предлагаемой монографии акцент был сделан именно на теоретико-методологическую фокусировку проведенного исследования.

Заключение

Автор рассматривает свое исследование как пионерное в малознакомой области географии ментальности (которую мы отделяем от ментальной географии), это рекогносцировка, на которой позволительны «эскизность» в некоторых разделах и акцентирование на некоторых важных вопросах. В работе сознательно представлены географически разнородные примеры полигонов исследования, на которых можно показать возможности углубленного анализа. Последнее в первую очередь относится к Армении, так как именно здесь автор смог верифицировать предложенные схемы в моноэтническом пространстве на страновом уровне, не сталкиваясь с языковым барьером как за счет тотального распространения русского языка, так и благодаря работе переводчика.

В целом изложение оказалось гораздо более сжатым, чем то, которого заслуживала тема из-за фокусировки на географических возможностях исследования ментальности населения. Из-за этого пришлось исключить из книги ряд разделов историко-философского и геософского характера, которые опубликованы нами в отдельных работах, прежде всего, в авторской монографии³⁰¹ и ряде статей.³⁰² Эти разделы важны для понимания авторского подхода к концептуализации ментальности, но размывают географическую направленность предлагаемого исследования, поэтому были исключены из монографии.

³⁰¹ Любичанковский, А. В. Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований: монография / А. В. Любичанковский; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". - Оренбург : ОГУ, 2015. - ISBN 978-5-7410-1389-2. - 164 с.

³⁰² Любичанковский, А. В. Ноосферография как складывающееся научное направление / Любичанковский А. В. // Вестник Тамбовского университета, 2013. - Т. 18, № 3. - С. 1066-1069.
Любичанковский, А. В. Гипотеза возникновения пассионарного толчка / Любичанковский А. В. // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. - № 1. - С. 127-129.
Lyubichankovskiy, A. The contribution of the Russian imperial scientific and local lore societies to the scientific study of Central Asia = Вклад российских имперских научно-краеведческих обществ в научное изучение Центральной Азии / A. Lyubichankovskiy, S. Uderbaeva // Istoriya, 2019. - Vol. 10, Iss. 8. - 28 с.

Любичанковский, А. В. Взаимодействие различных способов освоения человеком действительности и его возможная динамика / Любичанковский А. В., Любичанковский В. А. // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. - № 1 (150). - С. 37-41.

Терминологическая структура, позволяющая охарактеризовать ментальность как культурно-географическое явление выстраивается нами на основе содержательного разграничения ментальной географии и географии ментальности, а также терминологического обоснования этологической географии, интегрируемой нами в предметно-объектный контекст культурной географии.

Существуют разные варианты названия географического подхода, исследовательское поле которого мы называем ментальной географией. Это и бихевиористская география, и география восприятия, и перцепционная география, и когнитивная география. В определенном дискурсе можно найти специфику употребления этих названий, однако, в общем, все они фокусируются на изучении пространственных различий в поведении человека и свойств пространственного восприятия в ментальности человека.

Сведение географического анализа поведения к пространственному поведению представляется неоправданным сужением темы, так как пространственность самого явления заключается и в различиях типов поведения (то есть проявление явления) в самом пространстве. Осознавая масштабность реализации такой задачи, на наш взгляд, целесообразно такое направление географического анализа отделить от ментальной географии, отделив тем самым свое специфическое исследовательское поле.

Эпистемологически ментальность связана с различными междисциплинарными подходами: истории, философии, филологии, социологии, психологии, культурологии, лингвистики и других. В географическом ракурсе исследований важно различение ментальных типов в географическом пространстве и пространственный уровень восприятия в самой ментальности, что и обуславливает использование понятия «ментальность» в географическом исследовательском поле.

Название «география ментальности» представляется не самой удачной формулировкой по отношению к направлению географической науки, которая бы занималась выявлением и отображением спецификации ментальных комплексов социума в географическом пространстве, в силу попадания в этот блок только части компонентов, составляющих содержание понятия «ментальность».

Итак, характеризуя современный этап как инфляционное содержательное расползание понятия ментальность/менталитет при многообразии выявленных детерминант мы подходим к необходимости вычленения специального понятия, в котором обнаруживается географическая реальность, пространственный ракурс исследования.

Разнообразие стереотипов поведения, нравов, темпераментов, обычаев и иерархии ценностей у различных общественных групп в разных регионах мира, как правило, очерченных по этническому или культурно-географическому признакам, связано с термином «этнос». Начиная с античности, сложилась исследовательская традиция размежевания в понятиях психических свойств природы человека, представляющих врожденные свойства личности – физис, и подверженную изменениям часть психики людей, выражающуюся в привычках, нравах, характерах, темпераменте и обычаях – этосе человека.

Этнос является составной частью ментальности, при этом проводит понятийно-терминологическую демаркацию между этосным как реально-должным, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком идеально-должного, сферой собственно морального (наподобие моральной географии И. Канта).

Таким образом, первоначальное понимание этоса как места обитания, обжитого пространства в его связи с характером человека, на наш взгляд обуславливает правомерность введения в научный географический оборот самого понятия «этнос». Более того, анализ ретроспективного использования этого термина антропологами XX века позволяет корректно применять его к феноменам образа жизни, иерархии ценностей, нравам и обычаям в обществе на разных пространственных уровнях.

По своей сути этнологическая география – это исследование ментальности в пространстве. Важная в общественно-географическом плане задача исследования пространства в ментальности не входит в задачи этнологической географии. Этнологическая география выражает собой географию ментальности, а не ментальную географию.

Ментальность в географическом пространстве может быть выражена в географической оболочке только через антропосферу как наивысший таксономический ранг пространственной организации человечества. Ментально-географическая организация общества в контексте нашего исследования – это определенная лакуна в культурно-географическом разрезе.

Одно из узловых понятий авторской геоэтологической концепции – геоэтос – рассматривается нами в качестве определенной формы выражения ментальности в географическом пространстве, возникающим в перекрестном взаимодействии территориальной организации культуры и геокультурного процесса.

Этос в географическом пространстве выступает в качестве контактно-установочной функции между компонентами геосистемы.

Геокультурная система, объединяющая под собой все обусловленные культурогенезом территориальные системы, интегрирует геоэтос как одну из составляющих геокультурного процесса (процесса пространственного саморазвития различных культурно-территориальных образований). Геоэтос выступает ни как самостоятельный компонент геокультурной системы, а именно как функция отношения между компонентами, обусловленными культурогенезом.

В свою очередь, культурный ландшафт и культурно-территориальная общность – варианты геосистем, структурирующих геокультурное пространство, выражают ментальность населения в определенном геоэтосе.

В целом, территориальная организация ментальности населения проявляется в геокультурной системе в двух взаимосвязанных процессах – через геоэтос (как функции отношений между компонентами территориальной системы, обусловленными культурогенезом) и в геокультурной обстановке (как способности территории к саморазвитию во взаимодействии с культурой).

Таким образом, представление об этосе как части ментальности в его связи с местом обитания человека интегрируется нами в предметно-объектный контекст культурной географии следующим образом. Геоэтос выражает мозаичность антропосферы через контактно-установочные функции компонентов геосистемы. Культурный ландшафт и культурно-территориальная общность выражают

ментальность населения в определенном геозтосе. Взаимосвязи между компонентами геозтоса можно рассматривать как внешний механизм взаимодействия территориальной организации ментальности с абстрактной моделью внутреннего механизма территориальной организации общества.

Для формирования и утверждения нового научного направления в географии, исследующего общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации ментальности населения, которое мы назвали этологической географией, большое значение имеет определение предпосылок. Предпосылки не только определяют направление научного поиска, но и сами являются предметом исследования, постоянно подвергаясь ревизии и пополняясь новыми основаниями. Безусловно, прежде чем формулировать какие бы то ни было научные суждения, необходимо проанализировать предпосылки других научных направлений, работающих в той же области. Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения образуют обосновываемое нами новое направление в общественной географии - этологическую географию. Концептуально это направление встраивается в географическую науку как стыковое, на пересечении хорологического, антропогеографического, географии человека и культурно-ландшафтного подходов, продолжая их методологические разработки для решения своих специальных задач.

Обосновываемое нами новое научное направление – этологическая география – во многом опирается на подходы, доминировавшие в первой трети прошлого столетия. В истории науки новый виток часто связан с ревизией прошлых подходов, который предшествующий этап некритично отвергает полностью из-за некоторых слабых сторон. Новая методология не требует теоретического переосмысления поведенческой географии, так как обосновывается нами как самостоятельное направление в общественной географии. При этом этологическая география имеет сходную интенцию с поведенческой географией, возникшей в середине 60-х гг. XX в. как альтернатива господствующему тогда позитивизму в пространственном анализе, и также отражает тенденцию в направлении гуманизации географии, трансформации ее в науку о людях, а не о местах. Важно отметить, что подобная трансформация не

убирает территориальность из географического исследования. Напротив, происходит методологическое усложнение, когда территория рассматривается как функция человеческой деятельности, а в человеческой деятельности определяется влияние территории и отражение пространства в культуре.

Этологическая география как наследница моральной географии И. Канта рассматривается нами как идиографическая ветвь географии, ориентированная на исследовательскую триаду «образ» - «уникальное» - «деятельность». Географическое исследование направлено не на саму ментальность, а на идентификацию различий ментальности от места к месту во взаимодействии с другими явлениями.

Ведущая научная традиция, позволившая рассматривать ментальность в географическом пространстве – хорологическая. Истоки этологической географии как самостоятельного направления географических исследований сформировались в антропогеографии и географии человека.

Этологическая география в своем исследовательском поле выходит на анализ взаимодействия ментальных аспектов организации культуры с базовыми компонентами ландшафта. Для этого она использует принципы антропогеографии и географии человека, которые в своих исследованиях стремятся выйти на географическую характеристику цивилизаций, понимая под последней геокультурное образование в определенном пространстве-времени. Рассматривая цивилизацию под ментально-географическим углом зрения как феномен поведения людей, сложившийся в характерный ментальный комплекс и подверженный геодинамике в своем витальном цикле, можно постулировать ментально-географический генезис динамики цивилизационных процессов и фрагментирования антропосферы.

Важнейшей теоретико-методологической конструкцией в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева в контексте нашего исследования стали представления о комплементарности, идентифицируемых на всех таксонах этнической системы, этнической доминанте и ментальности населения в иерархической последовательности: комплементарность (функция отношения) – совокупность традиций в этнической доминанте – стереотип поведения и обобщающий уровень –

ментальность. Этот конструкт был интегрирован нами в подход к идентификации ментальности в сложном географическом рисунке.

Культурная и историческая бихевиористская география использовала концепт «бихевиористская среда», или «среда восприятия», что позволило этногеографам характеризовать поведение людей, взаимоотношения между социальными группами и мир восприятий в различных регионах мира в различные эпохи. Ограниченная результативность этногеографической ветви исследований в мировом масштабе, с нашей точки зрения, связана с отходом от индигенности в интерпретации этничности и в перекосе в широкомасштабных исследованиях в противовес микрогеографическим.

Этологическая география заполняет феноменологическую лакуну в культурно-ландшафтных исследованиях и позволяет идентифицировать ядра специфической ментальности в географическом пространстве, проблематизируя соотношение пространственной организации ментальности к ландшафту.

Авторская геоэтологическая концепция позволила выявить пространственные формы, географическую структуру и иерархию ментальности.

Для структурирования нами географического пространства ментальности нами был введен термин геоэтос, под которым мы понимаем полиструктурную совокупность элементов и подсистем основных этологических компонентов общества, которые посредством соответствующих им макротипов социальных отношений проявляются на различных пространственных иерархических уровнях с их связями и взаимодействиями (как в пределах самой системы, так и с внешней средой). Таким образом, геоэтос - это взаиморасположение, взаимосвязи и взаимодействия пространственно выраженных элементов этоса, рассматриваемого как географическая система.

В качестве элементов и подсистем геоэтоса мы рассматриваем следующие его основные компоненты: связь с вмещающим ландшафтом; территориальную идентичность; геоэтнокультурную стратификацию; социально-территориальную иерархию общества; гендерные соотношения в общественно-географических процессах (территориальные отличия гендерных соотношений в общественно-

географических процессах и региональные особенности гендерной идентификации и восприятия гендерных ролей в обществе); пространственные мифологемы (ключевые представления о пространстве в геокультурной системе). С нашей точки зрения, это базовые предельные уровни геоэтоса, от которых возможны множество производных. Эти уровни позволяют рассмотреть геоэтос как интегрально-пространственную структуру всего общества. Свойства этих уровней - все охватывающая интегральность, континуальность, дифференцированность, разноуровневость (многовершинность), нестрогая и территориально неодинаковая иерархичность, с которой соотносятся другие компоненты по принципу производной.

Следует отметить, что предложенный подход – это не сведение инструментария этнологической географии к констатации заведомой соотнесённости конкретного ментального комплекса к той или иной геосистеме путем механической «нарезки» географической системы (ландшафт, зона, регион, страна, цивилизация) и заявляя о наличии у неё особой ментальности. Квинтэссенция географического исследования ментальности – это идентификация ментальности в сложном географическом рисунке, в котором необходимо с одной стороны выделить геосистемы, которые, действительно, оказываются в двусторонней взаимообусловленности с ментальностью, а с другой стороны – провести типологизацию внутри геосистемы, для оценки ее влияния на ментально-географические структуры. Так, физико-географическое влияние на ментальность не требует дробно-типологического подхода, а оказывает воздействия через предельные типизации на этнокультурную систему. Можно выделить горный, степной ментально-географический аспект в этнокультурной системе, а не холмисто-увалистый или типчаково-ковыльный. Помимо физико-географических аспектов существуют и другие, обобщенные нами в шести комплексных геоэтологических параметрах.

Таким образом, географическое структурирование этнологического пространства ментальности возможно через вычленение пространственной композиции элементов геоэтоса в его соотношении с основными структурами пространственной организации общества. Через посредство этих элементов реализуются требования структурной упорядоченности геоэтоса, характеризующиеся

континуальностью, освоенностью, компактностью конфигурации, изрезанностью границ, сетчатостью, линейностью, очаговостью, центричностью и сопряженностью соседства. Анализируя с предметно-содержательных позиций складывающегося научного направления – этнологической географии - пространственные формы геоэтноса, можно предложить методологическую схему вычленения ядер специфической ментальности путем наложения выявленных пространственных конфигураций (ареалов, зон, сетей и др.) по каждому картографически отображенному этнологическому компоненту.

В оценке культурного регионализма важно учитывать историко-географическое пространство со своей динамикой и подверженностью конструированию. Сверх этнической идентичности должна сохраняться/формироваться региональная идентичность. Используя инструментально-методические приемы географии ментальности, можно выделить следующие ментальные факторы культурного регионализма:

- историческая память населения, выражающаяся в существовании в ментальности населения пространственного образа региона и связанная с его распространением в определенных границах (выявление таких образов предполагает синтез исторического анализа с ментальной географией);

- восприятие региона местными (территориальными) сообществами не как заданного административно, а как историко-культурно сформировавшегося, что органично связано с самосознанием населения, артикулирующим или не артикулирующим соответствующую идентичность;

- связь с вмещающим ландшафтом, закреплённая традицией в каком-то преобладающем типе землепользования и находящая отображение в своеобразии традиционной архитектуры.

Исторически, огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое освоение и присвоение новых территорий на востоке требовали образования на линии «центр – периферия» новых центров, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение. В

регионах же, повторяя общероссийскую политическую и социально-экономическую конфигурацию, появляются и свой центр, и свои периферии. Если признать современную Евразию как геокультурную целостность не простым конгломератом народов и территорий, а сложной системой, включавшей в качестве элементов разнопорядковые с асимметричным статусом (от унитаризма до «имперского федерализма») регионы и народы, имеющие различные социально-экономические, политические и социокультурные характеристики, то необходимо будет изменить ракурс географического исследования культурного регионализма, который потребует существенного расширения тематики за счет теоретико-методологических наработок географии ментальности. Это позволит выяснить потенциал длительной устойчивости мультикультурных сообществ и определить управленческие технологии, способные эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру.

Опираясь на представленный нами теоретико-методологический аппарат этнологической географии, мы предлагаем методику выявления конкретных компонентов геоэтосов в реальном географическом пространстве. Базовой составляющей такой методики выступают традиционные социально-географические методы исследования, дополненные широким применением историко-географического подхода и современными подходами в области географического моделирования.

Учитывая зарождающийся характер этнологической географии, мы не предлагаем какую-то застывшую форму научного исследования, но опираемся на свой исследовательский опыт по выявлению основных компонентов геоэтоса на различных пространственных уровнях. Мы надеемся, что толчком к ускоренному развитию методики послужит рост географической информации, связанный с тем пластом исследований, который мы называем география ментальности. Необходимость научной организации исследований и создание эффективной системы методов вырастет из новых методических приемов и с решением ещё не решавшихся или оставшихся до сих пор нерешенными проблемами.

Мы предлагаем следующую методическую структуру, в которой используемые методы группируются в соответствии с решаемыми задачами.

В первом приближении методика выявления геоэтоса (этоса в географическом пространстве) - проводится вычленение основных компонентов в конкретной пространственно-временной обстановке. Дальнейшая разработка методики связана с исследованием настоящего состояния выявленного геокомпонента как результата его пространственно-временного развития. Осуществив этот методический принцип можно выходить на географическое моделирование выявленной картины, используя синтез полученного разнообразного фактического материала.

Предложенная методика выявления и характеристики ментальности, апробированна на различных территориальных уровнях. Нами проведена идентификация географии ментальности в полиэтничном и моноэтничном геопространствах (на мезо- и микро-географическом уровнях). В качестве модельных регионов были выбраны Урало-Каспийский полиэтничный регион и моноэтничный Ереван.

Обоснование нами геоконцепта «Урало-Каспийский регион» проведено с позиции географии ментальности (этологической географии). В этом регионе население не обладает выраженной региональной идентичностью, однако его культурно-географическая реальность существования подтверждается ретроспективным анализом ментальных факторов культурного регионализма, литературно-географической зафиксированностью в источниках, а также характерной геоэтологической спецификой, отличающей его от Уральского и Поволжского регионов.

Идентификация ментальности на микро-географическом уровне осуществлена нами через ментально-географическую репрезентацию вернакулярных районов Еревана. Репрезентация вернакулярных районов отражает современное городское пространство Еревана как центра мирового армянства, позволяющее увидеть в городе трансформацию традиционной застройки и связанного с ней образа жизни в крупногородскую среду национального центра.

В целом, можно говорить о своеобразном двуедином парадоксе: с одной стороны, этологическая география встраивается в парадигму культурной географии, предоставляя определенную возможность разработки этого исследовательского поля в качестве самостоятельного научного направления, а с другой стороны, – культурная география выступает как символ гуманизации, вдохновляя и мотивируя расширение традиционного исследовательского поля географической науки, в том числе за счет сюжетов этологической географии, выходящих по своей сути за ее проблематику.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев – М.: Мысль, 1983. – 328 с.
2. Андрианов, Б. В. Историко-культурные области / Б.В. Андрианов Альфреда Шюца // Народы мира. Историко-этнографический справочник. - М.: Советская энциклопедия, 1988. – 625 с.
3. Андрианов, Б.В. Неоседлое население мира / Б.В. Андрианов - М.: Наука, 1985 280 с.
4. Андрианов, Б.В. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования / Н.Н. Чебоксаров, Б.В. Андрианов // Советская этнография. - 1972. - № 2.
5. Анимица. Е.Г. Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений / Е.Г. Анимица., М.Д. Шарыгин // Географический вестник. - 2013. - № 1. - С. 4-12.
6. Ануфриев, Е. А. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен / Е. А. Ануфриев, А. В Лесная // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27; № 4. С. 28–44.
7. Анчел, Е. Этнос и история / Е Анчел // М., 1988
8. Архитектура и Проектирование: Справочник. – Режим доступа: <http://arx.novosibdom.ru/node/2445>
9. Атлас Оренбургской губернии с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П.И. Рычкова. 1755 года – Оренбург, ООО «Димур». - 2007.
10. Бакланов, П.Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2014. - № 1 (9).
11. Бакланов, П.Я. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований / П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей // Изв. РАН. Сер. географ. – 2004. – №4. – С. 27-34.

12. Барт, Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы / Ф. Барт // М.: Новое издательство, 2006. 200 с.[Barth (ed.), 1969].
13. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок // Пер. с фр. - Таллин: Ээстираамат, 1983. - 184 с.
14. Бромлей, Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность / Ю.В Бромлей - М.: Наука, 1987.
15. Бугров, К.Д. Соцгорода Большого Урала / К.Д. Бугров // Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. - 472 с.
16. Бурдьё, П. Структуры, Habitus, Практики / П. Бурдьё // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. – С. 18.
17. Веденин, Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия / Ю.А. Веденин // География в школе. – 2006. - №8. – С.15-21.
18. Вундт, В. (2002) Психология народов. / В. Вундт // М.: Изд-во Эксмо; СПб.: TerraFantastica.
19. Чибилев, А.А. Географический атлас Оренбургской области. Научный редактор и составитель / А.А. Чибилев - М.: издательство ДИК, 1999. – 96 с. – С. 88-89.
20. Герасименко, Т. И. Этногеографический атлас Оренбургской области / Т. И. Герасименко, Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2015. 80 с.
21. Герасименко, Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье историко-этнографический и этногеографический аспекты: монография / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. // – Тольятти, 2009. – 211 с.
22. Герасименко, Т.И. Трансграничные регионы / Т.И. Герасименко // Гуманитарная география. – М.: Институт наследия, 2004. - С. 343-346.
23. Геттнер, А. География, ее история, сущность и методы / А Геттнер - М.: Юрайт, 2019. 313 с.
24. Голд, Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии: Пер. с англ. / Авт. предисл. С. В. Федулов / Дж. Голд - М.: Прогресс, 1990. - 304 с.

37. Добросмыслов, А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / А.И. Добросмыслов - Т.1-2. Оренбург: Губ. типография, 1900.

38. Дружинин, А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ / А.Г Дружинин - Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.

39. Дружинин, А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. / А.Г. Дружинин - Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 228 с.

40. Дружинин, А.Г. Теоретические основы географии культуры / А.Г. Дружинин - Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1999. - 151 с.

41. Дружинин, А. Г. Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) / А. Г. Дружинин // Научная мысль Кавказа. – 2014.– № 3 (79). – С. 58-66.

42. Дубов, И. Г. (1993) Феномен менталитета: психологический анализ / И. Г. Дубов // Вопросы психологии. № 5. С. 20–29.

43. Замятин, Д.Н. Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ / Д.Н. Замятин // Восток. – 2002. – № 1.

44. Замятина, Н. Ю. Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 339–340.

45. Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С.12-18.

46. Замятина, Н.Ю. Поведенческая география / Н.Ю. Замятина, И.И. Митин. Большая российская энциклопедия. - Режим доступа: <http://bre.mkrf.ru/geography/text/3147409>

47. Иванов, А. В. Вернакулярная архитектура Еревана XIX - середины XX в. Средовая ценность и необходимость сохранения / А. В. Иванов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016 С. 264–282.
48. Исаченко, А.Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов / А.Г. Исаченко – М., «Академия». – 400 с.
49. Исаченко, А.Г. Экологическая география России. Санкт-Петербургский государственный университет / А.Г. Исаченко - СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2001. - 328 с.
50. Ишмуратов, Б.М. Региональное природопользование и география будущего / Б.М. Ишмуратов, Л.А. Безруков, А.В. Гаращенко // География и природные ресурсы. 2004 № 2 С. 19.
51. Каганский, В.Л. Евразийские регионы и евразийские образы регионов / В.Л. Каганский // Русский Архипелаг, сетевой проект Русского мира [электр.]. - Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/kaganskiy/region/
52. Каганский, В.Л. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Статья первая. Евразийство как позиция. Статья вторая. Правда евразийства? / В.Л. Каганский // Общественные науки и современность. - 2003. - № 4, № 5.
53. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В.Л. Каганский // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. М., 2009. № 1. С. 62–70.
54. Каганский, В.Л. Материалы к словарю гуманитарной географии / В.Л. Каганский // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. – Вып. 6. – М.: Институт Наследия, 2010. –368 с. – С. 256-260.
55. Калуцков, В.Н. Ландшафт в культурной географии / В. Н. Калуцков // Новый хронограф, 2008. 320 с.
56. Калуцков, В.Н. «Имя» в географии: от топонима – к геоконцепту / В. Н. Калуцков // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016;(2):100-107. – Режим доступа: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-100-107>

57. Калуцков, В.Н. Геоконцепты в географии / В. Н. Калуцков // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
58. Козлов, В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем / В.И. Козлов - М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1994. - 230 с.
59. Колосов, В.А. Типы новых российских границ / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Изв. РАН. Сер. географ. – 1999. – №5. - С. 39 – 47.
60. Колосовский, Н.Н. Теория экономического районирования / Н.Н. Колосовский - М. 1969. – 200 с.
61. Кочетков, В. В. (2002) Психология межкультурных различий / В. В. Кочетков. - М.: ПЕР СЭ.
62. Крищонас, В.-Р.Л. Геоисторическая парадигма и районирование мира / Крищонас В.-Р.Л. // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 13. Проблемы общественной географии. М., 1993. - С.95-113.
63. Крубер, А.А. (1871-1941). Общее землеведение [Электронный ресурс]. Ч. 3: Био- и антропогеография / А.А. Крубер // Москва, [1923] (2015). IV, 404 с.: карт. - Режим доступа: <https://elibrigo.ru/safe-view/123456789/233111/1/0JPQtdC+0LPRgC4xNzEucGRm>
64. Крылов, М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России / М. П. Крылов // Социологические исследования. - 2005г., N 3.
65. Крылов, М.П. Региональная идентичность (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. - Вып. 2. - М.: Институт Наследия, 2005. – С. 356-360.
66. Крылов, М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов - М., Новый хронограф, 2010 - 240 с.
67. Крылов, М.П. Российская региональная идентичность: геопространственные и цивилизационные аспекты / Крылов М.П. // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин - Вып. 3. М. П. Крылов - М.: Институт Наследия, 2006.

68. Лавренова, О. А. Перцепционная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география. Вып. 5. /О.А. Лавренова - М.: Институт Наследия, 2008. С. 260–264.
69. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.В. Петухова / Л. Леви-Брюль. - М: Изд-во МГУ, 1980. С. 130-140.
70. Левин, М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области / М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. 1955 № 4 С. 3–17.
71. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.
72. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
73. Литературная география России: атлас-справочник / Русское географическое общество; научные редакторы Ю. А. Веденин, В. Н. Калуцков. - Москва: Издательство Московского университета, 2022. - 295 с.
74. Лурье, С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов /С.В. Лурье – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
75. Любичанковский, А. В. Ментальные факторы культурного регионализма // Социально-экономическая география /А. В. Любичанковский // Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2018. - № 7. - С. 161-172.
76. Любичанковский, А. В. Эпистемологические основания географии ментальности /А. В. Любичанковский // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. №6. - С. 218-232.
77. Любичанковский, А.В. Взаимодействие различных способов освоения человеком действительности и его возможная динамика /А. В. Любичанковский, В.А.Любичанковский // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. - № 1 (150). - С. 37-41.

78. Любичанковский, А.В. Этнологическая детерминанта локализации террористической опасности в мире /А. В. Любичанковский // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. – С. 153-158.

79. Любичанковский, С. В. Урало-Кайспийский регион как историко-географический феномен (XVI- начало XX вв.) / С. В. Любичанковский, А. В. Любичанковский // Самарский научный вестник, 2017. - Т. 6, № 1 (18). - С. 104-108.

80. Любичанковский, А. В. Гипотеза возникновения пассионарного толчка / А. В. Любичанковский // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. - № 1. - С. 127-129.

81. Любичанковский, А. В. Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований: монография /А. В. Любичанковский // М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". - Оренбург : ОГУ. - 2015. - 164 с.

82. Любичанковский, А. В. Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований: монография / А. В. Любичанковский; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". - Оренбург : ОГУ, 2015. - ISBN 978-5-7410-1389-2. - 164 с.

83. Любичанковский, А. В. Ноосферография как складывающееся научное направление / Любичанковский А. В. // Вестник Тамбовского университета, 2013. - Т. 18, № 3. - С. 1066-1069.

84. Любичанковский, А. В. Пространственные формы этоса в этнологической географии /А. В. Любичанковский // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2020. - № 1 (9). - С. 37-49.

85. Максаковский, В. П. Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: Книга для учителя / В. П. Максаковский – М.: Просвещение, 2006. – 407 с.: ил. – (Библиотека учителя. География).

86. Малиновский, Б. Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / Б.Малиновский // Пер. Утехин И.В. 2-е изд. испр. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005 184 с.

87. Манаков, А.Г. Основы культурно-географической регионалистики: учебное пособие для вузов / А.Г Манаков // – Псков: Изд-во ПГПУ, 2006. – 188 с. – С.13.

88. Маркес, Г.Г. Я здесь не для того, чтобы говорить речи / Габриэль Гарсиа Маркеса; перевод с испанского С. Маркова. – Москва: Астрель, 2013. – 157 с.

89. Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

90. Мезенцева Н.И. Гендерная география в Украине // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации (к 100-летию со дня рождения профессора Н. Т. Романовского) Geographicalsciencesinrealizationofsustainabledevelopmentstrategyinglobalizingworld (tothe 100th anniversaryofProfessorN.T.Romanovskij): материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–28 окт. 2012 г., Минск, Беларусь / редкол.: И. И. Пирожник (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 154-156.

91. Мироненко, Н.С. Страноведение: теория и методы: уч. Пособие для вузов / Н.С. Мироненко – М.: Аспект Пресс, 2001. – 268 с.

92. Митин, И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления / И.И. Митин // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1(49). С. 108-125.

93. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. Пер. с фр-го. М.: Прогресс, 1973.

94. Морозова, М.М. Литературно-географический регион и процессы мемориализации пространства (на примере Орловской области). Наследие и современность = HeritageandModernTimes / М.М. Морозова, В.Н. Калущков // 2019;2(1): 79–93.

95. Скопинцева, Т.Ю. Народная традиция как элемент культуры: монография / Т. Ю. Скопинцева - Оренбург: ОГУ, 2018. - 201 с.. - ISBN 978-5-7410-2285-6

96. Никитина, Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия

культур (электронная база данных) / Э. В. Никитина // Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит. наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в)

97. Николаев, В.А. Эстетическое восприятие ландшафта / В.А. Николаев // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1999. №6. С. 10–15.

98. Николаенко, Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социокультурного освоения территорий. Автореф. диссертации на соиск. уч. Степени доктора географ / Д.В. Николаенко // Наук. СПб., 1999.

99. Николаенко, Д.В. Районирование российской социо-культурной системы. / Д.В. Николаенко // Симферополь, 1998.

100. Николаенко, Д.В. Социо-культурные миры. Том 1: Пространственно-временная динамика социо-культурных систем // Константы: Альманах социальных исследований, 1998 / Д.В. Николаенко - Специальный выпуск I.

101. Николаенко, Д.В. Социо-культурные миры. Том 2: Пространственно-временная динамика буферных зон // Константы: Альманах социальных исследований, 1999 / Д.В. Николаенко // Специальный выпуск II.

102. Николаенко, Д.В., Николаенко Т.В. Эволюция российской социокультурной системы / Д.В. Николаенко // Симферополь, 1997.

103. Корнекова, С.Ю. Новые направления в общественно-географических науках / С.Ю. Корнекова, В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 107 с.

104. Орешкин, Д. (1991) Между Востоком и Западом. Размышления географа о роли и месте России / Д. Орешкин // Диалог. № 16 (ноябрь). - С. 74.

105. Правдухин, В. П. Яик уходит в море / В.П. Правдухин - Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978. - 479 с.

106. Прокопишина, Н. А. (2003) Факторы формирования национального менталитета России и США: компаративный анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. / Н. А. Прокопишина // Новочеркасск.

107. Пузанов, К.А. Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза. Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. геогр. наук. / К.А. Пузанов – М.: 2012.
108. Пушкарев, Л.Н. Что такое менталитет? Историкографические заметки / Л. Н. Пушкарев // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.
109. Рагулина, М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез / М.В. Рагулина // Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 171 с.
110. Ратцель, Ф. Народоведение / Ф. Ратцель. – СПб.: Просвещение, 1902 Т. 1 764 с.; Т.2 877 с. [Ratzel, 1885–1888]. Ратцель Ф. Земля и жизнь: Сравнительное землеведение / пер. с нем. СПб.:Изд-во Брокгауз-Ефрон. Т. 1, вып. 1–4. 1903–1905. 737 с.; Т. 2 1906. 730 с. [Ratzel, 1901–1902].
111. Ремнев А.В. Преодоление биполярных схем // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. – 496 с.
112. Рибер, А. Изучая империи / А. Рибер // Исторические записки. – 2003. – Т. 4. – С. 86-131.
113. Родоман, Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов / Б.Б. Родоман. – Смоленск: Ойкумена. – 2007. – 368 с.
114. Савельева, И. Социальные представления о прошлом / И. Савельева // Интернет-журнал ПостНаука – Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/25297>
115. Семенов – Тян-Шанский В.П. Район и страна. 2-е изд., стереотип / В.П. Семенов – Тян-Шанский. - М.: Пеликан, 2017. 314 с.
116. Синицкий, Л.Д. Лекции по землеведению (антропогеография) / Синицкий, Л.Д. 1915. – Режим доступа: <https://cnbdvorep.elpub.ru/xmlui/handle/123456789/581>
117. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Составитель - Мичурин В.А. Под редакцией Л. Н. Гумилёва. - Л. Н. Гумилев. Этносфера: история людей и история природы, М.: Экопрос, 1993, стр. 493-542. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/MVA/mva09.htm>

118. Смирнов, Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40е гг. XVIII века / Ю.Н. Смирнов // Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1997. 187 с.

119. Современный философский словарь / [Азаренко С. А. , Андрианов В. М. , Анкин Д. В. и др.] ; под общ.ред. В. Е. Кемерова. М. : Академический проект , 2004 , 861 с., 3-е изд., испр. и доп.

120. Сорокин, П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика / П. Сорокин. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998.

121. Мартынов В. Л. Социально-экономическая география современного мира: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. - М : Издательский центр «Академия», 2010 - 256 с.

122. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с. – С. 292-293.

123. Сравнение стран по измерениям Хофстеде [Электронный ресурс]: сайт Герта Хофстеде: интернет-сайт - режим доступа: <http://geert-hofstede.com/countries.html> (дата обращения 14.07.2022).

124. Чибилев, А.А. Степные шедевры. Антология. /А.А. Чибилев. - Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство», 2009. – 320 с.

125. Стрелецкий, В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы культурной географии / В.Н. Стрелецкий // Известия РАН. Сер. Географическая. 2002. №4. С.18–28.

126. Стрелецкий, В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации / В.Н. Стрелецкий // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. - с. 48–78.

127. Стрелецкий, В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов / В.Н. Стрелецкий // - Псковский регионологический журнал. 2012. №14.

128. Стрелецкий, В.Н. Регионализм как феномен культуры / В.Н. Стрелецкий. - Региональные исследования. 2011. – № 3 (33). – С. 45–50.

129. Стрелецкий, В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. / В.Н. Стрелецкий. - М.: Изд-во МГТУ, 2011. Глава 2.6. С.146–176 (авторская глава в коллективной монографии).

130. Стрелецкий, В.Н. Социо- и этнокультурные факторы регионального развития России. Культурный регионализм как регулятор функционирования российской социально-экономической Системы // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Монография. Отв. ред. чл.-корр. РАН Р.С. Гринберг, д.э.н. проф. П.В. Савченко. / В.Н. Стрелецкий. - М.: Инфра-М, 2018. С.99-142 (авторская глава в коллективной монографии).

131. Суций С.Я. Очерки географии русской культуры / С.Я. Суций, А.Г. Дружинин. - Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 1994. – С. 10.

132. Тавадов, Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. - М., 2011.

133. Тархов, С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы / С.А.Тархов // Регион. Исслед. 2013. № 3. С.9-13.

134. Тишков, В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. - М.: Наука, 2003 544 с.

135. Ткаченко, А.А. Некоторые элементы общей теории территориальной организации общества / Социально-экономическая география: традиция и современность / Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова / А.А. Ткаченко. – М. – Смоленск: Ойкумена, 2009. – 347 с.

136. Ткаченко, А.А. Альфред Геттнер и российская география / А.А. Ткаченко, Э.Л. Файбусович // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология. 2008. Вып. 4. С. 2–23.

137. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А.Тойнби. - М. – СПб., 1995.

138. Топоров В. Н. Петербург и «Петербург и петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. - М.: Прогресс-Культура, 1995. - 214 -273.

139. Трейвиш, А.И. Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геоэстрановедения / Трейвиш А.И. // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов, № 5, с. 4-16
140. Трофимов, В. К. (2001) Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. / В. К. Трофимов. - Екатеринбург.
141. Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докл. науч. конф. / О. Г. Усенко - М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. – С.3-7.
142. Файбусович, Э. Л. Современная парадигма и развитие новых направлений социально-экономической географии. Автореф. на соиск. уч. степени докт. географ. наук. / Э. Л. Файбусович. - СПб., 1997.
143. Хаггетт П. География: синтез современных знаний / П. Хаггетт. - М., 1979.
144. Чибилёв А.А. Бассейн Урала: история, география, экология / А.А. Чибилёв. - Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 312 с. - С. 49 – 54.
145. Шарыгин М.Д. Общественная география: контуры будущей науки / М.Д. Шарыгин // Географический вестник. 2014. №1 С. 20-28.
146. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. / О.Шпенглер. - М., 1993.
147. Шпилькин Ю. И. Евразийский менталитет. / Ю.Шпилькин. - М., 2013. 242 с.
148. Штарк В. Физическая география в Кёнигсбергском университете: Карл Генрих Раппольт и Иммануил Кант // Кант и Кенигсберг : [сборник] / [сост. и гл. ред. В. П. Лебедев-Шапранов]. / В. Штарк - Калининград : Кладезь, 2005 - 169 с.
149. Юм Д. О национальных характерах / Д. Юм - СПб., 1992.
150. Adickes, E. Untersuchungen zu Kants physischer Geographie. Tübingen, / E. Adickes // 1911.
151. Adrian, H. Stadtalsschöne gestalt wächst die identification der bewohner, wenn sie sonist? / H. Adrian, U. Pfannschmidt / Mitt.d.tsch. Acad. Stadtebau und Landesplan. 1987. Vol. 31. No. 1

152. Bateson, G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, evolution, and Epistemology / G. Bateson // New York: Ballantine Books, 1972 535 p.
153. Benedict, R. Patterns of Culture. / R. Benedict // Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1934 260 p. – p.36-37.
154. Board, C. Maps in the mind's eye: maps on paper and maps in the mind / C. Board // Progress in human geography. 1979. Vol. 3. No.3.
155. Brookfield, H.C., 1962. Local study and comparative method: an example from Central New Guinea. «Annals, Association of American Geographers 52», / H.C. Brookfield // p.242–254.
156. Brookfield, H.C., 1964. Questions on the human frontiers of geography. / H.C. Brookfield // «Economic Geography40», p.283–303.
157. Brookfield, H.C., 1969. On the environment as perceived. In: C. Board et al. (eds.). / H.C. Brookfield // «ProgressinGeography 1», p.51–80.
158. Claval, P. Géographieculturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. / P. Claval // – Paris: Armand Collins, 2003. -288 p.
159. Foucault, M. Questions on geography: Interview with the editors of “Herodote” // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / ed. by C. Gordon, 1972–1977. Brighton: / M. Foucault // - Harvester, 1980. P. 63–77.
160. Hofstede, Geert (2010). Cultures and organizations: software of the mind (Revised and expanded 3rd ed.) / Geert Hofstede // New York: McGraw-Hill. ISBN 978-0071664189.
161. Gould G. On mental maps. / G. Gould // Michigan Inter Univ. Community of Mathematical Geography. Discussion paper No. 9. Ann Arbor, 1966.
162. Gould G. People in information space: the mental maps and information surfaces of Sweden / G. Gould // Lund Studies in Geography. Ser. B. Human Geography. 1975. No. 42.
163. Gould, P 1974: Mental maps. Harmondsworth: Penguin Books / Classics in human geography revisited / P. Gould, // Progress in Human Geography 19,1 (1995) pp. 105-110.

164. Hartshorne, R. The Nature of Geography A Critical Survey of Current Thought in The Light of The Past. / R. Hartshorne // The Association Lancaster, 1939. The Nature Of Geography A Critical Survey Of Current Thought In The Light Of The Past: Richard Hartshorne: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive

165. Hoppe, Michael. An Interview with Geert Hofstede (англ.) // The Academy of Management Executive. / Michael Hoppe // . - 2004. - February (no. 18 (1)). – p.75-79.

166. Horowitz, D. Ethnic Groups in Conflict. / D. Horowitz // . - Berkley, etc., 1985

167. Jens, D.N. Someliterallyexamples of humanistic descriptions of places / D.N. Jens // . - Australian geographer. 1979. Vol. 14, № 4. – p. 209.

168. Kant, I. Kant's gesammelte Schriften. / I. Kant // . - Berlin, 1900 ff.

169. Kant, I. Physische Geographie. 2 Bde. Hrsg. von Friedrich Theodor Rink. / I. Kant // Königsberg: Gftbbels & Unzer, 1802.

170. Kitchin, R. M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction / R. M. Kitchin // Progress in Human Geography. 1996. Vol. 20. No. 1. P. 56–84.

171. Kollmorgen, W.M. Crucial deficiencies of regionalism / W.M. Kollmorgen // American Economic Review: Papers and Proceedings. 1945 Vol.35. P. 377–389.

172. Lefebvre, H. La production de l'espace. / H. Lefebvre // Paris: Anthropos, 1974. 512 p

173. Lewis, G.M., 1966. Regional ideas and reality in the Cis-Rocky Mountain West. /G.M Lewis // «Transactions, Institute of British Geographers 38», p. 135–150.

174. Lynch, K. Growing up in Cities: Studies of the Spatial Environment. / K. Lynch // P., 1977.

175. Lynch, K. What time is this place? / K. Lynch // Cambridge, Mass., 1971.

176. Lyubichankovskiy, A. Geography of Terrorism Monstrous Geographies: Places and Spaces of Monstrosity. 3 rd Global Conference / A. Lyubichankovskiy, A. Mihaylov // Lisbon, Portugal. May 2014.

177. Lyubichankovskiy, A. The contribution of the Russian imperial scientific and local lore societies to the scientific study of Central Asia = Вклад российских имперских

научно-краеведческих обществ в научное изучение Центральной Азии / А. Lyubichankovskiy, S. Uderbaeva // Istoriya, 2019. - Vol. 10, Iss. 8. - 28 с.

178. Lyubichankovsky, A. V. Role of mentality geography for studies on cultural regionalism [Электронный ресурс] / A. V. Lyubichankovsky // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences : International Scientific Conference "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism", 1-3 November 2018, Grozny, Russia / ed. by Bataev D. K.-S. - Electronic data. - Grozny, 2019. - . - P. 1317-1324

179. Malinowski, Bronisław (1929) The sexual life of savages in north-western Melanesia: an ethnographic account of courtship, marriage and family life among the natives of the Trobriand Islands, British New Guinea / Bronisław Malinowski // New York: Halcyon House.

180. Mark, D. M. Cognitive models of geographical space. / D. M. Mark, C. Freksa, S. C. Hirtle // . - Int. J. Geographical Information Science. 1999. Vol. 13. No. 8.

181. Mead, Margaret (1928) Coming of age in Samoa: a psychological study of primitive youth for Western civilisation / Margaret Mead. - New York: William Morrow & Co.

182. Pocock D. Environmental perception: process and product / D. Pocock // Tijdschrift voor Econ. & Soc. Geogr. 1973. No. 64.

183. Porter, P.W. 1975. The geography of utopia. In: D. Lowenthal, M.J. Bowden (eds.). Geography of the mind: essays in historical geosophy / P.W. Porter, F. Lukermann // (New York: Oxford University Press), p. 197–224.

184. Powell, J.M., 1971. Utopia, millennium and the cooperative ideal: a behavioral matrix in the settlement process. / J.M. Powell // «The Australian Geographer 11», p. 606–618.

185. Ratcel', F. Narodovedenie per. s nem. / F. Ratcel' // . - SPb.: Prosveshchenie, 1902. T. 1. 764 s.; T. 2. 877 s. [Ratzel, 1885 – 888].

186. Ratcel', F. Zemlya izhizn': Sravnitel'noe zemlevedenie / F. Ratcel' // per. s nem. SPb.: Izd-vo Brokgauz-Efron. T. 1, Vyp. 1–4. 1903–1905. 737 s.; T. 2. 1906. 730 s. [Ratzel, 1901–1902].

187. Sauer, K. The morphology of Landscape / K. Sauer // Univers. California. Publicat. Geography. 1924, Vol. II. P. 19–53.
188. Shluter, O. Die analytische Geographie der Kulturlandschaften am Beispiel der Brücken / O. Shluter // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, Sonderband, 1928. P. 388–411.
189. Tuan, Yi-Fu. Space and place: humanistic perspective / Yi-Fu Tuan // Progress in geography. 1974. Vol. 6. P. 211–252.
190. Tuan Yi-Fu. The City as moral universe / Yi-Fu Tuan // The geographical review. 1988. Vol. 12. № 1.
191. Tuan, Yi-Fu. Environmental psychology: a review / Yi-Fu Tuan // Geographical Review. 1972. Vol. 62. No. 2.
192. Tuan, Yi-Fu. Landscape of fear. / Yi-Fu Tuan // - N.Y., 1979.
193. Tuan, Yi-Fu. Man and nature / Yi-Fu Tuan // Association of American Geographers. 1971. Resource paper No. 10.
194. Tuan, Yi-Fu. Space and place. / Yi-Fu Tuan // L., 1977.
195. Tuan, Yi-Fu. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes and values / Yi-Fu Tuan // Morningside ed., with new preface by the author. N.Y.: Columbia University Press, 1990.
196. Wright, J.K., 1925. The geographical lore of the time of the crusades: a study in the history of medieval science and tradition in western Europe / J.K. Wright // New York: American Geographical Society.
197. Wright, J.K., 1947. Terrae incognitae: the place of imagination in geography. / J.K. Wright // «Annals, Association of American Geographers 37», p. 1–15.

Приложение А Использование литературно-географического подхода для выявления стереотипа поведения (на примере латиноамериканских литературных ландшафтов Г.Г. Маркеса)

Таблица А.1 - Структура ментальности Латинской Америки по литературным ландшафтам Г.Г. Маркеса

Структура ментальности	Элементы литературного ландшафта	Анализ
отношения между коллективом и индивидом	«В этом городе распоряжаются не бумаги»...«они основали деревню, размежевали землю, проложили дороги, сделали все, что надо было, и не беспокоили при этом никакое правительство, их тоже никто не беспокоил, ... он не жалуется на правительство, напротив, он рад, что им не мешали спокойно расти, и надеется, что так оно будет и впредь: не для того они основали Макондо, чтобы теперь первый встречный приказывал, как им поступать». [«Сто лет одиночества»]	Императив поведения, не признающий бюрократическую систему эффективной; Отсутствие централизации, большая роль не формальных лидеров и признании равноправными каждого из жителей, вне зависимости от социального статуса.

Продолжение таблицы А.1

Структура ментальности	Элементы литературного ландшафта	Анализ
отношения индивидов между собой, в том числе проявление пассионарности	Он искал, не щадя своих сил. С той же безумной отвагой, с которой Хосе Аркадио Буэндиа пересек горный хребет, чтобы основать Макондо, с той же слепой гордыней, с которой полковник Аурелиано Буэндиа вел свои бесполезные войны, с тем же безрассудным упорством, с которым Урсула боролась за жизнь своего рода, искал Аурелиано Второй Фернанду, ни на минуту не падая духом.[«Сто лет одиночества»]	Обильное проявление человеческих страстей. На примере романа «Сто лет одиночества» можно показать смещение интереса от деятельности на пользу общества к деятельности, направленной на собственное удовольствие, вплоть до гедонизма. Проявление многочисленных сексуальных связей между людьми разных возрастов, в том числе инцест. Пассионарность характеризует проявление различного рода фанатизма – стремление добиться любви одной женщины несмотря ни на какие преграды: ни возрастные, ни социальные, ни временные (Флорентина Ариса из «Любовь во время чумы»), ни пространственные, (Аурелиано Буэндиа из «Сто лет одиночества»), чрезмерность в проявлении гедонизма (Аурелиано Буэндиа), военная деятельность для удовлетворения своего самолюбия (полковник Аурелиано Буэндиа из «Сто лет одиночества»).

Продолжение таблицы А.1

Структура ментальности	Элементы литературного ландшафта	Анализ
отношения внутриэтнических групп между собой	"Да здравствует либеральная партия! Да здравствует победа федералистов, черт подери! Долой дерьмовых годо!" -- хотя в это пекло его увлекали не столько идеи федерализма, сколько первобытное любопытство уроженца плоскогорья, желание узнать, что такое море.[«Осень патриарха»]	Противопоставление жителей континентальной горной части и жителей побережья Карибского моря. Различие в отношении к традициям и восприятию действительности. Восприятие Г.Г. Маркесом (жителя побережья: «Карибское побережье, на котором мне посчастливилось родиться») населения континентальной части как более реакционной и консервативной. В целом ощущение этнокультурного многообразия как мозаичной целостности.

Продолжение таблицы А.1

Структура ментальности	Элементы литературного ландшафта	Анализ
отношения между этносами разных суперэтносов	- С тех пор как ввели цензуру, газеты пишут только о Европе, - сказал он. – Хорошо бы, европейцы приехали сюда, а мы бы отправились в Европу. Тогда каждый узнал бы, что происходит в его собственной стране. - Для европейцев Южная Америка – это мужчина с усами, гитарой и револьвером, - со смехом сказал врач, не отрываясь от газеты. – Они нас не понимают. [«Полковнику никто не пишет»] Когда появилась банановая компания, местные чиновники были заменены деспотичными чужеземцами, которых сеньор Браун поселил в электрифицированном курятнике, чтобы они наслаждались преимуществами своего высокого сана и не страдали от жары, moskitov и бесчисленных неудобств и лишений, выпадающих на долю тех, кто живет в самом городе. Место прежних полицейских заняли наемные убийцы с мачете. Банановая лихорадка уже поуспокоилась. Коренные жители Макондо обнаружили, что они оттерты на задний план чужеземцами, но, с трудом сохранив свои прежние скромные доходы, они все же испытывали радость, будто им посчастливилось спастись во время кораблекрушения. ... В городе, потрясенном вульгарностью, с которой чужеземцы расточали свои легко нажитые состояния, дом Буэндиа благодаря суровой руке Фернанды превратился в оплот отживших обычаев. Фернанда считала порядочными людьми только тех, кто не имел ничего общего с банановой компанией. [«Сто лет одиночества»]	Отделение себя от европейцев - признание органической связи с Европой, но не ощущение себя европейцами; североамериканцы (США и Канада) воспринимаются как геополитические враги с чуждой культурой.

Продолжение таблицы А.1

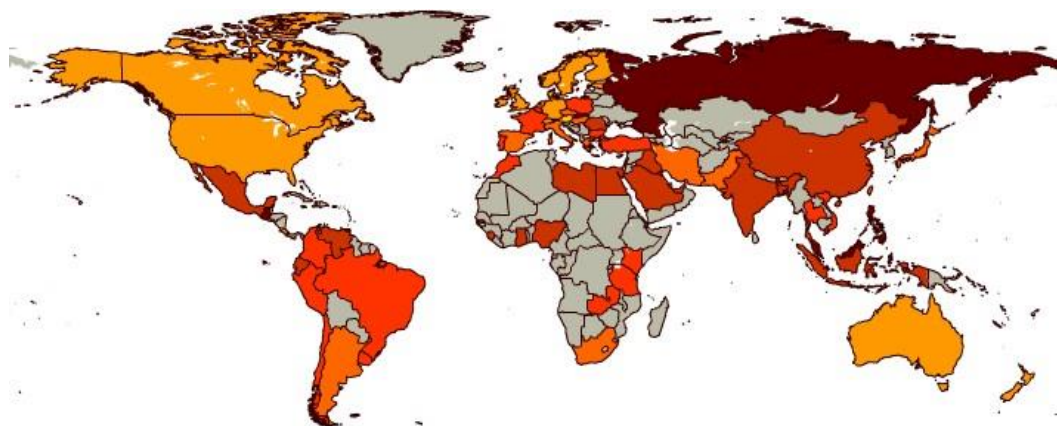
Структура ментальности	Элементы литературного ландшафта	Анализ
связь с вмещающим ландшафтом	Последующие дни были жаркими и бесконечно долгими. Река становилась все более бурной и узкой, заросли и деревья-колоссы, так поразившие ФлорентиноАрису во время первого путешествия, сменили выжженные равнины, где деревья были сведены и сожжены в паровых котлах, забытые Богом селения лежали в развалинах, а улицы, даже в самую жестокую сушь, тонули в жидкой грязи. По ночам их тревожило не пение сирен и не женские вопли морских коров на песчаных отмелях, а тошнотворная вонь плывших к морю мертвых тел. Уже кончились войны и не свирепствовала чума, а раздувшиеся мертвые тела все плыли и плыли. Капитан был сдержан: "Нам приказано говорить пассажирам, что это - случайно утонувшие". Вместо гомона попугаев и оглушительных обезьяньих скандалов, от которых, бывало, дневной зной казался нестерпимым, паровоз окружала пустынная тишина разоренной земли. ... Один английский путешественник начала XIX века, рассказывая о пятидесятидневном путешествии на каноэ и мулах, писал: "Это одно из самых скверных и неудобных путешествий, которое способен совершить человек". В первые восемьдесят лет парового судоходства путешествие перестало быть таким, однако утверждение это снова стало верным, и уже навсегда, после того как кайманы съели последнюю бабочку, исчезли морские коровы, пропали попугаи, обезьяны, селения - сгинуло все. - Ничего, - смеялся капитан, - через несколько лет мы будем ездить по высохшему руслу в роскошных автомобилях.[«Любовь во время чумы»]	Восприятие природы пронизано ощущением ее неистовости, необузданности. Провозглашается красота различных физико-географических типов: многообразие пейзажей и климатов от снежных гор и ледяных пустынь плоскогорья до непроходимых тропических лесов и болот, плотно закутанных в душливый, влажный зной. Отношение к вмещающему ландшафту связано с болью утраты минувшего облика. Уничтожение естественной природной среды воспринимается как непоправимое, что свидетельствует о развитом экологическом сознании.

Продолжение таблицы А.1

Структура ментальности	Элементы литературного ландшафта	Анализ
специфическое ощущение времени	- Скоро мне стукнет сто лет, я видел всякие перемены, даже светила перемещались во Вселенной, и только одного не видел - перемен в этой стране, - говорил он [Леон XII]. - И конституции новые принимают, и законы всякие, и войны начинаются каждые три месяца, а все равно - живем, как прежде, в Колонии. [«Любовь во время чумы»]	Характерен актуализм – ощущение времени, при котором за реальность человек признает только настоящее, а за главную жизненную ценность - собственное состояние (удовольствие, славу, успех и т.д.) в данный момент времени. Является частью эгоистического (хотя и позитивного) мироощущения. Люди такого типа появляются в акматической фазе, когда на смену бескорыстным, самоотверженным борцам начинают приходиться честолюбцы, стремящиеся к личному успеху. На смену подвижничеству постепенно приходит гедонизм, на смену накоплению ценностей - их растрата.³⁰³
	Тут она вспомнила, что так же ответил ей полковник АурелианоБуэндиа в камере смертников, и вновь содрогнулась при мысли, что время не проходит, как она в конце концов стала думать, а снова и снова возвращается, словно движется по кругу.[«Сто лет одиночества»]	
бытовые приметы	Очень скоро ФерминаДаса поняла, что день их прибытия в Вальедупар вовсе не был особенным днем, и что в этой плодородной провинции все дни недели были праздником. Путники засыпали там, где их заставала ночь, и ели там, где их настигал голод, ибо двери всех домов тут были открыты, и в каждом доме находился для них гамак, и похлебка из трех видов мяса всегда варилась на плите - вдруг кто-то прибудет раньше, чем телеграмма о его приезде, что в этих краях было обычным делом.[«Любовь во время чумы»]	Свидетельствуют о жизни колумбийского общества в XIX - XX веках. Бродячий певец выполняет традиционную миссию живой газеты, гаммы как атрибут жизни аристократии, гостеприимство, несмотря на многочисленные междоусобные войны, «человек не связан с землей, если в ней не лежит его покойник» - выражает некрокультуру, одновременное следование обычаям креольской, негритянской и индейской культур.

³⁰³Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Составитель - Мичурин В.А. Под редакцией Л. Н. Гумилёва. - Л. Н. Гумилев. Этносфера: история людей и история природы, М.: Экспрос, 1993, стр. 493-542.

**Приложение Б Ментально-географическая картина мира в "зеркале"
статистического анализа социологического опроса Г. Хофстеде
(индексы измерения ментальности³⁰⁴)**

Шкала показателей индекса

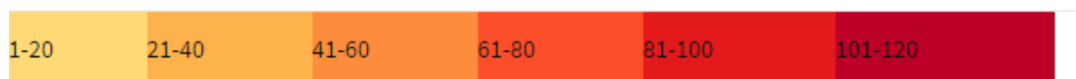
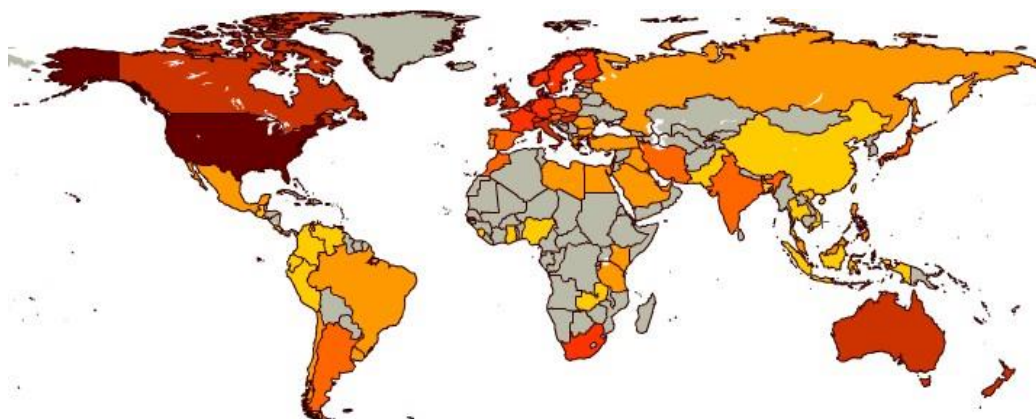

Рисунок Б.1 - Индекс Дистанции власти

³⁰⁴ Сравнение стран по измерениям Хофстеде [Электронный ресурс]: сайт Герта Хофстеде – интернет-сайт - режим доступа: <http://geert-hofstede.com/countries.html>. – 14.07.2022

Шкала показателей индекса

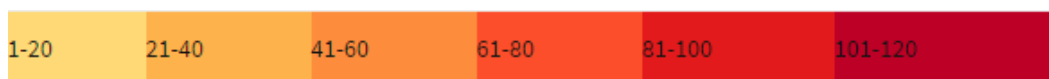
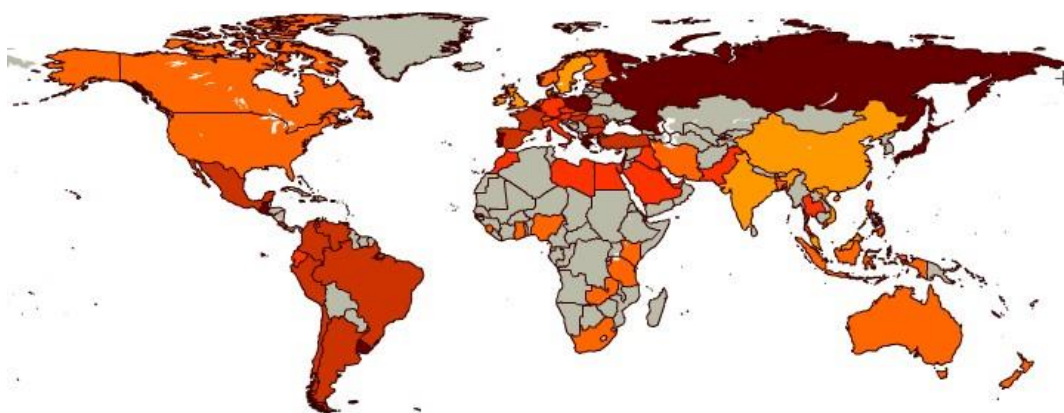

Рисунок Б.2 - Индивидуализм

Шкала показателей индекса

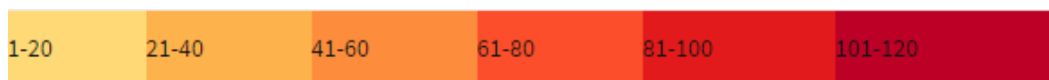
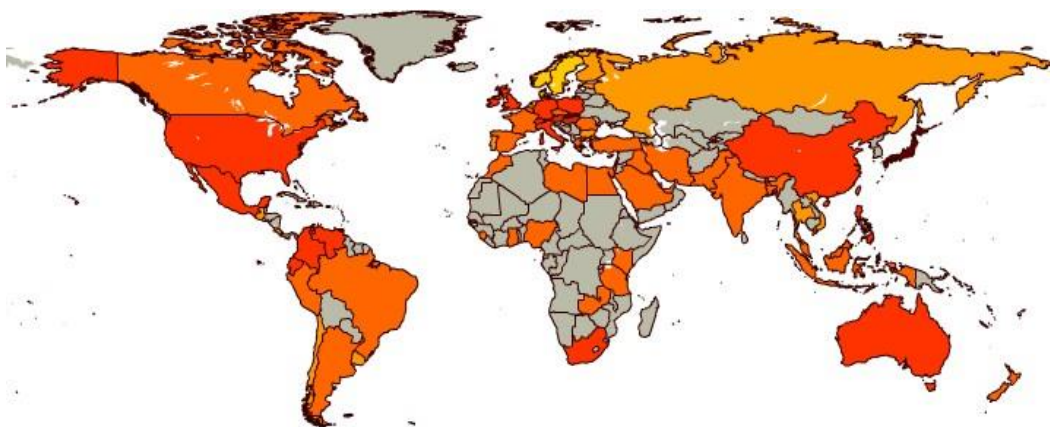

Рисунок Б.3 - Индекс Избегания неопределенности

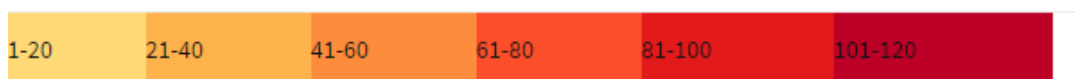

Рисунок Б.4 - Индекс «мужской» и «женский» тип ментальности

Проведем кластеризацию ментальных типов с целью последующего их картографирования в два этапа: по трем («классическим») и по шести показателям.

В ходе проведения кластерного анализа по 3 измерениям методом К-средних в ППП Statistica были чётко выделены 4 кластера. Об этом свидетельствует дендограмма (см. рис.Б.5).

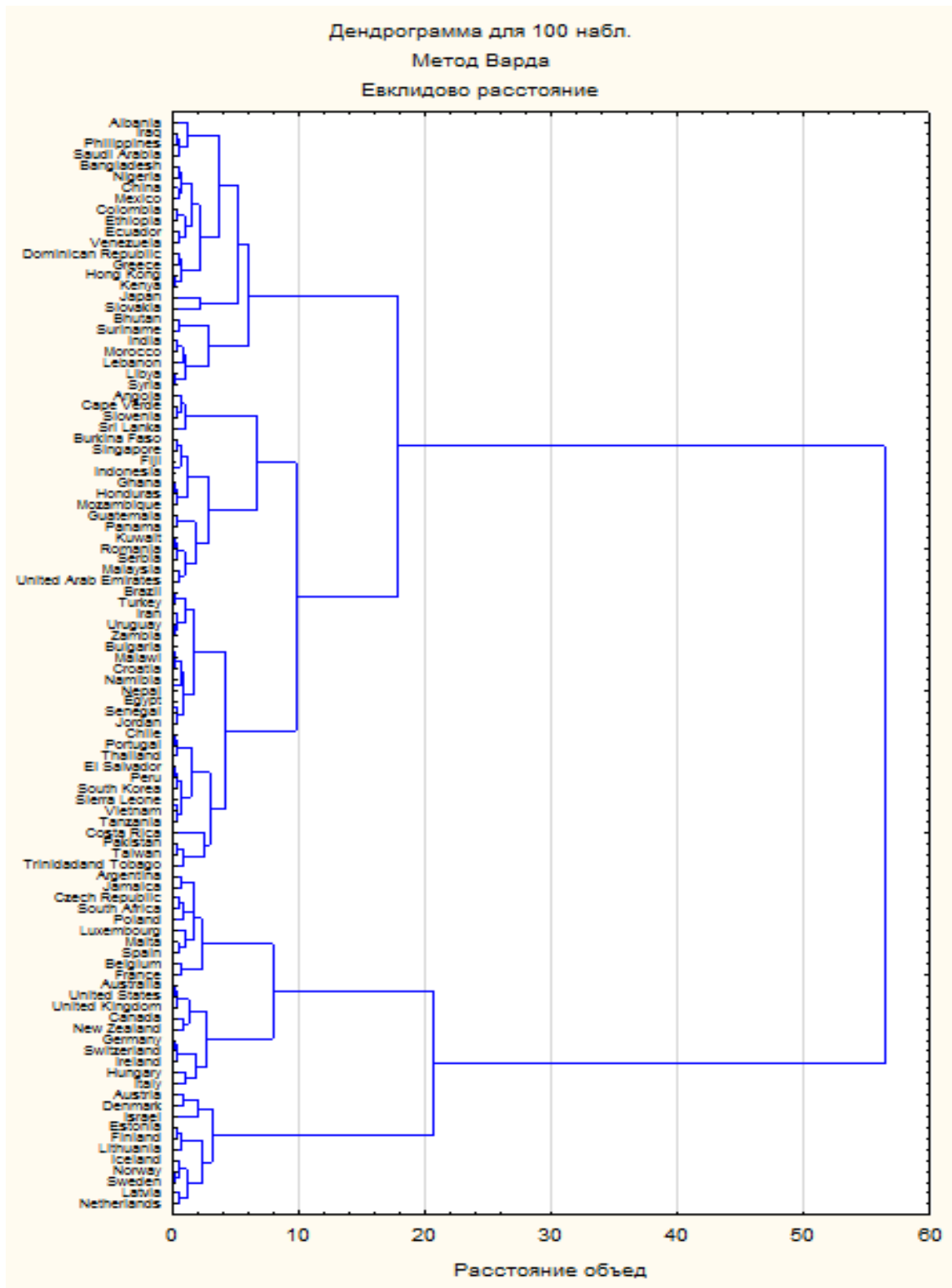

Рисунок Б.5 - Дендрограмма кластерного разбиения стран

Для отображения различий признаков в каждом кластере на следующем рисунке представлен график средних:

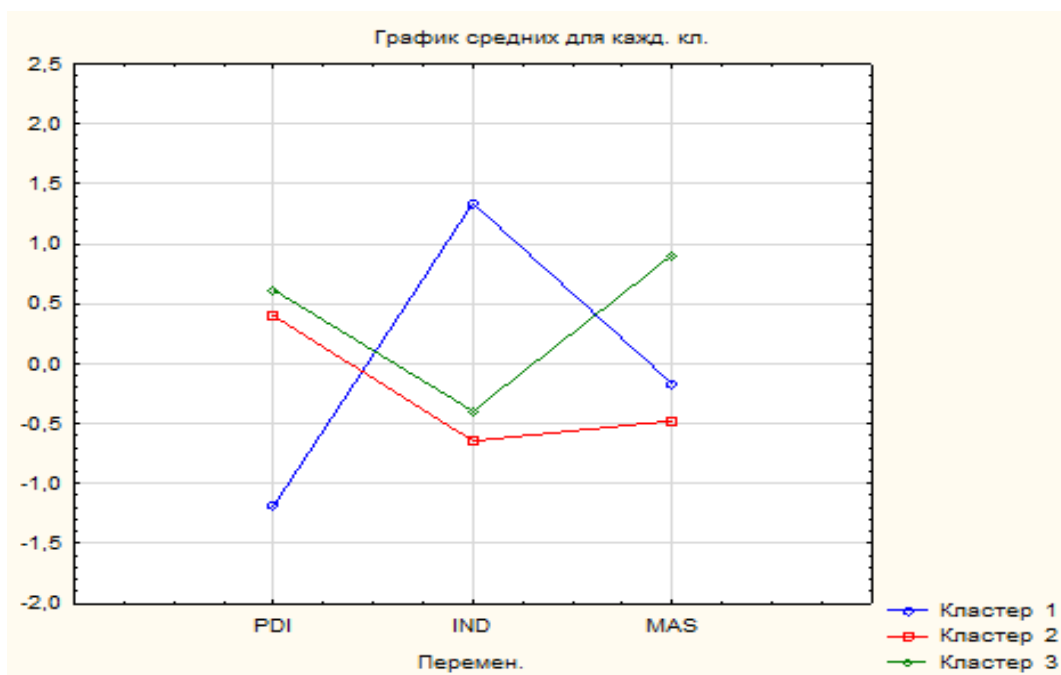

Рисунок Б.6 - График разбиения на кластеры

Как видно на графике для стран, вошедших в первый кластер, характерно более низкое, нежели чем у России, значение индекса власти, более высокое значение показателя индивидуализма и схожие с Россией значения маскулинности.

Значения показателей дистанции власти и индивидуализма для стран второго и третьего кластера довольно схожи: в районе 0.5 по дистанции власти -0.5, по индивидуализму. По показателю маскулинности страны второго кластера существенно превышают значение России. Показатель стран третьего кластера тяготеют к значению - 0.5.

Качество разбиения отображает таблица дисперсионного анализа:

Таблица Б.1 -Дисперсный анализ разбиения

Дисперсионный анализ(data_1)						
	Между-SS	сс	Внутри-SS	сс	F	значим.-p
PDI	58,41860	2	40,58140	97	69,8178	0,000000
IND	74,19213	2	24,80787	97	145,0475	0,000000
MAS	33,58439	2	65,41560	97	24,8999	0,000000

Согласно данным таблицы, разбиение на 3 кластера является допустимым.

Таблица Б.2 - Кластеризация стран относительно России

№ кластера	Количество объектов	Страны
1	29	Аргентина, Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Южная Африка, Испания, Швеция, Швейцария, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки
2	43	Ангола, Бутан, Бразилия, Болгария, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Чили, Коста-Рика, Хорватия, Египет, Сальвадор, Фиджи, Гана, Гватемала, Гондурас, Индонезия, Иран, Иордания, Кувейт, Малави, Мозамбик, Намибия, Непал, Пакистан, Панама, Перу, Португалия, Румыния, Сенегал, Сербия, Сьерра-Леоне, Сингапур, Словения, Южная Корея, Шри-Ланка, Суринам, Тайвань, Танзания, Таиланд, Турция, Уругвай, Вьетнам, Замбия
3	28	Албания, Бангладеш, Китай, Колумбия, Доминиканская Республика, Эквадор, Эфиопия, Греция, Гонконг, Индия, Ирак, Ямайка, Япония, Кения, Ливан, Ливия, Малайзия, Марокко, Мексика, Нигерия, Филиппины, Польша, Саудовская Аравия, Словакия, Сирия, Тринидад и Тобаго, Объединенные Арабские Эмираты, Венесуэла

На следующем этапе стандартизированные данные относительно России ранжируются в порядке возрастания отдельно по каждому из признаков. Из полученного ранжированного ряда находятся отклонения каждой страны по модулю относительно России путём вычитания единицы (поскольку Россия является эталоном, то её относительное отклонение принимает значение единицы).

После этого, полученные отклонения ещё раз ранжируются для определения границ диапазона отклонения. По каждый из 6 полученных диапазонов проводится группировка для составления шкалы отклонений от России.

Таблица Б.3 - Группировка шкалы отклонений

PDI	IND	MAS	UAI	PRAGM	INDUL

Интервал	Ч	Интервал	Ч	Интервал	Ч	Интервал	Ч	Интервал	Ч	Интервал	Ч
0,01-0,18	1 9	0,030,29	2 1	0,06-0,4	3 3	0,01-0,19	2 6	0,01-0,20	1 4	0-0,8	2 6
0,18-0,36	2 9	0,29-0,55	2 9	0,4-0,74	2 4	0,19-0,37	2 0	0,20-0,39	1 7	0,8-1,6	1 9
0,36-0,53	1 3	0,55-0,81	1 7	0,74-1,09	1 8	0,37-0,55	2 2	0,39-0,58	1 4	1,6-2,4	1 9
0,53-0,71	1 5	0,81-1,07	9	1,09-1,43	1	0,55-0,73	1 0	0,58-0,76	2 0	2,4-3,2	1 2
0,71-0,88	3	1,07-1,33	3	1,43-1,78	3	0,73-0,92	2	0,76-0,95	1 4	3,2-4	3

Поскольку полученные интервалы расположены в порядке возрастания степени отклонения стран от России, то каждому из них был присвоен балл от 1 до 5. В соответствии в каждой стране были присвоены баллы по каждому показателю, которые затем были суммированы.

Упорядочив эти суммы по возрастанию, можно определить, какие страны наиболее близки к России, а какие наиболее удалены и за счёт каких показателей это происходит.

После этого, полученные отклонения ещё раз ранжируются для определения границ диапазона отклонения. Поскольку по всем трем признакам диапазоны отклонений находятся приблизительно в одних пределах, то их можно объединить в один общий диапазон. По данному диапазону проводится группировка для составления шкалы отклонений от России.

Таблица Б.4 - Интервалы показателей экзотичности

Интервал	Частоты		
	PDI	IND	MAS
0-0,35	66	34	41
0,35-0,71	30	46	31
0,71-1,06	4	17	24
1,06-1,42	0	3	2
1,42-1,78	0	0	2

Поскольку полученные интервалы расположены в порядке возрастания степени отклонения стран от России, то каждому из них был присвоен балл от 1 до 5. В соответствии с этим каждой стране были присвоены баллы по каждому показателю, которые затем были суммированы. Упорядочив эти суммы по возрастанию, можно определить, какие страны наиболее близки к России, а какие наиболее удалены и за счёт каких показателей это происходит.

На основе проведенного анализа была составлена карта ментальной удаленности стран относительно России.

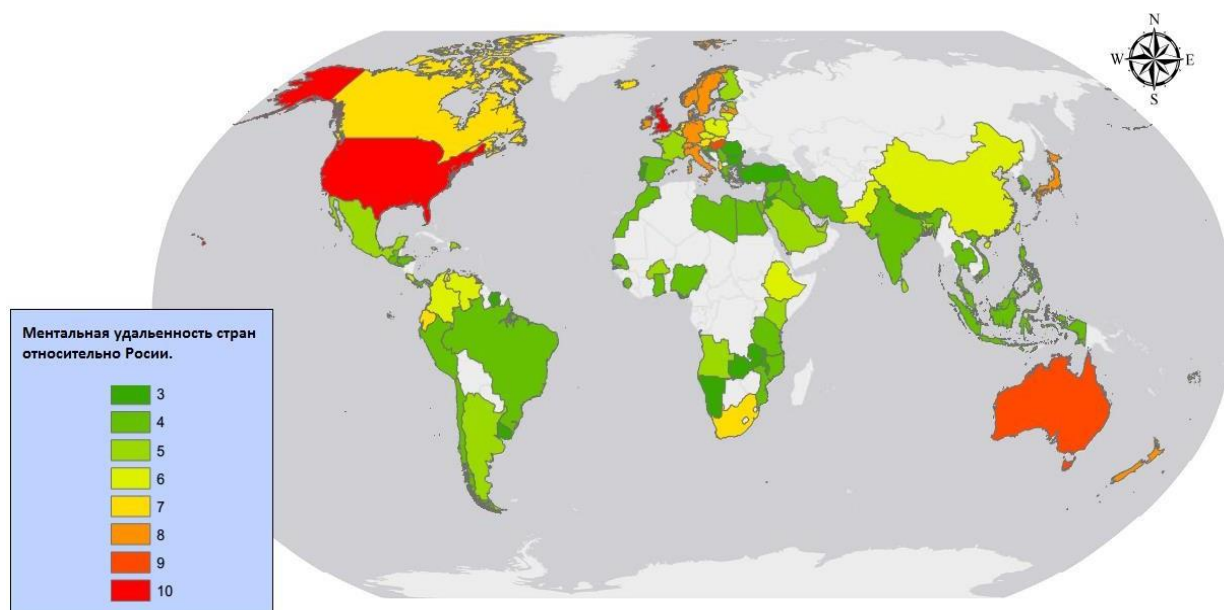

Рисунок Б.7 - Картограмма ментальной удаленности стран относительно России

В таблице представлены наименее экзотичные страны относительно России.

Таблица Б.5 - Наименее ментально удаленные страны

Страна	Показатель экзотичности
Бутан	3
Румыния	3
Суринам	3
Хорватия	3
Болгария	3
Иордания	3
Малави	3
Турция	3
Намибия	3
Непал	3

В таблице представлены наиболее экзотичные страны относительно России.

Таблица Б.6 - Наиболее ментально удаленные страны

Страна	Показатель экзотичности
Германия	8
Швейцария	8
Норвегия	8
Швеция	8
Ирландия	8
Новая Зеландия	8
Дания	8
Венгрия	9
Австралия	9
Соединенные Штаты	10
Великобритания	10

**Приложение В. Адаптированная для Армении анкета опросов
М. П. Крылова³⁰⁵ для выявления региональной идентичности с переводом на
армянский язык**

Анкета содержит восемь основных блоков

Блок «малая родина»

«Считаете ли Вы себя местным?» «Есть ли у Вас место, к которому Вы особенно привязаны и которое считаете своей малой Родиной?»

«Если бы у вас была возможность выбирать, в каком городе жить, то выбрали бы Вы населенный пункт, в котором проживаете?»

Блок «армянский патриотизм»

«Очень ли важно ли для Вас ощущать свою принадлежность к Армении?»
Варианты ответов: «да, Армения – моя Родина, и я ею горжусь»; «да, я не смог бы жить в другой стране»; «нет, я хотел бы жить в другой стране, но не имею возможности эмигрировать» – т.е. пассивное желание эмигрировать; «я думаю о переезде в другую страну» – активное желание эмигрировать.

Блок «пространственная ориентация»

«Что Вы называете, прежде всего, при рассказе о себе в неформальной беседе (не при устройстве на работу)?» Варианты ответа: «населенный пункт, где я живу»; «область, где я живу», «откуда я родом»; «свою национальность»; «образование»; «место работы», «должность, профессию».

«Что Вы ответите, если Вас спросят, откуда Вы?»

Варианты ответа: «населенный пункт, откуда я родом»; «населенный пункт, где я живу»; «область, где я живу»; «часть Армении, откуда я родом»; «часть Армении, где я живу»; «в православном мире, на исконно армянской территории».

Блок «генеалогия»

«Если Вы местный, то сколько поколений Ваших предков здесь жило?»; «Кто из Ваших предков здесь (недалеко) похоронен?»; «Знаете ли Вы места рождения своих предков (два и более поколения назад)?»

³⁰⁵ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России, М., Новый хронограф, 2010 — 240 с.

«Назовите места рождения своих предков, хотя бы приблизительно».

Блок «высказывания, поговорки»

Назовите несколько армянских поговорок-индикаторов армянской души, национального духа.

Субэтничность

«Согласны ли вы с утверждением: «нужно сделать все возможное для сохранения местных различий в говорах, особенностях поведения, питания и т.д.»? (следует обратить внимание, что это не констатация реально наблюдаемых различий, а ценностная установка); «Согласны ли Вы с утверждением: «нужно сделать все возможное, чтобы сохранить различия в специфике архитектуры, внешнего облика городов?»; «Одобряете ли Вы деятельность общественных объединений по защите окружающей среды и культурного наследия?»».

Блок «родной город, край»

«Согласны ли Вы, что место Вашего проживания исторически относится к ... краю?»; «Знаете ли Вы старинный герб Вашего города?»; «Любите ли Вы населенный пункт, край, где Вы живете?»; «Если (не) любите, то за что?»».

Блок «общинность»

«Сколько приблизительно человек Вы знаете в лицо в Вашем населенном пункте?»; «С каким количеством человек в Вашем населенном пункте Вы здороваетесь; общаетесь?»

«Читаете ли Вы местную прессу (постоянно, периодически, очень редко, никогда?)»

Блок «своя местность и соседние территории»

«Отличаются ли жители Вашей местности от жителей других территорий? – они лучше (хуже, затрудняюсь ответить)»; «Становятся ли жители Вашей местности, территории, населенного пункта (черты характера, быта, историческое прошлое) предметом насмешек жителей других территорий?»; «Какие прозвища дают Вам жители других территорий?»; «О жителях каких соседних территорий, населенных пунктов Вы знаете высказывания, насмешки, прозвища (какие именно)?»; «Ощущаете ли Вы давление, конкуренцию со стороны жителей близлежащих

территорий? Каких именно?»; «На информацию по телевизору, радио или в газетах о каких населенных пунктах (и почему) Вы обращаете внимание (по Армении, но без Карабаха)?»

Перевод на армянский язык

Չանգվածային հարցումների հարցաշարը պարունակում է ութ հիմնական բլոկ:

Արգելափակել «փոքր հայրենիքը».

«Դուք ձեզ տեղացի համարում եք»: «Դուք ունե՞ք մի տեղ, որին հատկապես կապված եք և որը համարում եք ձեր փոքրիկ Հայրենիքը: «Եթե հնարավորություն ունենայիր ընտրել, թե որ քաղաքն եք ապրելու, կընտրեի՞ք այն բնակավայրը, որտեղ ապրում եք»:

«Հայ հայրենասիրություն» դաշինք.

«Քեզ համար շատ կարևոր է զգալ քո պատկանելությունը Հայաստանին»: Պատասխանի տարբերակներ. «Այո, Հայաստանն իմ հայրենիքն է, և ես հպարտ եմ դրանով». «Այո, ես չեի կարող ապրել այլ երկրում»; «Ոչ, ես կցանկանայի ապրել այլ երկրում, բայց ես հնարավորություն չունեմ արտագաղթելու», այսինքն. արտագաղթի պասիվ ցանկություն; «Ես մտածում եմ այլ երկիր տեղափոխվելու մասին»՝ արտագաղթելու ակտիվ ցանկություն.

Արգելափակել «տարածական կողմնորոշումը»

«Ի՞նչ եք անվանում առաջին հերթին ձեր մասին ոչ պաշտոնական գրույցի ժամանակ (ոչ աշխատանքի դիմելիս) խոսելիս: Պատասխանների տարբերակներ. «Տեղը, որտեղ ես ապրում եմ»; «տարածքը, որտեղ ես ապրում եմ», «ուր ես գալիս եմ»; «նրանց ազգությունը»; «կրթություն»; «աշխատավայր», «պաշտոն, մասնագիտություն».

«Ի՞նչ կպատասխանեք, եթե ձեզ հարցնեն, թե որտեղից եք»:

Պատասխանների տարբերակներ. «Տեղը, որտեղից ես գալիս եմ»; «Տեղը, որտեղ ես ապրում եմ»; «տարածքը, որտեղ ես ապրում եմ»; «Հայաստանի մի մասը, որտեղից ես գալիս եմ»; «Հայաստանի այն հատվածը, որտեղ ես ապրում եմ»; «ուղղափառ աշխարհում՝ սկզբնապես հայկական տարածքում».

Ծագումնաբանության բլոկ

«Եթե տեղացի եք, ձեր նախնիների քանի՞ սերունդ է ապրել այստեղ»: «Ձեր նախնիներից ո՞վ է թաղված այստեղ (մոտակայքում)»: «Գիտե՞ք, թե որտեղ են ծնվել ձեր նախնիները (երկու կամ ավելի սերունդ առաջ):

«Անվանեք ձեր նախնիների ծննդավայրերը, գոնե մոտավորապես»:

Արգելափակել «հայտարարություններ, ասացվածքներ»

Նշե՞ք մի քանի հայկական ասացվածքներ, որոնք հայ հոգու, ազգային ոգու ցուցիչ են:

Ենթաէթնիկ պատկանելություն

«Համաձայն էք պնդման հետ. «Ամեն ինչ պետք է անել, որպեսզի պահպանվեն տեղական տարբերությունները բարբառների, վարքագծի ձևերի, սննդի և այլնի վերաբերյալ»: (պետք է նշել, որ սա փաստացի նկատված տարբերությունների հայտարարությունն է, այլ արժեքի կարգավորում); «Համաձայն էք այն պնդման հետ, որ «պետք է անել ամեն հնարավորը ճարտարապետության առանձնահատկությունների, քաղաքների արտաքին տեսքի տարբերությունները պահպանելու համար»: «Հավանում եք շրջակա միջավայրի և մշակութային ժառանգության պաշտպանության հասարակական միավորումների գործունեությունը»:

Արգելափակել «հայր քաղաքը, շրջանը»

«Համաձայն էք, որ ձեր բնակության վայրը պատմականորեն պատկանում է ... եզրին»: «Գիտե՞ք ձեր քաղաքի հին զինանշանը»: «Ձեզ դուր է գալիս բնակավայրը, այն շրջանը, որտեղ ապրում եք»: «Եթե (ոչ) սեր, ապա ինչո՞ւ»:

Արգելափակել «համայնքը»

«Մոտավորապես քանի՞ հոգու եք ճանաչում տեսողականորեն ձեր բնակավայրում»: «Քո բնակավայրում քանի հոգու ես ողջունում. շփվե՞լ: «Դուք կարդում եք տեղական մամուլը (անընդհատ, պարբերաբար, շատ հազվադեպ, երբեք):

Արգելափակել «սեփական տարածքը և հարակից տարածքները».

«Ձեր տարածքի բնակիչները տարբերվո՞ւմ են այլ տարածքների բնակիչներից: – ավելի լավն են (ավելի վատ, դժվարանում են պատասխանել)»; «Ձեր տարածքի, տարածքի, բնակավայրի (բնավորության գծեր, ապրելակերպ, պատմական անցյալ) բնակիչները դառնում են այլ տարածքների բնակիչների ծաղրի առարկա՞: «Ի՞նչ մականուններ են տալիս ձեզ այլ տարածքների բնակիչները»: «Հարեւան ո՞ր տարածքների, բնակավայրերի բնակիչների մասին հայտարարություններ, ծաղրանք, մականուններ (որոնք) գիտեք»; «Մոտակա տարածքների բնակիչների կողմից նշում, մրցակցություն գգո՞ւմ եք: Որ մեկը?"; «Ո՞ր բնակավայրերում (և ինչու) եք ուշադրություն դարձնում հեռուստատեսությամբ, ռադիոյով կամ թերթերում (Հայաստանում, բայց առանց Ղարաբաղի) տեղեկատվությանը: